

ЖИТЕЙСКИЕ БЫЛИНЫ

Воспоминания
о Геннадии Хомутове

Оренбург
2021

ББК Ш5(2=Р)7-4

УДК 82-6

Ж 74

*Издано попечением
заместителя председателя Законодательного Собрания
Оренбургской области
Александра Анатольевича Куниловского,*

*членов и выпускников Оренбургского областного
литобъединения имени В.И. Даля
при поддержке Оренбургской региональной писательской
организации Союза писателей России*

*Редактор –
Иван Владимирович Ерпылёв*

**Житейские былины. Воспоминания о Геннадии Хому-
тове.** – Оренбург, изд-во «Ямб», 2021. – 160 с.

В книгу воспоминаний об известном оренбургском поэте, просветителе, культурном деятеле, многолетнем руководителе Оренбургского областного литобъединения имени В.И. Даля Геннадии Фёдоровиче Хомутове (1939 – 2020) вошли воспоминания его друзей, учеников, единомышленников, а также биографический очерк дочери поэта Елены Геннадьевны Поконовой. Для литературоведов, краеведов и широкого круга читателей.

© Авторы текстов (текст), 2021.

© Издательство «Ямб», (макет и вёрстка) 2021.

ISBN 978-5-6046128-4-2

12+

Писать воспоминания легко о тех, с кем был знаком эпизодически, с кем имел всего несколько встреч или телефонных разговоров: человек предстаёт перед тобой какой-то одной гранью, восприятие его у тебя ёмкое, законченное. Гораздо сложнее, когда ты прошёл с кем-то долгий путь, в несколько десятков лет, когда знал человека и в творчестве, и быту, проводил с ним целые рабочие дни.

За Геннадием Фёдоровичем никто никогда специально не записывал. Только в последние годы включали мы тайком на лито диктофон, когда он рассказывал какую-нибудь авантюрную историю из своей литературной юности. Да и сам Геннадий Фёдорович не вёл дневников, не брался за мемуары, не составлял родословной. Бывало, даже негодовал, когда на конкурсах детского творчества кто-нибудь порывался представить исследовательскую работу о нём.

Теперь, когда не стало его, кажется, что на тебя обрушилась целая вселенная бесед, искрометных высказываний, литературных оценок, общих дел, эпизодов бескомпромиссной борьбы за русское слово. Эта вселенная пока ещё не в алфавитном порядке. Ещё не возникло того расстояния, на котором видится большое, ещё не всё забытое вспомнилось, ещё не всё непонятое осозналось, ещё не все сны о Геннадии Федоровиче приснились.

Уверен, что в будущем нас ждёт большая, обстоятельная биографическая книга о нашем учителе. Кто бы из нас за неё не взялся, он выстроит четкую хронологию жизни, соберёт до последней строчки его стихи, статьи, рецензии, заметки, задумается над мифологемами, которыми полна жизнь Геннадия Федоровича. Но для этого нужно время. А пока лишь, как говорится, «штрихи к портрету».

Михаил Кильдяшов

МОЙ ПАПА

Ещё в июне 2020-го я и не подозревала, что в октябре сяду за папин легендарный письменный стол и возьму в руку перо. Оказалось, что быть рассказчиком, да таким, чтобы тебя слушали, дано не всем. Стараешься быть понятой, силишься передать подробности – предложение выходит бесконечным, и мысль теряется... В последнее время читаю произведения наших земляков – папиных друзей. Как же легко читать Владимира Анатольевича Пшеничникова. Краткость – сестра таланта! Пара-тройка ярких деталей – и сразу картинка или характер оживают. Что же, попробую соответствовать...

Родители воспитывали меня так, чтобы я никогда не выделялась – была скромной. Папа, при его таланте, эрудиции, начитанности, не считал зазорным попросить моей оценки его предисловий к многочисленным книгам и сборникам, которые он готовил к печати. Помню, когда Михаил Кильдяшов и Иван Ерпылёв задумали опубликовать письма к Геннадию Фёдоровичу Хомутову, папа долго не мог поступиться к предисловию и начал с источника новостей – с почтового ящика. Я, набирая текст на компьютере, похвалила, однако папа, оставаясь очень требовательным к себе, был не совсем доволен собою. Скромен был.

Моя мама, отличница, Врач с большой буквы, казалось, умела всё: в домашних условиях удалить гнойники с гланд дочери, связать

Мама и папа совсем молодые

Начало 80-х. Во дворе нашего дома

паутинку, написать стихи для конкурса медицинских сестёр, сшить модное платье, спеть (пела когда-то в школьном хоре), приготовить своё фирменное блюдо (блинчики с мясом и капустой), занять внуков сказками, которые ей рассказывала в детстве бабушка (Владимир Иванович Одноралов даже записал однажды эти сказки для радио). Мама приучала меня ко всему. Ну кроме мини-операций, за которые преподавателю немецкого языка и немецкой литературы и браться не стоит.

*10 мая 2019. 80-летний юбилей!
Хомутовы. Я навсегда останусь
Еленой Хомутовой. С гордостью
ношу эту фамилию...*

Я счастливый человек, поскольку моя жизнь, большая её часть, прошла в одной семье, рядом с моими родителями – Верой Александровной Хомутовой (урождённой Матвеевой) и Геннадием Фёдоровичем Хомутовым. По рассказам мамы, папа, узнав, что родилась я, долго подкидывал шапку под окнами родительного дома на улице 8-го Марта.

Приведу строки из записки папы в роддом. «Вера! Знаешь, я хочу посмотреть девочку. Опять посмотреть хоть через стекло...» «...Нашей дочери уже сутки... вчера я два раза слышал внизу, как дети кричат. Младенцы. Может, и нашей голосок был...» «Здрав-

ствуй, Вера! Девочка мне понравилась. Глазки у нее смешные и очень хорошие. Пусть она быстрее растёт. Я очень буду её любить. Следи за тем, чтобы она не болела. Мне кажется, что она будет умной и красивой».

Я уже говорила, мама была врачом. По окончании мединститута ее оставили в городе Оренбурге. Папа позаботился. Ходил к Борису Сергеевичу Бурлаку, хлопотал об этом. Мама должна была поехать в г. Медногорск. Её мечта – работать оперирующим гинекологом, к сожалению, не осуществилась, и об этом она мне неоднократно говорила. И мама была направлена на работу в Центральную

поликлинику Промышленного района г. Оренбурга участковым терапевтом. И жильё (комната, прилегающая к здравпункту) получили мы на ТЭЦ, что на берегу Сакмары. Я, конечно, часто бывала с родителями в этом месте, будучи уже взрослой, так как пункт для голосования во время выборов находится неподалеку от этого особняка. Мы жили какое-то время там. Я помню только качели, как папа меня катал. И речку. И всю жизнь мы так и жили в этом районе города – на Маяке.

И первые мои воспоминания о том, как он заботился обо мне. Мама порой удивлялась, что он, оставаясь со мной, дочь накормит, а сам сидит голодный: «Вера, ты ж не сказала, чтоб и самому покушать». Папа выполнял все мои прихоти, например, носил на руках в детский сад или обратно, потому что «у Лены пяточка болела».

Лето 1973-го, последнее перед школой. Я провела его в Кувае, у бабушки Татьяны Ананьевны. Папа приезжал в деревню часто. Я была очень худенькая, у меня был плохой аппетит, а перед школой надо было набраться сил и окрепнуть. И папа придумал хитрость,

сказав мне, что в первый класс возьмут тех, кто выпьет энное количество стаканов молока. На стену в летней кухне повесили «учётный лист», и я стала заполнять его палочками, соревнуясь с соседским мальчишкой, старалась не отставать... Первого сентября, после школы сконфузила выдумщика, объявив родителям, что о молоке даже и не спрашивали.

*1 сентября 1973 года.
Папа, мама! О молоке в
школе и
не спрашивали!*

Много раз ездила с папой в Кувай, любила эти поездки. Интересной была уже сама дорога: папа много рассказывал, особенно о горе Монашке, которая находится за Покровкой Новосергиевского района. Ходила с папой на рыбалку. Причём рыбалка была такой: человек восемь в воде, кто с бреднем, кто с «ботом» загоняет рыбу

в бредень; бабушка, я и ещё пара человек идём за ними по берегу. Наша задача – после очередного заброда собрать рыбу и – непременно отдельно – раков. Папа казался мне бесстрашным! Ещё бы, ведь он вырос на реках Кувай и Солянка! После рыбалки –

неповторимая уха, рыбные котлеты. Отдельный разговор – раки, их была целая гора на столе, ели-потрошили сколько душе угодно, до отвала!

В папином архиве сохранились многие, очень подробные письма бабушки, Татьяны Ананьевны.

В одном из писем к своей старшей дочери, Анне, бабушка писала об отце своём, Кузнецове Анании Павловиче: «...Прислали родители посылку... Я так и сделала, а они и письма не прислали, получили или нет, а брат и сестра уже были в Москве по вербовке... приехала в Покровку, а у мамы ни пылинки муки и куска хлеба нет. Я привезла пшено 12 кг. и муки столько же, и сухариков. Ну и что же, пришлось опять голову ломать как жить – пшено продала и в Оренбург за хлебом... Отец мой был огородником...» Бабушка, судя по письму, помогала и родителям, и брату с сестрой. Голод был. И с той поры, не только у неё, но у многих хозяек в доме был запас муки, крупы...

Вернёмся к папиным письмам, адресованным бабушке.

Их сохранилось только четыре. Папа дал мне прочесть эти письма только в мае 2020 года. Я читала их как художественное произведение. Хочется привести отдельные отрывки из них. «...Ленка пошла в школу. Её надо провожать и встречать. Надо, чтоб она сразу взялась за учёбу, привыкла к самостоятельности, ведь от того, как начнёт учебу, зависит всё её будущее. Какое начало – такой конец. Слава Богу, учится она хорошо. Очень трудолюбивая, к учёбе относится ревностно. Возможно, будет отличницей. Словом, в тебя, в меня, в Веру....

...Ленка шлёт тебе фотографию. Фотографировались первого сентября прошлого года. Уехала от тебя безграмотной, а теперь вот её фотография висит в школе. Вошла в число лучших учеников школы. А их всего полторы тысячи. От неё к тебе есть претензия. Это она нам с Верой высказывала. Сажала с бабой Таней тыквы, а семечки грызёт Наташка.

Через 27 дней Ленка заканчивает первый класс...»

Недавно в домашней библиотеке мне попалась книга «Бибигон» Корнея Чуковского. Помню, это подарок Игоря Александровича Бехтерева. Мне было года четыре. У меня были интересные игрушки, которые папин друг привозил для меня из очередной поездки в Москву. Никогда не приходил к нам с пустыми руками.

*2019 год. Наша любимая беседка на даче.
Все ещё живы... С другом – Игорем Александровичем Бехтеревым за беседой*

Игорь Александрович был близким другом папы. В последние несколько лет он жил в Рычковке. Они часто виделись, созванивались. Мы довольно часто бывали в его Рычковке, когда была машина в семье. Папа всегда интересовался хозяйственными делами Игоря Александровича. Давал ему советы. Очень огорчался за его промахи в быту. Прошлой осенью настоятельно посоветовал взять с нашей дачи саженцы сливы, поскольку очень хороший сорт. Но урожая не увидеть ни Игорю Александровичу, ни папе.

21 октября 2020 года умер и Игорь Александрович. Он сказал, когда папы не стало: «Он для тебя был только отцом. А кого лишились все мы – этого и не выразить».

Папа покупал мне книжки-«раскладушки». Пишу, а перед глазами – папа на диване. Я расположилась на полу, сделав перегородки «квартиры» из книг-раскладушек. Помню, не разрешала наступать в свои владения...

Ещё в однокомнатной квартире у меня было своё «рабочее место» – столик со стульчиком. Я любила рисовать красками. Мама сшила мне халат (фартук просто бы не спас от красок платье), зная, что вся буду в красках. Подолгу и много рисовала, после чего папа развешивал мои «шедевры» везде, где только можно, не дай Бог хоть один выкинуть!

Папа во многом мне потакал, может, даже баловал свою дочку. После ванны я требовала зеркало и расческу (года четыре еще было!), всё это мне подавал, затем убирал на место. Не всякий отец бы это делал!

...Дом в Кувае. Забор вокруг бабушкиного дома был обычным плетнём. Папе приходилось часто его ремонтировать – менять целые пролёты между столбами. А материал – ветла с берега реки Кувай. Идём вместе за ветлой. Нарубит, да столько, что не утащить, затем в гору, к бабушкиному дому тащит. Дикая выносливость и работоспособность!

Крестьянином он был до мозга костей! Выполнял любое дело с желанием. Никогда не откладывал на потом. И меня учил тому же!

...Мои дедушка и бабушка по маминой линии жили в городе Аксае. Переехали из села Шигони (Мордовия), после войны, когда дедушка осенью 1945 года вернулся домой.

В Аксае станция, железная дорога, школа-десятилетка. Это было очень важно при выборе места жительства, поскольку в семье уже было трое детей. Александр Николаевич и Ольга Константиновна отстроили землянку (низкий дом под мазаной глиной крышей). Шли годы, дом нужно было перестраивать. И вот собрались все дети Матвеевых – три сына и дочь, внуки. Работа предстояла колоссальная: за лето поднять стены, установить стропила, накрыть крышу. Когда присоединился к этой большой бригаде папа, дедушка просто был шокирован: папа оказался неустойчивым, работал за троих. И позже дедушка сказал: «Если б не Геннадий, не подняли бы мы дом за лето!»

В одном человеке сочеталось всё – поэтическая душа, крестьянский дух, работоспособность, выносливость.

Мой первый класс. Помню прекрасно, как папа объявил, что на родительские собрания в школу ходить ко мне не будет, придёт только в первом классе, и когда я буду получать аттестат в десятом. Так оно и вышло...

Как-то раз, в классе, наверное, уже четвёртом я была, мама уехала на выходные к своим родителям в Аксай. Нам же с папой оставила задание – сходить в магазин, предварительно составив список продуктов. В магазине я, увидев маковки (мои сверстники помнят, что это за лакомство: как козинаки, только вместо орехов и семечек – мак), попросила купить. Папа выполнил мою просьбу. На следующий день ещё... и, когда вернулась мама, я уже начала покрываться красными пятнами. Влетело...

Сколько у нас с папой было общих секретов! Мама часто готовила щи. Я ела очень плохо, если лук увижу – не буду. Потому папа

наливал мне через шумовку. И вот однажды эту процедуру он начал проделывать при маме. Очень попало ему!

Моя семья и книга

Книги в нашем доме были всегда. Сколько себя помню, и мама, и папа – с книгой. Сначала в нашем доме было немного книг – два стеллажа (полка шесть) в однокомнатной квартире. А позже, когда переехали в нашу квартиру на Добролюбова, «на первом этаже неба», библиотека разрослась. Я переписала все книги в ней, создала каталог. Их – без малого четыре тысячи. Каждая прочитана папой. Он читал всегда, по ночам, в последние полтора года с раннего утра. Постоянно с книгой, или с газетой, или с журналом. Даже на прием к врачу обязательно прихватывал с собой книгу, чтобы зря не терять драгоценного времени.

*1974 год. Мама, я, папа.
Папа только с книгой.*

Когда в стране был книжный бум, папе удавалось «доставать» редкие книги, которые он сразу прочитывал. Знал о выпускаемых новинках, имел под рукой тематический план того или иного издательства, подолгу разговаривал по телефону на эту тему.

За пишущей машинкой – до двух-трех часов ночи, за своим письменным столом.

В моей маленькой семье (до замужества) читали мы все. Постоянно. Мама, работая на полторы ставки заведующей поликлиникой, успевала прочитывать новинки, помимо своего «Терапевтического архива», или «Медицинской сестры», или «Работницы», или «Советской женщины», не говоря уже о «Медицинской газете». Потом всё обсуждали с папой, спорили.

В нашем доме для книг – стеллаж, состоящий из пяти секций. Закрыт дверцами. Это неспроста. Были времена, когда ещё из маленькой нашей однокомнатной квартиры, с открытых полок часто исчезали книги. Мама заказывала стеллаж на мебельной фабрике.

Когда его привезли и установили, мы с папой до пяти часов утра представляли книги, а как радовались! Но места в шкафах всё равно не хватало. В моей комнате стоял секретер, у папы в его письменном столе почти шкаф книг помещается. И сейчас, готовясь к переезду, дочь Ольга объявила, что дедушкин письменный стол должен переехать в Зеленоград. Обязательно! Я, переписывая папину библиотеку, сохранила на старом месте книги, которые стоят в столе на полках, – это книги Бориса Слуцкого. Папиного учителя и старшего друга. Папа их поставил сам на это место. Сидя за столом протяни руку – и у тебя в руках томик Слуцкого.

В архиве папы я нашла письмо из Москвы к маме 1970 года. Хочется привести строки из него.

«...Борис Слуцкий приехал только 12 октября, ночью, он очень болен. Я ему позвонил сразу. Рассказал свою просьбу. Он ко мне, как ты знаешь, хорошо относится. Теперь же в Литинституте новое правительство. И ректор (Пименов) и проректор (Михайлов) критики. Притом Б. Слуцкий друг проректора. Он сказал, как мне действовать...

Завтра еду к Слуцкому на квартиру. Будет у нас большой разговор с глазу на глаз о моей книге в Москве и в Челябинске, о моей работе в Оренбурге, о квартире, о многом...»

Я говорила уже о том, что папа все просьбы выполнял, не откладывая в долгий ящик. Перезванивал, отвечал на письма. С каждым годом расширялся круг его знакомых, заочно знакомых. Среди них – Минченкова Татьяна из г. Людиново Калужской области. Это – правнучка знаменитого оренбургского купца первой гильдии Ф.М. Деева.

В вышедших к 80-летию Геннадия Фёдоровича «Письмах ко мне», есть и её письма папе. Папа как-то отправлял ей альбом старого Оренбурга. Эта женщина написала родословную купцов Деевых. Папа обратился ко мне с просьбой – сделать фото стелы в центре города Оренбурга, где золотом высечено имя Деева. Для моего папы, который с таким трудом собрал материал о своём дедушке А.П. Кузнецове, это было важно, поскольку он понимал, что любой факт, связанный с предками, очень важен, и упустить его нельзя!

В пору моей юности

1980 год. Папа ездил в командировку с агитпоездом от ЦК комсомола по тюменскому северу, а я отдыхала на Алтае, в Белокурихе. Он приехал за мной. Я увидела своего папу – непривычного – без портфеля его и живота (очень он похудел!). Из Белокурихи в Барнаул мы не успевали, у нас были билеты на поезд «Барнаул – Днепрпетровск». Выход – на «кукурузнике» из Белокурихи долететь до Барнаула. До сих пор помню, как парень, дежурный по аэропорту, в сторону – москвичей, а посадил на самолёт нас – оренбуржцев. Папа был просто потрясён. Он говорил, какой хороший народ на Алтае! И мы успели. Тогда папа летел впервые на самолёте. Выдержал...

Дорога домой была очень долгой. Двое с лишним суток мы ехали. Папа покупал всё, что просила. Это его замечательное качество быть не жадным, всё – детям, потом и на внуков перешло.

Папа часто выручал меня. Но сочинения я писала всегда сама. Он вообще моей учебы не касался. Учитель литературы и русского языка – Брежнева Нина Матвеевна – часто не ставила за мои сочинения оценки, особенно на свободные темы, или за описание картины. Просто возвращала тетрадь, ставя в конце работы вопросительный знак. Своеобразная педагогика...думала, что папа пишет за меня. Но я всегда, как и папа, много читала, была уже в школе начитанной девочкой.

Но вот с физикой однажды было несколько иначе. 10 класс. Задача по физике. Ну, а я ни физику, ни химию, ни математику не любила. Моим любимым предметом был иностранный язык (немецкий). В тот вечер к папе заехал его хороший друг Владимир Анатольевич Пшеничников. И, о счастье! Он помог мне с задачей, разъяснил. Выручил. В классе, конечно же, народ списал. И когда учитель физики Н.К. Кузнецова (а она замечательный учитель, хорошо объясняла), стала спрашивать, кто решил эту задачу, хватило дерзости только у одной одноклассницы, не хочу упоминать её имя, поднять руку и получить пятёрку. Мне же было стыдно поднять руку, решила-то не я, а папин друг. Папа после этого случая ещё больше зауживал Владимира Анатольевича: не только в литературе талант...

Июль 1983. Перед вступительными экзаменами в ОГПИ им. В.П. Чкалова ездили в г. Рудный Кустанайской области, где жили мамы младшие братья.

Папины друзья. Это и известные в России поэты, и инженеры, и врачи, и просто рабочие. Однажды в нашем доме на пороге появился человек, казалось бы, невзрачный на вид. Это мои студенческие годы, 1985 – 1986 годы. Я, удивилась, поскольку не знала, что этот человек – москвич. Папа представил его. Иван Лысцов, поэт, друг. На вид – простой, одет очень скромно. Он показался мне очень стеснительным... В мае этого года, когда с папой начали разбирать архив, он показал мне рукопись – рецензию Ивана Лысцова на папины стихи, его письма к папе. И я вспомнила тот октябрьский вечер, когда он побывал в нашем доме.... Сейчас я вспоминаю, что папа часто говорил об этом человеке. Да, за гражданскую смелость лишился жизни... Смелый русский поэт.

Один день из жизни ГенФеда (бедного Гены)

Почему «бедный Гена»? Папа не всегда был аккуратен. Мама часто делала ему замечания. На что слышали мы в ответ: «Опять бедный Гена виноват...» Да, было в его характере часто что-то преувеличивать. Но у каждого человека есть недостатки. И это вполне нормально.

Следует сразу разграничить, как проходил будничный день ещё во время службы в Доме литераторов, и как после.

Утро. 10 часов. Папа ещё в постели. Мама заходит в его комнату и говорит; «Гена, ты просил разбудить в половине десятого. Но ты так крепко спал, что мне было жаль тебя будить». Папа сильно кашлял по ночам. До часов четырёх не мог уснуть. Читал всю ночь. Я из своей квартиры с третьего этажа соседнего дома видела в окно папино светящееся окно до двух – трёх часов ночи).

Или же его будил телефонный звонок. Это кто-либо из авторов.

Встаёт, идет на кухню, включает радио. За завтраком слушает последние известия. Затем звонки. Сборы. Собирает портфель, вспомнит вдруг, что книгу кому-то обещал, начинает искать. Портфель готов – еле закрывается. Уходит к обеду. Говорит, что сначала в редакцию, сдать «врез» в «Мастерскую», Старых ждёт! Обещал к обеду подвезти. Это до того времени, пока компьютер, интернет в нашей квартире (в моей, в соседнем доме) не появился. Потом интернет сократил время. Папа напишет врез, я даже просила – не надо на машинке, сами наберём текст и отправим. Сначала правой рукой бабушки была в этих делах внучка Оля, ну а после её замужества этим всем занималась я).

Затем в Дом литераторов. Говорит, придут авторы, везу им рукописи. Потом надо на почту, на 14 почтовое отделение сходить, отправить письма. Вернусь часов в 6.

Перед тем, как отправляться домой, звонок маме: «Ну всё, я еду».

С порога: «Кто мне звонил? Почта мне была? «Литературная Россия»? «Литгазета»? Письма мне есть?»

Обязательно перезванивал после ужина, если звонок не застал его дома.

Но очень часто задерживался. Возвращается с работы с тяжеленным портфелем. Достает гостинец внукам. Маму просит: «Давай звони, пусть спускаются! Пировать будем!» (значит пить чай с конфетами, либо пирожными). Спускаемся мы, папа ужинать садится, рассказы о том, что там, в городе, новости, расспросы о делах в школе, потом в институте. Папа даёт поручения внучке (это когда Оля активно подключилась к помощи бабушке), либо мне.

Уходить домой не хочется, жизнь кипит именно здесь, у родителей. Папа к телевизору – посмотрит новости. Если неплохой фильм – его. После чего к себе в кабинет, за свой стол. И вновь рукописи, ответы на письма, телефонные звонки. Как любил говорить:

«Сделаю пару нужных звонков». Потом за книгу – открывает свой «освенцим» – так называл книжный стеллаж – берет книгу – и читает до трёх – четырёх часов. А потом в его окне гаснет свет.

В дни, когда литгруппы не было, вечером папа по несколько раз пил чай в кругу семьи – с детьми, внуками, женой. Мама, часто говорила: «Чай не буду, а с вами посижу, составлю компанию».

После увольнения из Дома литераторов распорядок дня поменялся. Да и как не измениться. На холодильнике, прикреплённый магнитиками, – список лекарств. Почти по часам.

На письменном столе постоянно лежит тонометр.

Утром вставал часов в 8. Измерил давление. Завтрак. Лекарства. За завтраком – радио, новости. Потом за письменный стол – составить план на день. Чтение работ школьников, присланных на конкурс «Рукописная книга». Выйти, сделать пару кругов вокруг дома. Чтобы не засидеться. Боялся, что ноги начнут отказывать.

Звонки. Но очень редкие. В последние полгода по вечерам. И в, основном, папа звонил сам. Регулярно звонили Миша и Ваня.

За обедом – новости по радио. Если приносили «Литературку» в этот день, садился, или ложился, когда неважно чувствовал себя, и читал. От корки до корки. Иногда вздремнёт. Затем рукописи, либо чтение книг. Вечером – просмотр передач, связанных с политикой. Тогда он перебирался с записной своей книжкой, ручкой, сотовым телефоном, захватывая пару подушечек, в зал, устраивался в полусидячее-полулежащее положение на «помещичий диван». Иногда просмотры заканчивались далеко за полночь. Он перебазировался с телефонами, подушками, назад, в свой кабинет. И ложился спать.

На первом этаже неба

Папа был крестьянином по натуре. И всё, что делалось в семье – возведение гаража, дачи – всё это строилось основательно.

В нашей квартире мы живем с 1973 года. Вот что папа пишет о переезде и хлопотах – «...осень была суматошной и сумасшедшей. Одних нервов порвали несколько километров с этим обменом квартиры. Был долгий ремонт, я помогал в меру своих сил: где подержать, где подать, что-то вынести. Ремонт длился у нас три месяца. Ведь квартира, в которую мы въехали, построена в 58 году, и с тех пор не ремонтировалась капитально. Одним словом, работы хватало... У нас есть сарай, большой, шлакоблочный. В нём погреб

глубиной в два метра, но плохо утеплённый. Картошка, мешков 8, примерзла. Хорошо, что половину почти поели. Есть рядом с домом и огород. На весь наш двухэтажный дом. т.е. 7 огородиков. Каждый 4 на 21 м., вроде сотки полторы. Наверно, посадим редиску, морковь еще что-нибудь. Весна план покажет....

Сегодня и вчера несмотря на дождь (дождь временами льёт) я вкалывал на своей плантации. Вскопал палисадник 25 квадратных метров, сгребал мусор на огороде и около дома, жёг его. Сегодня же с утра разбирали всякое барахло в сарае. Всякие лишние лохмотья и три мешка бумаги (макулатуры) отволок к мусорной машине, которая два раза в день подкатывает к нашему кварталу. Опять жёг мусор. Переколол половину дров, что остались с зимы. Завтра надо будет закончить с дровами, уложить их аккуратно, станет в сарае чище, просторнее и можно будет ещё завести дров на зиму. Дровами мы топим титан. Колонки газовой пока нет. Но в этом году вроде титаны выкинут. Перейдём на природный оренбургский газ. Поставим и колонку. Надо горячую воду – включай колонку, стирай, мой посуду, купайся в ванной до умопомрачения. А во второй половине дня надо будет вскопать свой участок (десять метров от дома). Вскопать целых полторы сотки. И кое-что посадить. Так что становлюсь таким подкулачником-собственником.»

Когда возле дома строили гараж, папа рыл погреб сам, ему помогал тогдашний наш сосед, бывший уже инженер «Оренбургэнерго», ныне покойный Кандыба Николай Егорович. А кирпич, предназначенный для стен в погребе, помогала спускать в яму я. Помню, говорила папе, что вот я и за сына, и за дочь тружусь. Папа все подбадривал да подхваливал.

Что касается соседей, когда мы жили ещё на улице Кольцевой, в нашем подъезде отыскался «поэт». Как-то он передал папе стихи, чтобы тот прочёл их и высказал своё мнение. Папа, после прочтения его рукописи вынес вердикт – на подъезд хватит и одного поэта.

А в доме, где папа прожил сорок семь лет, в одном подъезде, только на втором этаже, жил художник Н.А. Болодурин. Подъезд творческий: в нашей квартире среди картин, которые дарили папе его друзья-художники Григорьев, Овчинников, Смородин, есть и работа Н.А. Болодурина. Папа очень ценил его работы.

Однажды папа решил разыграть нашего соседа по площадке – Василия. Он написал ему письмо, причём, напечатал на машинке, в

«повестке» указал, что ему необходимо явиться в... квартиру №6 по адресу.... (указал наш адрес). Письмо запечатал в конверт, адрес также отстучал на пишущей машинке и бросил ему в ящик. Реакцию Василия нужно было видеть... Сначала он испугался, потом, открыв письмо и прочитав его, постучал к Геннадию Фёдоровичу... Хороший был розыгрыш!

Эта родительская квартира – большая, уютная – расположена неподалёку от реки Сакмара. Маяк. Отбоя от друзей не было. Спустишься вниз – вот он и Сакмарский лес, и в минутах шести ходьбы – речка. И часто вся компания спускалась к реке. Обычно это было 10 мая, когда праздновали папин день рождения.

Наш дом был всегда открыт для друзей, знакомых, родных. Ключ часто оставляли под ковриком. Папины тогдашние друзья знали об этом и вваливались компаниями, не дожидаясь хозяина. Да и как не прийти к Хомутовым в гости!

В доме всегда отличная кухня, дружеский приём. Мама готовила очень вкусно. Помню, у нас долго жил глиняный горшок с крышкой, в котором мама тушила мясо с грибами. Горшок – подарок Дима Дамина, отец которого был гончаром.

1982 год. Под окнами нашей квартиры. На лавочке с книгой.

В августе, помню, родители допоздна вместе занимались засолкой. Папиной задачей было принести банки из гаража, тщательно вымыть овощи, почистить чеснок. И без него, конечно, маме одной было не справиться. Папа помогал с удовольствием. Устанут – перекур на лавочку во двор. Папа – тогда ещё с сигаретой, а мама просто свежим воздухом дышит. За вечер закатывали банок по двадцать.

Спустя примерно сутки после консервации папа с осторожностью переносил банки в погреб,

перекладывал их газетами, чтобы, не дай Бог, не треснули, и труды не пропали даром!

В нашем доме, который оказывался открыт для всех друзей, кто только ни был частым гостем – это и В.И. Одноралов, и А.П. Иванов, и В.А. Пшеничников, и Н.А. Волженцев, и П.Н. Краснов, и В.Н. Кузнецов, и Г.Н. Саталкин. Не раз бывал в нашем доме и Г.Н. Красников.

Помню, однажды был какой-то семинар, и после него человек пятнадцать нагрянули к нам. Среди гостей был и критик Кузин, и московские критики, один был из Кишинёва. Так вот, этот кишинёвский критик увидел льняное полотенце с вышивкой (я его выпросила незадолго до этого у бабушки Татьяны Ананьевны, им очень дорожила как семейной реликвией), выпросил его. А ещё понравилась ему малина, протёртая с сахаром... От нас уехал с подарками....

*5 августа 1989 г.
Второй день моей
свадьбы. День невесты.
Геннадий Фёдорович за своим,
можно сказать, любимым
кулинарным занятием – про-
пускает мясо на мясорубке.
Вера Александровна контролирует процесс.*

Сколько было
выпито кофе

растворимого, молотого, индийского чая на нашей уютной кухне, сколько выкурено было сигарет, пока обсуждались стихи, рассказы, романы...

В нашем доме часто бывала Кривошеева Ирина Николаевна – общий друг моих родителей. Папа работал с ней в ДНТ (так он всегда называл Дом народного творчества). Ирина Николаевна долгое время жила в крошечной комнатке в особняке, (двухэтажный дом, без удобств), на втором этаже. Её жильё – маленькая комнатка, заставленная коробками с книгами, вещами, вдоль двух стен – стеллажи с книгами, сени (деревянные, неотапливаемые, как и комната. В комнате, правда была печка). И вход в жилище через лестницу.

Одной женщине не справиться, тем более, в зимнюю пору – надо натаскать дров, воды, угля. Мы с папой по выходным приезжали к Ирине Николаевне на «тимуровские работы» (так папа называл помощь). Папа с удовольствием колол дрова, таскал воду, уголь, относил в прачечную белье. Это была суть характера папы – помогать людям.

Ирина Николаевна в пору юности моих родителей, когда мама была студенткой, и они с папой жили на квартире, часто их выручала, помогала им. Давала в долг деньги, говорила, что отдать их можно, как будет возможность. Да, таких людей мало... Однажды, когда мама сломала руку, Ирина Николаевна привезла маме мумиё. В начале 80-х Ирина Николаевна переехала в благоустроенную квартиру, но привычка хранить практически все вещи, за исключением книг, в коробках, осталась. Чего стоило ей разыскать маленький кусочек чудодейственного средства! В квартире её были проблемы с водой. И, чтобы не докучать соседям, она привозила воду от нас. И опять папа и мама часто настаивали, чтобы зять Виктор довез до дома с грузом их Ирину (так они её называли).

Именно Ирина Николаевна научила маму консервированию. Мама прошла хорошую школу. На кухне была настоящая операционная во время засолки! Ирина Николаевна строго проверяла стерильность банок, особенно горлышка, чистоту вымытых овощей. Я и папа старались нос не показывать на кухню. Мама говорила: «Не трясите здесь ничем!» Позже, когда родителями вдвоём занимались засолкой, всё выполнялось по инструкции Ирины....

Папа очень любил чай. А сладёна был ещё тот! Пол-литровой банки варенья ему хватало чаепития на три. Он рассказывал, что в детстве мечтал стать директором сахарного завода.

Очень часто, когда папа стал дедушкой Геней, и внуки подросли, компанию ему составлял внук Саша. Мы жили в соседнем доме на третьем этаже. Стоило папе поднять трубку и сказать: «Саш, я поставил чайник, чайку бы попить, бабушка тоже не против, может, спустишься?», на что Саша в ответ: «Дедуль, не пейте без меня, я сейчас!» ... И вот на кухне, за столом с бабушкой и дедушкой и внук, и внучка. Расспросы о школьных делах, о планах. У папы возле чашки – куча фантиков. Мама, конечно же, делала папе по поводу количества уничтоженного сладкого замечания, но всё

повторялось... И только когда у папы выявили диабет, он вынужден был почти отказаться от сладостей. Но мёд, конечно, ел с чаем.

В еде был неприхотлив. Но предпочитал всё-таки мамину кухню. Когда родители возвращались из гостей, папа спрашивал, что есть у нас поесть. Мама удивлялась – только из гостей. «Да не могу я у них есть» – часто слышали мы в ответ.

Мамы нет вот уже три года. Когда она умерла, я переехала к папе. Готовила, убирала, строго следила за его здоровьем. Одним словом, он был постоянно под моим присмотром. Всё, что готовила, он хвалил. Говорил: «Когда у нас было невкусно!»

Крестьянский сын (папа и дача)

Мой отец был небольшого роста. Не очень упитан. А с какой скоростью ходил! И причём по многу. Даже на остановке, ожидая автобус, он как маятник, не стоял на месте.

В свой родной Кувай, от железнодорожной станции в Покровке, до Кувая – 20 км. Очень часто он преодолевал это расстояние, даже зимой. Был закаленным человеком. Крестьянином по натуре. Его тянуло постоянно к работе на земле. Была потребность.

В октябре, когда заканчивался дачный сезон, папа подсчитывал дни и говорил: «До весны немного ждать». Но больше уже не будет ни весны, ни осени...

Геннадий Фёдорович в своем расцветающем саду. Просил сфотографировать на фоне цветущих яблонь и отправить Г.Н. Красникову

Когда появилась в семье дача, все силы папины были брошены на стройку дома, на забор, на ёмкости и прочее. А долго не приобретали участок земли в связи с тем, что одна бабушка – Татьяна Ананьевна – жила в Кувае Новосергиевского района, вторая – Ольга Константиновна – в г. Аксае Уральской области. И всё лето разъезжали то к одной бабушке, то к другой. Но когда появилась дача, папа взялся за работу, как «два колхозных быка – Архимед и Сократ» из его стихотворения. На даче, которая в Пригородном, он один выравнивал землю, которую привозили «татрами». И причём с пяти часов утра и до позднего вечера. Всё время на ногах. Никогда не говорил, что устал. Когда появлялся на пороге дома, его уже ждали внуки: дедуля приехал! Папа начинал рассказывать, что произошло за день. Не раз рассказывал о «воровках» – ласках, которые «помогали» ему уничтожать обед. Дети с удовольствием слушали, но было уже поздно, и их отправляли спать.

Всё на даче было сделано своими руками. Папа очень её любил, она была не просто дачей, но ещё и домом, укрытием от городского шума и суеты.

Мама и папа говорили, как только стали заниматься дачей: «Детей нужно приучать к земле, к труду, и тогда они будут знать цену любой вещи»

В последние годы, когда не стало мамы, а дети переехали в Москву, сначала хотели продать дачу. Но... Как без дачи, где глотнуть воздуха? Не сядешь ведь на лавочку. На всех фото папа в движении, и причём так: ходит, заложив руки за спину, что-то думает, прикидывает.

Как-то еще в середине июня приехали с папой на дачу, а ему нужно было непременно самому проверить, как скопили за забором траву. Вернулся, опираясь на свой бадик, в траве. Что такое? Улыбается – скатился с пригорка. Я, конечно, его отругала: а если б ушибся, сломал руку или ногу. Не дай Бог! В ответ: «ничего, все нормально, я покатился...». После этого случая зорко следила, чтоб в лес один – ни шагу!

Как только зацветали яблони (а их у нас девять), папа просил обязательно сфотографировать. Красота-то какая! Яблони, виноград папа приобретал в плодпитомнике. Только элитные сорта. Последний раз нам присылали саженцы из гагаринского питомника, из Энгельса.

Как только появлялись плоды на яблонях, папа делал подпорки для веток. Иначе яблоням тяжело, ветки с яблоками чуть ни до земли клонятся.

Каждый уголок земли, забор, баня – всё напоминает о папе, и поэтому теперь находиться одной на нашей «фазенде» тяжело...

В последние два-три года папа был на даче уже только наблюдателем, называл себя «бездельником». Собираясь на дачу, брал обязательно или рукописи (в прошлом году, это были рукописи членов ВОИ, которые нужно было прочесть, отобрать для публикации). Если не рукопись, то книга. Обязательно. В 80 лет – ясный ум, блестящая память!

Как только приедет на дачу, сразу к деревьям – определит по величине яблочка, когда нужно опрыскивать, либо считает, сколько плодов на груше, либо сокрушается, что слива плохо цветет. А как в этом году ему было жалко абрикосы, как они цвели, но облетел весь цвет!

Обязательно поговорит с соседом. Очень повезло нам с соседями. Виктор Петрович и Людмила Петровна Трофименко. Виктор Петрович – врач реаниматолог-анестезиолог, опытный дачник, папа с ним всегда советовался. Часто подвозили нас домой. По дороге обязательно интересные разговоры, которые вели супруга соседа и папа. Только в этом году выяснилось, что она увлекается поэзией и пробует писать. Когда папы не стало, для них это тоже было утратой. «Опустела дача без Геннадия Фёдоровича» – так выразилась наша соседка.

4 июля. За день до госпитализации мы ездили на дачу, но были совсем недолго. Папа сделал пару коротких звонков, сидя в беседке. Я видела, что самочувствие его неважное, отвела в дом, уложила. Мне нужно было полить.

Вызвали такси. Дорога никогда в молчании не была. Попытался что-то сказать водителю, поддержать разговор.

После моего замужества. Внуки

Перед рождением моей дочки Ольги, в 1990 году в семье появилась машина. Водил зять Геннадия Фёдоровича. Ну и с тех пор машина – обязательное в семье, поскольку и на дачу, и в деревню к сватам ездили. Появилась возможность путешествовать по Оренбургскому району, в Переволоцк, к Николаю Александровичу

Волженцеву. По пути папа называл места, которые ему были знакомы, поселки, да и много интересного рассказывал. Слушать его было интересно.

4 июля 1990 года родилась Оля. Мои родители стали бабушкой и дедушкой. У меня сохранилась папина записка в роддом. «Лена, дорогая, поздравляю тебя с победой, как это тебе только удалось, родить девочку – нашу наследницу и надежду! Поздравляю, поздравляю тебя, хочу, чтоб вы с Витей были счастливы, чтоб у вас было трое детей, здоровых, умных, хороших и добрых, как вы с Витей. Поздравляют меня все – а значит и тебя, и твоего Витю! Попробуй скорее, мы будем у тебя на побегушках, но очень не заезживай, в меру! Как с удивлением и ещё непониманием смотрел я на то, как Витя собирал кроватку и не верил, что у меня такая взрослая дочь и такой хороший зять. Поздравляю тебя!

Папа»

Когда привезли Олю из роддома, папа, имея привычку всё чётко подсчитывать и перемеривать, взял сантиметровую ленту, подошёл к детской кроватке, где лежала крошечная внучка, измерил рост, сказал: «Да, правильно, 48 сантиметров!».

*Родители с внуком Сашей. Папа – в любимой шляпе.
Он предпочитал шляпу шапке, летом у него была соломенная
шляпа. Кстати, шляпы ему были к лицу.*

Дед зна-
комил
внучку со
своей библи-
отекой уже
с месячного
возраста, ко-
гда впервые
взял её на
руки –
раньше он
просто бо-
ялся.

Раскрыв
шкафы с кни-
гами, гово-
рил: «Оля, смотри – это Пушкин, а это Лермонтов, вот это Брок-
гауз!». Приобщение внучки к книге началось чуть ли не с рождения.
Сколько с ней гулял по нашему Маяку. Часами, в любую погоду.

Папа очень ответственно относился к присмотру за внучкой. Когда она начала ходить, он шёл перед ней, закрывая углы.

Не дай Бог, ударится малышка! Когда ждали рождение внука Саши, папа объявил: «Вы меня извините, но так любить, как Ольгу,

Историческое фото. На руках у Александра Васильевича Старых будущая журналистка Ольга Поконова. У Геннадия Фёдоровича на руках – младший внук Алек-

я внука вряд ли смогу!»

9 сентября 1992 года родился Саша.

Папа, папа, а как он радовался появлению нашего Сани! Любил внука не меньше внучки. Катал их двоих в коляске без усталости, часами. Когда подросли, брал их с собой на занятия литгруппы, в Дом литераторов.

бросал и ехал, к примеру, за лекарством.

Сколько раз папа выполнял чью-либо просьбу, всё

Однажды, когда дети мои были ещё маленькими, и сын сильно разболелся, дедушка принёс за пазухой для внука не только детский Панадол, но и джинсовую рубашку. Сын до сих пор её помнит.

04.04.2004г. Наша большая семья

Когда шли на вещевой рынок, папа говорил: «Так, что надо Сане, а что Оле?» я шла рядом, обо мне и речи не было. Папа переключил, могу сказать, свою заботу, любовь ещё большую, на внуков. И я за это только благодарна ему. Заботы и любви

много не бывает! Папа заботился о нас обо всех. Дедушка провожал внуков в школу, когда они учились во вторую смену. По дороге

присоединялись Олины одноклассники. Ходили с удовольствием, потому что по дороге дедушка рассказывал что-то интересное.

Походы в редакцию газеты «Вечерний Оренбург» были частыми. И фото, где моя девочка на руках у дедушки – знаковая. Оля вы-

брала профессию журналиста. Она все студенческие годы работала в «Вечёрке», прошла хорошую школу у Александра Васильевича Старых.

Говорят, земля круглая. Внучка Геннадия Фёдоровича Хомутова вышла замуж за Алексея Волосова, корни которого уходят в Кувай! Мама его из Кувая. Вот ведь штука интересная!

Алексей – инженер-технолог НПК «Технологический центр» в г. Зеленограде.

Леша и Оля подарили дедушке компьютер, в надежде, что он его освоит. И специальной литерату-

рой снабдили. Алексей давал практические уроки, показывал, как работать на компьютере. Но, к сожалению, папа предпочёл свой испытанный временем бумажный вариант и свою пишущую машинку.

Папа очень часто говорил Алексею: «Лёша, не кури, посмотри, как я кашляю!»

До самого последнего дня, пока был в сознании, папа переживал за внуков, думал о них. Внуки для дедушки – это больше, чем дети. Да и он часто говорил: «наши дети». Когда решался вопрос о переезде моей дочери с семьёй в Москву, папа с мамой отдали все сбережения, чтобы хватило на приобретение квартиры в Зеленограде. После смерти мамы, когда и сын перебрался в столицу, папа опять всё, что у него было, отдал внуку.

Таких родителей, какими были мои, думаю, единицы.

Папа и политика

До самого последнего своего дня папа очень интересовался политикой. Передачи Владимира Соловьёва – это обязательно, не пропускал почти.

Помню, как в Аксае, у своего тестя Александра Николаевича Матвеева, человека, прошедшего плен и концлагерь во время Великой Отечественной войны, папа затевал дебаты погорячее, чем в студии у Соловьёва. Папа имел широчайший кругозор и спорил всегда аргументированно.

В нашей домашней библиотеке чуть ли не половина книг о политике. Мне иногда казалось, что дела семейные для папы на втором плане. Прежде – то, что происходит в стране и мире. До сих пор на нашей кухне радио. И каждое утро начиналось с новостей. За обедом – новости, за ужином – последние известия.

Яркий факт: мои дети живут в Москве. Вот уже шесть лет, как переехала туда дочь с семьёй, и три года, как сын. Этим летом они жили на даче под Зеленоградом. И когда в день голосования за принятие поправок в Конституцию России дети позвонили, папа очень строго спросил их, выполнили ли они свой гражданский долг. Разговаривал с внучкой. Я слышала, как он говорил, что она пользуется всеми льготами, которые ей предоставило государство. Взывал к совести. Прошло пару часов. Дочь позвонила и отчиталась дедушке, что она съездила с братом в город и проголосовала. (Зять это сделал заранее, участвуя в онлайн-голосовании).

Чтение газет. В нашем городе в последние два года, по словам папы, «Литературную газету» выписывают максимум три человека. Папа же выписывал её постоянно: и «Литгазету», и «ЛитРоссию». Он ждал, когда почтальон принесёт их, и, всё бросая, садился и прочитывал их от первой до последней полосы.

Прямота и категоричность в суждениях

Папа был резок в суждениях. Говорил всё в глаза. Поэтому был порой неудобен начальству.

Однажды, вернувшись из Дома литераторов, рассказал, что приходил один автор, приносил рукопись. Человек очень денежный. Когда отдавал папе для ознакомления свои произведения, сказал, что готов заплатить любые деньги, чтобы книга вышла в свет. Папа, возвращая автору его творения, ответил: «Я готов сам

заплатить Вам, но только чтобы никто не увидел и не прочёл того, что Вы написали».

Да, многие побаивались папу, потому что он не ходил вокруг да около. Говорил напрямую. Не зря птенцы, вылетевшие из литературного гнезда Хомутова, знают и чувствуют свою ответственность перед читателем.

Еще в классе во втором или в третьем я попыталась написать рассказик про собаку Найду. Папа, прочитав, сказал: «Лена, неинтересно, надо, чтоб было что-то захватывающее в твоём рассказике». Критики я не выдержала. С тех пор являюсь активным книгочеем. Читала и читаю, что советовал папа. В доме нашем никогда не было книг, которые не достойны прочтения. Папа был очень требователен к себе и к книге. Воспитание литературного вкуса длится всю мою жизнь. Сейчас, когда папы нет, знаю, его совет – это наказ.

С волшебным портфелем

Папа ходил на работу всегда с портфелем. У него их было несколько, потому что объем рукописей, книг, которые там помещались, быстро выводил из строя либо ручку, либо замки.

Конечно, когда в стране царило время «блата», в папином портфеле был и кофе «Пеле», который выпивался банками, и индийский чай. А праздником для меня было, когда из портфеля папа извлекал коробочку либо «Птичьего молока», либо «Родных просторов».

Но однажды, – вот уж действительно, волшебник – папа принес мне фигурные коньки, чехословацкие. Какие они были красивые! Я тогда болела, в школу не ходила, но ради такого случая вышла в них покрасоваться возле нашего дома. Поначалу у меня были обычные коньки, папа учил меня стоять в них. Но разве устоишь! А вот теперь я буду настоящей фигуристкой, думала я в свои 11 лет. Да, папа умел создавать праздник в доме.

Вернемся к чудо-портфелю. В одной из статей, Александр Старых написал: «Мы вышли все из портфеля Хомутова». И это действительно так.

На работу папа ходил с портфелем, полным рукописей, причём чужих. Но чужих для него не было. Он старался для всех. Кого-то в столичный журнал «тиснуть», как часто говорил, кого-то в газеты. Кому-то написать рекомендацию в литинститут. Папа не был равнодушным человеком.

Папа и занятия ЛИТО

Сколько себя помню, каждую пятницу вечером у папы занятия литгруппы – сначала на Свободина, 4, затем, когда писательская организация перебралась, благодаря Саталкину и моему папе, в Дом литераторов на Правды, 10, по средам. И ещё с 1998 года до 2017 года – занятия по воскресеньям в Городском дворце пионеров, позже Городском Дворце творчества детей и молодежи.

Занятия литобъединения им. В. И. Даля папа проводил до самой пандемии. Ездил в офис, который был выхлопотан И.В. Ерпылёвым (писательскую организацию просто выжили из Дома литераторов, и только в марте 2019 они получили офис на ул. 60 Лет Октября) на такси, которое вызывали Михаил Кильдяшов или Иван Ерпылев. Опять-таки – какое бережное отношение, как хотели молодые ребята продлить жизнь, творческую жизнь своему наставнику!

К занятиям папа готовился основательно – читал рукописи, готовил подборки стихов, рассказов в рубрику «Мастерская» газеты «Вечерний Оренбург», предлагал рукописи и в «Степные родники» газеты «Оренбуржье». Подбирал книги. Скажу так – работал сутками. Планировал, рецензировал, выбирал удачные произведения, отбирал крупницы «золота». Портфель его был полон. Порою просто неподъёмен.

Воскресенье. Без четверти два. Подвозим папу на машине на Хлебный, 2, к центральному входу. Уже человек пять ждут Геннадия Фёдоровича. Помогаем поднять на второй этаж портфель... После занятий, часа через два, подъезжаем. Ждём порой минут двадцать, папа выходит в окружении ребят. И некоторые не торопятся расходиться по домам, не хотят отпускать папу. Садится в машину, а сам ещё с ними, рассказывает: «Вот, смотрите, парнишка, все сейчас домой, а он на занятия. Учит китайский язык. Сам! Никто не заставляет. Собирается поступать в МГИМО...» Или «Пришла ко мне на занятия девчужка, а у самой шуба – вы бы видели – пара пуговиц, булавка. Я её пристыдил. А ей – хоть бы хны!.. Ну нельзя же молодой девушке так ходить». Оля была в тот раз с нами. И говорит папа внучке: «Вот, Оля, не бери пример. Будь как наша бабушка и твоя мама!»

Да у папы по-чеховски – в человеке должно быть прекрасно всё! Папа восхищался талантливыми ребятами, целеустремлёнными.

В Городском Дворце творчества детей и молодежи несколько лет было традицией устраивать рождественские встречи. И это всё ложилось на папины плечи. Собрать людей, как он говорил, в праздники – ведь каникулы, а если литгрупповцы уже были студентами – у них либо подготовка к сессии, либо уехали в другой город... Привлекал уже из старшей литгруппы литераторов. Никогда не срывались эти встречи и проходили на ура. Папа был прекрасный организатор. И ещё. Книги молодых литераторов, начинающих авторов, по инициативе папы вышедшие в свет, были отмечены Дипломом лауреата Губернаторской премии «Оренбургская лира» – 2009. Отмечу, что первую «Лиру» он получил в 1997г. за составление и издание книг молодых литераторов и работу по организации конкурса» Капитанская дочка».

Вторая папина Лира – за работу в качестве автора- составителя трёхтомного сборника произведений литгрупповцев «Внуки вешего Бояна», за деятельность по сохранению, пропаганде и развитию культурного наследия Оренбуржья и большой личный вклад в воспитание юных литераторов.

На вручении «Оренбургской лиры» – 2009 папина речь была краткой. Но как она запомнилась мне! А сказал он следующее: «Я благодарен матерям оренбургской земли, которые родили и воспитали таких талантливых детей!» Всё четко, и в самую точку. Лучше и не скажешь!..

От многих можно услышать: «Устал. Редко выпадают выходные».

Папа ж работал без выходных, без отпусков. Когда он работал в Доме литераторов, летом у него был так называемый отпуск. В это время либо – организация встреч с поэтами, писателями во время творческой смены в детских оздоровительных лагерях. Либо замещал директора, ездил на работу каждый день. Дома же трудился, как я уже упоминала – день и ночь. Рукописи, рукописи, в перерывах – с книгой, или к телевизору – новости посмотреть, или чайку попить- в это время радио на кухне послушать...

Папа и дочь – соратники

Постепенно я «с головой ушла в литературный процесс», помогала папе в составлении антологий «Внуки вещего Бояна», «Друзья, прекрасен наш союз!..». Вся корреспонденция проходила через меня, поскольку всё через Интернет: получение рукописей, отправка подборок, набор рецензий, поиск в архиве стихов, связь с редакциями. Все это малая моя помощь в его великом деле, которое должно жить дальше. Я думаю, то, чем занимаются сейчас Михаил Кильдяшов и Иван Ерпылёв, следуя наказам Учителя, – благородное дело, оно не умрёт.

Зима – весна 2018 года. С папой составили справочник членов лито за все годы. Учитель помнил каждого воспитанника, старался не упустить ни малейшего факта. Это в 80 лет!

Папа более 20 лет занимался рецензированием литературных работ детей и подростков. Сначала он сам печатал на пишущей машинке рецензии. В последние годы для него это было тяжело: болело в груди, когда долго сидел за машинкой. Я пришла ему на помощь. Это были рецензии на работы участников конкурсов «Капитанская дочка» и «Рукописная книга».

Первые строчки – всегда хорошее. Главное, не обидеть автора, найти лучшее, поддержать, помочь определиться. Целый шкаф книг, которые папа составил по итогам детских конкурсов: «Здравствуй! Это – Я!», «Небо детства», «Ручейки», «Каждый час красив на Руси», «Сохрани счастливые мгновенья»... Папа дарил ребятам счастливые мгновенья, – увидеть своё имя в книге! Как это важно – вовремя получить заслуженную похвалу, а не ждать «позднего признания», которое выпало на долю папе как поэту.

Когда рукописи прочитаны, рецензии написаны, отобрано лучшее для очередного сборника, папа уже думал о следующем туре конкурса: хоть бы следующий год принес такие же плоды, чтобы конкурс существовал, чтобы молодое поколение не отвернулось от русского слова. Папа жаждал работать.

В последние годы я совсем погрузилась в дела литгруппы, шутила говорила: «Ваш секретарь!». Я была счастлива, что моя помощь в великом деле была вовремя. Папа – генератор идей! Сколько у него было в голове планов, причём, до последнего дня! Он думал о слове и никогда не предавал его.

Папин труд высоко оценен в Москве, но странным образом здесь, в Оренбурге, который он прославил на всю Россию, всё сложилось иначе. Здесь в последние годы многое замалчивалось. Подкосило папу увольнение из Дома литераторов: молча положили на стол его трудовую. И всё. Как будто и не было многих лет работы. Как страшно быть преданным ещё недавними твоими друзьями. Поддержали папу только самые верные: Михаил Кильдяшов, Иван Ерпылёв, Владимир Одноралов, Владимир Пшеничников, Александр Старых. Дома мы, как могли, подбадривали папу, бабушку. Но всё же как ему было больно! Мама порой говорила папе: «Гена, хватит, уже не тот возраст». Папа ей в ответ: «Пока жив, не оставлю своего дела!»

Только с папиным характером можно было продолжать. Журнал «Оренбургская заря», многочисленные сборники, признанные московскими критиками. В одной из папок – стихи, рассказы об Оренбурге. Невоплощённый замысел. Папа не думал об уходе, наоборот, постоянно говорил, сколько ещё нужно успеть. Торопился жить.

Унывал, когда звонков было мало. Этот ковидный год – самый ужасный во всех отношениях. Встретаться нельзя, тем более, папа имел тяжелое заболевание (в страницу А4 диагноз врачей) – лёгочно-сердечная недостаточность. Папа был как раз в группе риска. Я всеми силами его оберегала. Прогулка вокруг нашей двухэтажки (благо, народу мало, всего восемь квартир) и всё. Потоптаться... На дачу только на такси, в маске и перчатках. Строго. Дисциплинировано. Но слишком уж затянулась пандемия. Если б не «корона»...

Октябрь. За окном дождь. Папа любил такую погоду. Сидишь дома, никуда не спешишь. Либо с книгой, либо за письменным столом.

Составляла папину библиографию, подумала: «Сколько сделано одним человеком! Какая была у него энергия!» Главное в характере папы – никогда не унывать, идти дальше, причём, решительно. Когда маме предложили заведование поликлиникой, она долго сомневалась. Маме было всего 32 года. Папа ей тогда сказал следующее: «Представь. Ты была школьница. Носила школьную форму. Но вот ты выросла, и тебе нужна уже другая. Это неизбежно». Мама успокоилась и приняла предложение. Сочетала в себе прекрасного врача и начальницу, как говорил папа.

Папа не унывал и вокруг себя создавал обстановку соответствующую. В его работе с молодыми главным было – высечь искру, чтоб разгорелось пламя. И какое пламя в итоге... Однажды, собирая свой портфель, упаковывал книги своего деда А.П. Кузнецова, свои, те, что составил. Невзначай бросил: «Из кембриджского университета запросили».

Последние полтора года

Декабрь 2018. Папа десять дней находился в реанимации. Потом перевели в палату, через пару дней ухудшение. Десять дней отлежал, помощь оказали – на выписку! Таковы правила Железнодорожной больницы. Я в полной растерянности, в тревоге. Мне одной не справиться. Страшно! Благодаря верным друзьям – Михаилу

7 июня 2020. И на даче – за книгой. Непременно рядом сотовый телефон. Связь с внешним миром. Единственное средство общения с друзьями и родными. Коронавирус отсек от всего и всех.

Кильдяшову, Ивану Ерпылёву, и правительству области оставили в больнице ещё на три дня. Буквально через день из палаты снова перевели в реанимацию.

Из реанимации перевели уже в паллиативное отделение при Оренбургском областном клиническом психоневрологическом госпитале ветеранов войн. Это было сделано благодаря Дмитрию Александровичу Таганову, главврачу Бугурусланской больницы, которому через Минздрав удалось «выбить» для папы место. Только помощь друзей подарила нам папу ещё на полтора

года. Папа имел друзей всюду. Это и инженеры, и строители, и медики. Чернов Вячеслав Андреевич. Сколько раз он выручал папу: контролировал состояние папы, его лечение в Первой горбольнице. Этот человек – друг нашей семьи, семейный доктор. Мама неоднократно проходила лечение в этой больнице. Наша благодарность друзьям-докторам!

Поддержка для меня была так необходима, когда папу в тяжелейшем состоянии увезла реанимационная бригада 5 июля. Вплоть до 15 июля, до ночи, – звонки В.А. Чернову, Д.А. Таганову. Через

них я могла узнавать о состоянии папы. В реанимации трубку после 9 июля не брали. В это время была большая нагрузка на медиков.

15 июля. 21:40. Звонок из больницы. Всё кончено... Пришла немного в себя, обзвонила всех, кого смогла.

Я счастлива, что остались у папы верные друзья, которые и Общество памяти организовали, и сайт его памяти сделали.

Папы нет. Но дело, за которое он радел всю жизнь, живёт и будет, я думаю, еще долго жить, потому что остались его верные друзья, его ученики, которые могут смело и открыто смотреть в глаза своему читателю, Ученики – писатели, поэты, смогут радовать читателя живым, чистым, хрустальным и прозрачным, понятным словом. Так пусть же расцветающий сад дает плоды без червотчины, сочные, румяные, приносящие радость!

Елена Геннадьевна Поконова (Хомутова) родилась в 1965 году в Оренбурге. В 1987г. окончила факультет иностранных языков отделение немецкий язык и немецкая литература Оренбургского государственного педагогического института им. В.П. Чкалова. Работала учителем иностранного языка в Бродячской школе, в Колледже сервиса г. Оренбурга. В студенческие годы печаталась в газете «Neues Leben». Преподаватель высшей квалификационной категории. Автор профильно-ориентированных курсов немецкого языка для студентов, обучающихся по специальностям сервисных услуг.

ОН УШЁЛ

Каждого поджидает шальная пуля смерти. Вот и сердечно-лёгочная недостаточность Геннадия Фёдоровича Хомутова не перенесла июля. Как он ждал лета, зимой застарелый бронхит не выдерживал, кашель душил. С января отсчитывал: день прибавился на минуту, скоро весна. Ездил с дочкой на дачу: Лена сажает, а я наблюдаю. На его садовом участке росли дубы и яблони. Вспоминаю его молодого в шестидесятых-семидесятых годах, когда мы, начинающие, юной ватагой бежали в газету «Комсомольское племя», где собирало нас литобъединение им. М. Джалиля, впоследствии взявшее имя В. Даля. Сколько веселья, энергии, молодых, как весенние листочки, стихов, выливалось ему. Генфед терпеливо всё перечитывал, публиковал в газетах.

И наступила благословенная эра издания книг. Сколько же рукописей он прочитал за жизнь, не сосчитать (как ещё с ума не сошёл от обилия рифм и ритмов), скольких неопытных вывел в литературу. Оренбургская литература, освещённая его высочайшим вкусом, и сегодня на лидерских позициях в РФ. Хомутов знает всех поэтов, Хомутова знают все. Наша ватага раскололась некрасиво, ранив сердце, растоптав душу. Сначала из-под носа ушёл журнал «Гостинный двор», рождённый Игорем Бехтеревым, потом каким-то непостижимым, предательским, нечистым образом и Дом литераторов на улице Правды, хотя именно наш Союз писателей России законно зарегистрирован и остаётся ведущим в стране. Пришли другие люди, более хваткие, более предприимчивые.

И вдруг однажды понимаешь: что величайшая уловка дьявола и состоит в том, чтобы убедить всех, что его не существует. После раскола Хомутов, что называется, начал сдавать, хотя продолжал выпускать поэтические сборники, где находилось место всем. Остались друзья, и всё чаще приходит мысль: хорошо, что время отсеяло нас, как зерно от плевел. Но он ушёл, захватив кусочек нашего сердца. А шальная пуля смерти рядом.

Другу

Ах, июль! Сарафанчик, лёгонький поясок,
Целую нежный румянец яблочных щёк,
Расслабилась, жарким июлем согрета,
Плыву вишнёвой рекой, клубничными росами,
Вплетаю солнышко в рыжеватые косы,
Мурлыкаю рыжим котёнком хозяина лета.

И он меня баловал деликатно и ловко,
Пломбиром кормил, наливал газировку,
Все тучки с неба убрал старательно.
И вдруг распустилась под тенью ёлочек
Осенняя астра! И луч нераскрытых иголочек,
Вонзился в спину ножом предателя.
Очнулась, и память откликнулась дрожью,
Забыт день вчерашний, но всё-таки прожит.
Июль благодатный сегодня меня предавал:
Трава пожелтела, такую никто и не скосит,
Лето в разгаре, но уже просыпается осень,
И будет вино молодое проситься в бокал.

Сегодняшний день подгоняю, как клячу,
Сегодня – похоже на медную сдачу.
Мечтою о завтра, восторгом душа наполняется.
И губится день, проходя в суете и волненье,
И умирает сегодня мое вдохновенье,
И друг мой стареет, и лето на осень меняется.

Глупо жить ожиданием ненаступившего дня,
Который несбыточной сказкою манит меня,
И заставляет сегодня прожить кое-как.
Обещания завтрашних дней беспредметны и лживы.
Надо с другом встречаться, пока оба мы живы,
Ведь время бежит, и уже седина на висках.
А срок точно задан, измерен, и даже известен.
Успеть бы сложить свою лучшую песню из песен,
Побыть рядом с другом сегодня под вечер,

Поговорить с ним поласковее да подольше.
Настанет ужасное завтра, не свидимся больше,
Какую бы цену не дали за эту встречу.
Буду плыть по июлю без ожидания завтра,
Пусть цветёт невпопад эта летне-осенняя астра,
Не замечу в июле осеннего придыхания.
Есть только миг, он сегодня меня приголубит,
Есть только нынче, а завтра, дай боже, наступит,
Остаются воспоминания.

Татьяна Александровна Белозёрова родилась в 1948 году в Оренбурге. Окончила факультет журналистики УРГУ. Работала корреспондентом в газете «Комсомольское племя», зав. отделом писем в городской газете «Правда коммунизма», зав. отделом городской газеты «Орский рабочий» (в 1982 – 1990 гг.). Была собственным корреспондентом по востоку областных газет «Южного Урала» и «Оренбуржье», редактором газеты «Версия» (орган УМВД Орска), «Орские известия». В 2004 – 2014 гг. руководила школой «Репортёр» при редакции газеты «Орская хроника». Первое стихотворение напечатано в 1970 году в газете «Комсомольское племя». Стихи публиковались в местной периодике, в альманахах «Гостиный Двор», «Орь», в сборниках «И с песней молодость вернётся», «Радуга в камине», «Красный угол», «Они прилетят!», «Отечества родного седые ковыли», «Родительский день», «Душа в заветной лире», «Друзья, прекрасен наш союз!», «Любви мимолетное чудо» и многих других. Автор книг «Привет уходящему» и «Танго слез». Публикуется в «Литературной газете», газете «Моя семья». Член Союза журналистов, Союза писателей России с 2000 года. Награждена грамотой губернатора Оренбургской области, серебряный призер ВДНХ в области журналистики, победитель многочисленных городских, областных и российских журналистских конкурсов, поэтического конкурса «Мой город любимый». Лауреат сайта «Российский писатель» (2020). Живёт в Орске.

«Я ХОЧУ ВИДЕТЬ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА!..»

Столь импульсивное, спонтанно вырвавшееся восклицание есенинского Хлопуши может, как нельзя кстати, оказаться применительным в будничной обстановке. Энергичная строка из поэмы, разумеется, не всегда, не каждому и не обязательно придет в голову. Но она как бы витает в воздухе, так сказать, на житейских перекрёстках, когда невольно услышишь теперь уже сакраментальное для ушей многих искушённых в литературных заботах нашего города:

– А Геннадий Фёдорович Хомутов есть?

Руководителя областного литературного объединения имени В.И. Даля при Оренбургской областной писательской организации ежедневно разыскивают люди самых разных возрастов и профессий. Несут показать ему написанное и даже напечатанное, ибо хотят знать – сочинилось или нет? Есть у автора способности или...

Эхо детства

Как там у него?

Вот налево сады, а направо склады.

– Эй, склады! – заору я в окошко худое.

И голодное эхо и, наверное, злое

Спросит коротко:

– Это ты?

Голодное время второй мировой...

И голодные дети в заштопанной матерью одежонке, грезящие по дороге в школу, что между уроками «чёрным хлебом накормят ребят и похлёбкой дадут насладиться».

Детство военного лихолетья – преобладающая тема в творчестве нашего замечательного поэта-земляка Геннадия Фёдоровича Хомутова. Оно прошнуровано суровой правдой прошлого, словно грубой, но крепкой ниткой, которой до востребования сшивают старые документы. Страшно и горько, что некоторые отголоски, кажется, навеки ушедшего, так верно и точно переданные в трагических деталях поэтических строк постсоветской жизни. «Голодное эхо» опять дает знать о себе. Без войны?! Или уже идёт она?

А Геннадий Фёдорович, несомненно, жизнелюб. И это очень большая удача для пробующих свой голос в поэзии, что руководит их первыми шагами именно он.

Чуть склонив голову набок, прочитывает листочки из школьной тетради, хмурится... И вдруг появилась едва заметная улыбка.

– Давно пишешь? – спрашивает, помолчав.

– Каких поэтов читаешь? Кто больше других нравится?

Ему важно проверить, серьёзный ли человек сидит напротив. Ведь сколько их перебывало перед ним! Десятки, сотни, тысячи...

Школа

В сущности, мало интересного разбирать неумелые поделки. Скучно. И плохо-то зарифмовано, приблизительность смысла, словесные штампы, нарушена ритмика... Но, оказывается, не всегда безнадёжно. Всматривается – и в словесных неуклюжих поделках ухитрится-таки уловить чахнущую искорку возможных способностей. А если уж найдет, нащупает, обязательно ухватится, непременно укажет автору на его крохотную удачу.

Вообще, любителей писать стихи гораздо больше, чем понимающих, чувствующих поэзию. И почти все из начинающих обидчивы, ранимы. Сколько нужно такта, находчивости, обаяния, чтобы, сказав в общем итоге горькое, не отбить у человека охоту продолжать свои опыты.

Возглавляя более тридцати лет литобъединение, Хомутов не имеет у себя в распоряжении журнала или хотя бы газеты и, стало быть, мог бы спать спокойно в отношении конечного результата своей работы. Особенно сейчас, когда, кроме денег, хлеба и зрелищ, кажется, никому ничего не нужно. На базаре, как известно, высокий слог неуместен. Меркантильное время привносит в жизнь бездуховность.

Но по закону жизни противостояние неотвратимо. Высокое есть всегда. И вот вступают в действие силы неведомые, непредсказуемые. Наперекор, в пику торгашеству, низменному встают во весь свой рост взаимовыручка, порядочность, чистота, ибо в человеческих душах не вытоптать вечные побеги добра. Связи-то с редакциями остались. А в них, слава Богу, не все ещё потеряли голову и, наподобие флюгера, перевернулись на 180 градусов. Так что забота о публикации молодых у наставника литературной смены осталась на прежнем уровне. Помогает дружба с редакциями газет «Южный

Урал». «Вечерний Оренбург», столичных журналов, с издательством «Золотая аллея» в городе Калуге, которое возглавляет, кстати, прошедший школу Геннадия Фёдоровича наш земляк, тоже поэт, член Союза писателей России Владислав Трефилов.

Напечататься – извечное стремление пишущего человека. Стимул. Иначе для чего же писать? Сам стихотворец милостью Божией, он однажды так ответил себе на этот вопрос:

Мои стихи забудутся, умрут,
Но я однажды сделал свое дело.
От слов моих вдова смеялась, пела.
Пускай недолго, только пять минут.
Но те минуты (заявляю смело)
Во мне поэты навсегда спасут.

Взыскательность к строке и слову всегда служит только на пользу. Неряшливость мысли, а тем паче серость, близость беспощадно изгоняются из произведений, представленных ему на суд. Но если кто-то где-то написал свежо, остро, необычно, ярко, публикация обязательно состоится. В газетах и журналах (с осени 1997 года журнал «Молодая гвардия» включил Г.Ф. Хомутова в состав своей редколлегии) его рекомендациям доверяют безоговорочно. И он спешит в толчее общественного транспорта с портфелем, полным рукописей, показать, как драгоценность, свою очередную находку. Много лет подряд так было с баснями Петра Кузьмича Данилова из Новотроицка, а теперь в Санкт-Петербурге напечатан однотомник, за который талантливый человек, хотя и на склоне лет, принят в Союз писателей России. Не отступал, стоял на своём, когда появился на занятиях со своими, тогда не очень совершенными рассказами недоверчивый и основательный Владимир Шабанов. Давал кое-что почитать начинающему прозаику из своей уникальной личной библиотеки, ругал, хвалил. Ныне тот – признанный прозаик, член Союза писателей. Две подборки стихов Оли Мяловой, на целую газетную полосу каждая, с очень сочувственным отзывом Геннадия Фёдоровича немедленно опубликовала газета «Вечерний Оренбург». Многие тогда буквально ахнули. Оле было 14 лет, а стихи не по возрасту зрелы, глубоки по мысли. А ведь надо было разыскать её. И девочку подняли над толпой его сильные, созидательные руки.

Всех имён просто не перечислить. Он непрерывно учится и сам у мастеров, и даже у живущих рядом, отмечая и замечая

безымянных творцов зернистого слова. Словно подарку, радуется каждому яркому высказыванию.

Однажды, очень строгий к себе, в одном стихотворении он с лукавой усмешкой обронил:

А я, полуночник, чужак, фантазёр,

В свой кабинет ухожу – в коридор.

У него действительно кабинета нет ни на работе, ни дома. Но коридор – аллегория (читай: жизнь, повседневность) и в то же время – чистая правда. Полуночник (занятый рецензиями и бесконечным общением, он книги читает ночи напролёт) и фантазёр (издать бы всех талантливых оренбургских литераторов, начать бы выпуск альманаха детского творчества), руководитель широко известного в писательских кругах России литобъединения ведёт свои занятия в актовом зале второго этажа, который служит в областном Доме литераторов одновременно коридором. То же самое – редакции с чужими письменными столами...

Огонь

Вечер. Идут занятия. Ненавязчиво, с шутками да прибаутками, с интересными и познавательными экскурсиями в литературоведение прививает этот самобытный человек любовь к меткому русскому слову. А потом кто-то из подающих надежды, когда поздним вечером вернется домой, с растревоженным воображением не сможет уснуть. Рука тянется к его скромной книжке «Мёд гостеприимства». А сам-то он как пишет? И глаза вдруг находят заветное:

Не хватает чуть-чуть,

чтоб душа закричала,

Не хватает единственного словца,

чтобы выразить юность без конца и начала,

Чтобы жизнь описать, у которой

не будет конца.

Было начало шестидесятых. Он – студент Литературного института им. М. Горького. Сокурсник Николая Рубцова и Анатолия Передреева (теперь их, к сожалению, нет в живых, они уже классики). Споры физиков и лириков. Литературное запустение в Оренбурге и предложение занять скромную должность регистратора писем при молодёжной газете «Комсомольское племя». Вскоре после того в тёмных и тесных коридорах редакции у сотрудников запылали в глазах отблески поэтического огня: он читал всем подряд

наизусть великие строфы, а их нельзя не полюбить. Вдобавок в столичном, а потому недостижимом для провинциалов альманахе «День поэзии» появляется его знаменитый «Огонь» с афористической концовкой:

Мне в жизни видеть приходилось всякое,
Но мысль одна таится у меня:
Когда в душе моей огонь иссякнет –
Пойду к народу и займу огня.

Строки незаурядные. Запоминаются. И в редакции они охотно декламировались.

Но, как и тогда, огонь «занимают» пока у него. Молодёжь приходит со своей «жаровней» из упомянутого стихотворения, а он уж раздувает угольки. Как-то незаметно возглавил литературную группу при газете, стал в ней литконсультантом.

Камертон

Благодаря кое-кому фигура, литконсультанта одиозна. Обычно это скучный начётчик, неудавшийся рифмоплёт или болеющий нарциссизмом эпигон. Губящий всё живое, как соларка цветник.

Для будущего же оренбургской литературы (кто мог это знать?) уже в то время закладывались краеугольные камни. Превозмогая скромные возможности, молодёжная газета на своих немногочисленных страницах умудрялась помещать целые подборки стихотворений, отобранных с большим вкусом штатным поэтическим «камертоном». Тогда-то люди впервые и прочитали ныне широко известных у нас Надежду Емельянову, Валерия Кузнецова, Юрия Орязбинского, Владимира Одноралова, Петра Попова. Где-то в глубине сцены стоял невидимый режиссёр, иногда он печатал и своё. Скупое, как бы неохотное. Раздражающее и заражающее мастеровитые строки нравились, заучивались литгрупповцами наизусть, постоянно цитировались в разговорах.

Многие стали словно бы равняться под него, даже выдерживали творческий конкурс для поступления в Литературный институт. Но превзойти уже было нельзя. О поэзии он знал больше других и судил вернее всех. И читал запоем стихи, мемуары, вообще книги, любовь к которым, кстати, привил многим и многим.

Разобраться, он имеет благотворное прикосновение почти ко всем литературным силам Оренбуржья (поэты, авторы повестей и романов, киносценаристы, драматурги).

Но как отличить настоящее от подделки? Как избавиться от посредственных рифмоплётов, как правило, напористых и плодови-тых? Дабы выдворить одного разухабистого писаку, настырного, если не сказать, нахала, заявившегося на очередное занятие, он отрезал:

– У нас, друг, тут со стульями напряжён-ка.

Первым в Оренбурге заговорил о скромном тогда агрономе Петре Краснове. Перепечатывал под копирку, советовал, а то и навязывал несведущим рассказ за рассказом неизвестного, но явно одарённого человека, понимая: начинающим, настоящим талантам присуща естественная замкнутость, застенчивость.

Геннадий Фёдорович, используя любую возможность, с терпением и настойчивостью позаботился, чтобы о новом имени узнали редакции и печатали...

Сейчас Пётр Краснов – писатель с европейским именем.

В течение последних лет вышло почти 50 (!) книг стихов и прозы воспитанников литературного объединения. Творческий коллектив Оренбургской организации Союза писателей России с начала 90-х годов постоянно пополняется литгрупповцами. И все до одного (настоящий литературный корпус!) выпестованы Геннадием Фёдоровичем.

А на ступеньках уютной обители оренбургских литераторов всё явственнее слышатся уже детские шаги. «Золотая аллея» один за другим выпустила в свет сборники стихов и прозы «Расцветающий сад», «Другие птицы в небесах», «Красный угол», отдельной книжкой вышли стихи Ольги Мяловой, которой дано совсем не детское название – «Чёрные звёзды». А буквально днями придет к читателям толстенный фолиант – «И с песней молодость вернётся», вобравший в себя более сотни имен прозаиков и поэтов, чей путь в большую литературу начинался в литобъединении имени В.И. Даля в течение 40 лет его существования. Все эти имена разыскал по необъятной России, отобрал лучшее из их творчества, ввел в эту итоговую книгу Геннадий Фёдорович Хомутов.

Николай Анатольевич Болтышев родился в 1945 году. Окончил Оренбургский педагогический институт, работал корреспондентом на областном радио, в газетах «Вперед к коммунизму», «Южный Урал», в редакционно-издательском отделе областного Дворца творчества детей и молодежи им. В.П. Поляничко. Публиковался в журнале «Литературная учёба», альманахе «Каменный пояс», в антологиях «И с песней молодость вернется», «Внуки вещего Бояна». Член Союза журналистов СССР. Умер в 2013 году.

«НОС НЕ ЗАДИРАЙ!»

– «Говорят, гречанки на Босфоре хороши...» – слышу в трубке его голос.

– «...А я черна, худа...» – отвечаю ему, смеясь.

Это была любимая наша с ним шутка. Но без шуток и смеха Геннадий Фёдорович каждый раз взыскательно спрашивал с меня: «Что ты сейчас читаешь и над чем работаешь?». После каждого нашего разговора я уносила с собой исчерканный листок с именами почти незнакомыми мне в литературе. За всеядность корил и настаивал, чтобы мы, поэты, прозаики, не только большую литературу поглощали, но и друг друга читали со вниманием. Молодые и начинающие, продолжающие – мы просто обязаны знать творчество своих коллег по литгруппе. Хорошо ещё при этом узнавать по стилю: о, вот это Линыны стихи, а это Дарья – у неё тоже своя, особая манера...

– Как же это – не знать, о чём пишут твои же товарищи? Друг друга надо читать обязательно!

Для этого и рассылаются нам новые подборки, публикации. У Геннадия Фёдоровича при себе почти всегда находился лишний экземпляр свежеезданного.

– В «Вечорке» Логиновскую опубликовали, есть у тебя газета? Вот, бери, читай.

И все новости он рассказывал подробно, не упуская, кого и где напечатали, кто премию получил или в конкурсе победил, издал новый сборник, о наших «москвичах» – отдельно.

– Мы одержали очередную победу, – говорил он. – И ты работай, не ленись, не ной, пиши. Тебе тоже надо так прогреметь.

И это ощущалось как нечто общее – общее наше дело. Не возникало ни тени смущения или творческой зависти, потому что Геннадий Фёдорович говорил это не для того, чтобы подразнить, а ради того, чтобы ободрить. Может, и объединить даже... После его «победоносных» новостей о взлётах и удачах литературных собратьев одновременно и гордость испытываешь и желание писать, работать, пока тот импульс, им заданный, не исчез в тебе.

А уж если напечатали тебя, да ещё и не один раз, он похвалит с условием обязательным:

– Нос не задирай, слышишь меня?

В этой отеческой его фразе и тревога, и гордость, и любовь смешивались: пиши, не расслабляйся. И, конечно, читай! Он негодовал и сердился на тех молодых литераторов, за кем знал их читательскую поверхностность, всеядность, дурной художественный вкус. Когда в литгруппу на обсуждение приходил кто-то новый, Геннадий Фёдорович обстоятельно расспрашивал его обо всём. Всё ему было интересно, всё важно, а важнее – какие книги этот человек любит, что читает.

На первую встречу я почему-то принесла детские рассказы, хотя никогда писать о детях или для детей не стремилась. Я уже тогда работала корреспондентом в газете, много писала на сельскохозяйственную тему. Откуда взялись эти рассказы в моей папке – не помню сама. Какие-то художественные опыты, возможно, зарисовки по ситуациям. Но именно эти зарисовки я выбрала, чтобы показать взыскательному и строгому, по слухам, Г.Ф. Хомутову. Человеку, который станет для меня в творчестве всем, поверит в меня больше, чем я сама в себя верила.

После встречи спустя несколько дней мы с ним долго говорили по телефону. Он сразу же спросил, каких детских авторов я читаю и читала. Многое забылось тут же после экзамена по детской литературе на филфаке. Мне с небывалой радостью пришлось открывать известные имена заново. А при следующей встрече Геннадий Фёдорович подарил мне старенькую пухлую книжицу Виктора Голявкина:

– Вот, с него хотя бы начни...

Мы с ним подолгу говорили о книгах, о писателях, от него я узнавала такие факты и подробности, о которых в учебниках не напишут. Всегда подкидывал что-то новое из критики, поэзии, художественного. Он незадолго до своего ухода открыл мне потрясающую Елену Гуро. Личность исключительная. И незаслуженно позабытая.

С книгами обращаться он учил ответственно, и крайне неприятно отзывался о тех, кто книг хозяевам не возвращал, присваивал. Но сам он и дарил, конечно, разные книги нам. Кому и какие особенно были нужны, он понимал, чувствовал и давал в нужный

момент. Для прочтения же он выдавал редкие томики всегда под запись и всем советовал так делать.

– Вот ты видела мой книжный шкаф? – А шкаф у Геннадия Фёдоровича был под самый потолок, во всю стену и наглухо закрытый. – Я его зову «Освенцим». У меня по молодости с открытых полок сколько книг растащили. Взяли почитать и молча у себя оставляли, а ты вспоминай, кому какую дал. Ну мерзавцы! И ты не разбазаривай никогда свою библиотеку.

Геннадий Фёдорович на обсуждениях любил читать новое сам, вслух. Он умел читать как никто другой. И в такие моменты автор мог, как я это понимала, отойти на несколько метров и глянуть на себя со стороны. Читал он без выражения и монотонно, но останавливаясь изредка на некоторых удачных местах (если они были). Не знаю нарочито или так выходило само по себе. Во время такой читки, когда ты слышишь свой рассказ его голосом, моментально обнажаются все слабые стороны текста, все твои ляпы и промахи, слова-приблуды, пафос и прочее. Ты как бы кожей, «шкуркой седьмой» чувствуешь и понимаешь: ага, вот здесь наврала, вот тут переписать надо... Он завершал прочтение, и приличная часть текста у меня была исчиркана. А ведь дело ещё до самого обсуждения не дошло. Не зря, ой, не зря Геннадий Фёдорович шутил:

– Придёшь в среду? Приходи, мы тебе «баню» устроим, семь шкурок снимем, в хорошем смысле.

«Шкурки» эти сползали не сразу, что-то получалось, выправлялось легче, на что-то нужно было время и опыт, наверное. Но так я училась чувствовать, смотреть и видеть, как смотрел бы на жизнь художник. Он убеждал меня не выдумывать, не сочинять.

– У тебя блокноты есть? Ты дневники пишешь? Вот вы сейчас много себя в этих «фейсбуках» растрачиваете, напоказ душу изливаете. Всякому встречному можно прочесть и посмотреть даже, у кого что в жизни творится – нельзя так. А дневники забросили. Не надо туда любовные списки вносить и прочий компромат. Вот ты увидела что-то интересное – запиши в блокнот, не потеряй. Слово услышала какое, поговорку необычную – пиши, собирай всё это. А интернет этот брось, не трать время на него.

Новым талантливым ребятам Геннадий Фёдорович радовался. И, как мне кажется, в людях он разбираться умел очень тонко. Видал не только литературные дарования в человеке, но и его

духовную суть. Он ценил хороших людей, порядочность в них, доброту и умение дружить. Он не выносил, когда при женщинах площадной бранью ругаются, и мог и умел поставить хама на место. Предостерегал от простоты в людях – той, что хуже воровства, от излишней открытости, доверчивости. Умел похвалить так, чтобы голова не закружилась. Умел пристыдить за дело откровенно и просто. Став учителем многих известных и ещё совсем незнакомых в литературной среде имён, он не мог не стать при этом кем-то большим, чем просто наставник в нашем ремесле. Его влияние на современных оренбургских литераторов я бы сравнила с понятием «значимый взрослый» в жизни ребёнка, рядом с которым маленький человек развивается, познаёт мир и себя.

Жанна Владимировна Данилова родилась в 1987 году в г. Салавате Республики Башкортостан. Прозаик, детский писатель. Живёт в Оренбурге. В 2010 году окончила филологический факультет Оренбургского государственного педагогического университета. С 2012 года работает корреспондентом в Оренбургской районной газете «Сельские вести». Автор рассказов и детских повестей «Две Полины», «Второгодник». Обладатель «Золотого диплома» Всероссийского конкурса «Золотой Витязь». Лауреат региональной литературной премии имени Петра Рычкова в номинации «Художественное произведение для детей и юношества». Лауреат ежегодного областного творческого конкурса журналистов, редакций средств массовой информации и полиграфических предприятий за 2020 год в номинации «Берегите человека». Победитель областного конкурса «Звёзды РИА «Оренбуржье» в номинации «Золотое перо Оренбуржья».

Публиковалась в газетах «Вечерний Оренбург», «Оренбуржье», в журнале «Оренбургская заря».

Член Союза писателей России. Член редакционной коллегии журнала «Оренбургская заря».

ЧЕМ НЕ ШКОЛА?

Мне было четырнадцать, когда я пришла на заседание литературной группы «Расцветающий сад» со своими первыми очерками и белыми стихами. Помню, была весна, но лишь по календарю – зимняя стужа вдоволь резвилась, ошибочно посчитав март и своим месяцем тоже. Лишь робкие, потеплевшие солнечные лучики, показывающиеся днём, и беловато-бурый снег, линяющий подобно заячьему меху, пробуждали в душе нотки весёлости, тихонько шептали «Весна близко!»

В тот самый день, когда я шла по длинному коридору Дворца творчества, что на переулке Хлебном, я даже не догадывалась, что иду не просто познакомиться с пишущими ребятами и показать свои первые творения известному поэту, а познакомлюсь с человеком, который станет мне истинным наставником и проводником в мир литературы. Правда, как бывает у молодых людей, пойму я это гораздо позднее, уже окончив университет, обретя семью, уехав из Оренбурга за две тысячи километров, начав добросовестное служение канцеляризмам и так ни разу не встретив в местных литературных кругах никого подобного по самоотверженности и любви к воспитанникам, как Геннадий Фёдорович.

Я обратилась к нему вновь, спустя долгие годы творческого молчания, – так как тихий голос вдохновения не затихал во мне, – и он, по-отечески пожурив о попусту потраченном времени, принял меня и стал вновь возвращать, как в тот мартовский день 2007 года. В каждом письме я получала ценные замечания к моим стихам и рассказам, фамилии авторов, которых мне нужно было обязательно прочесть. «Чем не школа?» – спросите вы. Похоже, но за исключением, что знания, даруемые Геннадием Фёдоровичем, нельзя было прочесть ни в одном учебнике, а к «урокам» нельзя было заранее подготовиться. Только благодаря ему я поняла, что талант нужно кропотливо огранять, над рукописями нужно трудиться, а ещё – читать много хорошей литературы. И когда это осознание прочно укрепились и зажило во мне, посеянные им ростки не заставили себя

долго ждать и выросли! В газете «Вечерний Оренбург» стали появляться мои рассказы, а об этом я мечтала с юных лет!

Ещё в конце каждого письма и телефонного разговора он всегда желал мне удачи. Это он говорил каждому, будь то состоявшийся или начинающий автор, так как знал, что поймать эту вертихвостку-удачу нелегко! А об остальном Геннадий Фёдорович позаботился: сад расцвёл и будет благоухать, пока сердца его воспитанников пылают верной любовью к Слову, а у подрастающего поколения уже мы, дай Бог, посеем плодородные семена – те, самые, «хомутовские», что помогли по-своему, но художественно заговорить каждому из нас!

Татьяна Сергеевна Дулепова родилась в 1993 году в с. Пичуга Волгоградской области. Окончила Оренбургский государственный университет. Публиковалась в газетах «Вечерний Оренбург», «Моя семья», «Патриот Оренбуржья», в альманахе «Черноморская звезда».

Член Оренбургского областного литературного объединения им. В.И. Даля.

Лина ЕРОФЕЕВА (ЛОГИНОВСКАЯ)

Я БУДУ ПОМНИТЬ

Вспоминаю своё первое посещение литгруппы. Мы пришли вместе с сослуживицей Е.Г. Решили, что вдвоём не так страшно.

Длинный коридор, пластиковая дверь. За нею голоса. Стучим. Глубокий вдох. И мы внутри.

Первое, что бросается в глаза – маленькая комнатуха, битком забитая вещами и людьми. Заставленность, нагромождённость: столы, шкаф, стулья, газеты, сумки. Мы здороваемся. Наперебой приветствуют, наперебой просят пройти в соседнюю комнату, раздеться. Протискиваемся. На ходу сгребаем с себя шапки, куртки. Соседняя комната – волшебство: вся заполнена игрушками (и по сей день не знаю, откуда они и для чего). Впопыхах, немного волнуясь, бросаем верхнюю одежду на гору курток, и возвращаемся к литгрупповцам. Нас усаживают. Сидим, прижимаясь коленями и руками к соседям. Выдыхаем.

Всё это время за нами следит приземистый, крепкий мужчина в возрасте. Сидит полуулыбаясь, в глазах какая-то искра, я бы даже сказала, задоринка. Но неловкости такой взгляд не вызывает. Он не тяжёлый и не испытывающий. Скорее это взгляд-глубиномер – аккуратно, ненавязчиво прощупывает дно: насколько глубока твоя душа? И какие обрывы на её дне? И много ли коряг и прочего хлама хранит?

Этот взгляд принадлежал руководителю литкружка – Геннадию Фёдоровичу Хомутову (ГенФед, как мы его называли). Могу сказать, что, несмотря на возраст, он оставался бодрым, весёлым, исполненным идей и интереса к жизни и людям. Человек мудрый душой и юный духом. Именно он был аккумулятором, питающим нашу веру в себя и в наши способности. С первой встречи и до последнего телефонного звонка он мягко, по-дружески подбадривал, поддерживал, давал советы, находил нужные слова.

Но осознание этого придёт немного позже. А тогда первая встреча оставила двойное ощущение. С одной стороны, точный и детальный разбор каждого стихотворения. Все ошибки, промахи и неточности были чётко сформулированы и доказаны. С другой же

стороны, мне, как человеку давно и усердно ведущему скрытую душевную работу, было тяжело «вскрывать нерв» и получать при этом долю критики.

Сейчас, спустя два года моего «кружковства», спустя одну изданную книгу стихотворений, спустя несколько написанных рассказов, утверждаю – только находясь в союзе с такими же сумасшедшими, творческими, безотказными и беззаветно любящими своё дело людьми, можно нащупать свой путь в современном литературном процессе, можно «заматереть» и начать спокойно и адекватно воспринимать любую критику и похвалу.

На всю жизнь в моей памяти останется именно та маленькая, Богом забытая комнатка. Мы, как ученики и последователи, сидя, полусидя, стоя вокруг одного учителя, слушаем его рассказы о жизни, советы, стихотворения.

«Пиши», – вот его последние наставления мне. Я буду писать и я буду помнить. Мы, литгрупповцы, храним часть его мудрости, его видение жизни, его любовь к слову и интерес к человеку, к его сущности. Мы никогда не сможем его заменить, но постараемся достойно продолжить то дело, которое было для Геннадия Фёдоровича смыслом всей жизни.

Лина Николаевна Ерофеева (псевдоним – Логиновская) родилась в 1990 году в городе Харцызске Донецкой области. Первое стихотворение написала в двенадцать лет. В июне 2014г. с семьёй переехала в Оренбург. С апреля 2017г. работает выпускающим редактором телевидения в АО «ТВЦ «Планета». С 2018 г. член Оренбургского областного литературного объединения им. В.И. Даля под руководством Г.Ф. Хомутова. Принимала участие в литературном семинаре «Корифеи», город Уфа. Автор сборника стихотворений «Тёмный час». Печаталась в газетах «Вечерний Оренбург» и «Оренбуржье», в альманахе «День поэзии» 2018/2019, в журнале «Оренбургская заря». Член Союза писателей России.

УРОКИ ГЕННАДИЯ ФЁДОРОВИЧА

Геннадий Фёдорович был моим другом и учителем, человеком, с которым я общался почти ежедневно, и который знал обо мне больше, чем мои родные. Я многому научился от него, и теперь его уроки пригождаются. По ним невозможно сдать ЕГЭ, но они очень важны. Предлагаю читателю совсем краткий конспект уроков Геннадия Фёдоровича.

С Геннадием Фёдоровичем Хомутовым я познакомился 1 февраля 2002 года, хотя я первый раз пришёл в Дом литераторов имени С.Т. Аксакова, что на улице Правды, 10, на встречу не с ним, а с поэтом Юрием Михайловичем Орябинским.

В школе я ходил в краеведческий кружок, который вела Евгения Алексеевна Чеснакова, и замечательный популяризатор творчества оренбургских писателей Тамара Васильевна Баскова предложила нам написать работу о жизни и творчестве Ю.М. Орябинского, с которым мы и договорились о встрече.

Юрий Михайлович ещё не пришёл, но откуда-то из боковой двери на втором этаже появился нестарый, средних лет ещё человек в свитере и джинсовой тужурке, с лихо зачёсанными набок волосами. Он громко поздоровался и осведомился о цели нашего визита.

– Да, Юры ещё нет, – сказал он.

Затем он обстоятельно расспросил, кто мы и откуда, кто надумил нас написать работу о творчестве Ю.М. Орябинского. Он назвал ещё несколько фамилий литераторов, о которых также можно было бы написать школьные исследования.

Он быстро сбегал на первый этаж (эту удивительную подвижность и скорость шага он сохранял до последних дней) и принёс стопку книг в мягкой обложке. Это была книга его стихотворений – «Вот я в школу иду». Такую книгу он и подарил мне с автографом «Ване Ерпылёву от автора с добрыми пожеланиями».

Я слышал и другие истории о визитах в Дом литераторов. Люди, ищущие встречи с настоящим писателем, натывались на

тупость и спесь, на чванство литначальников, и это надолго отвращало людей от нашего оренбургского литературного сообщества. Хорошо, что в литературном мире я встретил первым именно Геннадия Фёдоровича!

Литобъединение «Расцветающий сад» с блиставшими тогда молодыми звёздами Ольгой Мяловой, Михаилом Кильдяшовым, Дарьей Тишаковой, Владой Абаймовой, Варварой Заблицкой, прошло мимо меня. Я сразу начал ходить на «взрослую» литгруппу, которая собиралась по средам в Доме литераторов.

Люди шли нескончаемым потоком, но некоторые не появлялись месяцами и даже годами. Каждого Геннадий Фёдорович помнил – в лицо и по имени, приветливо встречал, как будто и не было долгого отсутствия, расспрашивал о жизни, рассказывал новости литгруппы, и, наконец, по его выражению, «наводил справки», то есть записывал обновлённые установочные данные вновь обрётённого литгрупповца в свою записную книжку.

Оказалось, что самые настырные, болтливые и требовавшие внимания посетители не отличались литературным талантом, хотя и отнимали много времени у Геннадия Фёдоровича.

Как правило, открытие нового имени в оренбургской литературе происходило чуть ли не силком – истинно талантливые люди, как правило, скромны, и Геннадию Фёдоровичу приходилось многократно уговаривать, убеждать подающего, по его мнению, надежды автора принести свои произведения для разбора, поделиться сокровенной тетрадкой. Так он буквально за руку, на глазах у всего литобъединения привёл в литературу поэтесс Ирину Куртмазову и Татьяну Крещенскую. А суетливые поэты до сих пор ходят вечными подмастерьями, хотя и имеют смелость называть себя друзьями Геннадия Фёдоровича, понимая под дружбой его снисходительность к ним.

Мы по-настоящему сблизились, сдружились с Геннадием Фёдоровичем, когда я помогал ему восстановить «Библиотеку поэта». Он рассказывал, что начинал собирать её раза три, и всё время не полностью – что-то терялось при переездах, что-то зачитали

друзья. Из своего бюджета он ежемесячно выделял деньги, которые мог потратить на книги. Я помогал ему «выписывать» редкие букинистические издания «Библиотеки поэта», которые могли стоить дорого – цена доходила до 4000 – 5000 рублей за том. Потом Геннадий Фёдорович с гордостью рассказывал – пришла бандероль из Израиля с томиком Шевырёва, с актом – вскрывали на таможне, проверяли, действительно ли в бандероли книга, которая почему-то так дорого стоит. Любовь к «Библиотеке поэта» он передал и мне. «Откроешь томик, и все стихи как на ладони», – говорил Геннадий Фёдорович. «Библиотека поэта» показывает нам всё творчество автора, а не только десяток хрестоматийных стихотворений, в полном собрании видно, что и великие поэты могли написать стихотворение небрежно, на проходную тему.

Как правило, самые судьбоносные литературные решения принимались спонтанно.

Мы отмечали в литгруппе новый 2017 год. Геннадий Фёдорович очень сожалел, что у нас нет своего литературного журнала. Я предложил на это – давайте организуем свой журнал. Эту идею горячо поддержал Геннадий Фёдорович и литгрупповцы. Тут же придумали название («Оренбургская заря»), решили учреждать журнал вдвоём с Михаилом Кильдяшовым, подобрали редколлегию, составили план первого номера. Всё непринуждённо, охотно, с такой лёгкостью, как будто открывали журналы каждую неделю.

Геннадий Фёдорович называл меня «прокурором». Видно было, что юридический мир был ему интересен, он всегда спрашивал, много ли преступников я осудил. И ещё – есть ли у меня мантия, в которой я выступаю на суде. Он гордился не только нашими литературными, но и профессиональными успехами, интересовался особенностями работы каждого. Однажды подсчитывал, сколько из литгруппы вышло кандидатов и докторов наук. Для него важно было, чтобы человек не потерялся в жизни. Благодаря Геннадию Фёдоровичу я научился объяснять простым языком – чем я зарабатываю на жизнь, что происходит в судах, в каких делах я участвую.

Геннадий Фёдорович не был всезнайкой. Он признавал, что есть недоступные ему сферы знаний и умений. Так, он не водил машину, не знал иностранных языков. Не давался ему и компьютер. Зато как радовался за своих литгрупповцев, которые сдали на права или выучили хотя бы один иностранный язык! А фраза «Ты же компьютерщик!» звучала как упрёк человеку, который не может распечатать свои тексты.

Геннадий Фёдорович постоянно пытался расширить свой кругозор, много читал и нехудожественной литературы, хорошо знал историю, географию, искусство, интересовался политикой. Он не заикливался на литературе, и благодаря этому был разносторонним. С неподдельной любознательностью он расспрашивал о жизни в других странах, о том, красивые ли там женщины, сколько люди зарабатывают, бедно или богато живут.

От Геннадия Фёдоровича я с удивлением узнал, что шкалы творческой и человеческой значимости различны. Он мог дать убийственную характеристику: «блестящий поэт, но как человек – ничтожество». И наоборот, добрые, скромные «середнячки» заслуживали похвалы за человеческие качества. Я понимал, что чем человек талантливее, тем сложнее ему не возомнить себя сверхчеловеком. О таких, возомнивших, Геннадий Фёдорович с усмешкой говорил: «Головка закружилась!». Жизнь показала, что вдохновение избегает лжи, предательства, зависти, лени. Многих подававших надежду ржа источила изнутри, обездвижив заскорузлые шестерёнки творчества. Наш учитель предупреждал: «Сколько будет завистников!» Но сам он ценил талант в каждом своём ученике, и всегда искренне радовался успехам других.

Геннадий Фёдорович отличался особым, правильным отношением к недругам. Он был к ним объективен, тем самым ещё более их «унасекомивал». За подлинные успехи сдержанно хвалил, талант их признавал. Корректное отношение к врагам возвышало его над ними, брызжащими слюной по поводу и без повода.

В последние годы жизни Геннадия Фёдоровича мы стали бывать у него дома. Конечно же, Елена Геннадьевна встречала нас с особым радушием, она полностью посвятила себя своему замечательному, знаменитому отцу, с которым всегда поддерживала разговор, дружески вступая с ним в спор, или наоборот, подсказывая ему какие-то детали его рассказа. Геннадий Фёдорович словно патриарх восседал в массивном резном кресле. Разговоры за столом всегда велись литературные. Геннадий Фёдорович любил рассуждать вслух, планировать, рисовать словесную карту будущих генеральных сражений и побед. Но и о домашних делах он никогда не забывал. В бытовых вопросах он был прагматиком, знавшим, как построить дом, как посадить огород, у него было всё – от Брокгауза до сварочного аппарата. Укоренённость, прагматизм не давали раствориться в мечтаниях, придавали словам вес и конкретику.

Конечно, я почти ничего не сказал об уроках литературных, но и сами эти житейские уроки, преподанные мимоходом, думаю, многих литгрупповцев спасли от несчастной судьбы.

Иван Владимирович Ерпилёв родился в 1989 году в городе Медногорске Оренбургской области. Кандидат юридических наук. Член Оренбургского литобъединения имени В.И. Даля. Председатель Оренбургской региональной писательской организации Союза писателей России, секретарь Союза писателей России. Главный редактор журнала «Оренбургская заря». Автор книг стихотворений «Дети полынного века», «Любовь и мамонты», «Плюсквамперфект».

Печатался в газетах «Российский писатель», «Литературная Россия», альманахах «День поэзии» 2017, 2018/2019», «Гостинный Двор», журналах «Изборский клуб», «Литературная учёба», «Южная звезда», «Дальний Восток», «Молодёжная волна», «Окна», газете «Российский писатель», антологиях «Внуки вешего Бояна», «Здравствуй! Это – Я!», «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!..», «Друзья, прекрасен наш союз!..», «Ветер полей золотых». Лауреат Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка» во второй номинации, лауреат сайта «Российский писатель» в номинациях «Позиция» (2016), «Новое имя» (2017) «Лидер» (2018), «Поэзия» (2019, 2020), награждён Почётной грамотой Союза писателей России, медалью Союза писателей России имени М.А. Шолохова.

«ВРЕМЯ УКРЕПЛЯТЬ СЕМЬИ»

До сих пор, отпуская своих учеников с занятий, повторяю слова Геннадия Фёдоровича: время укреплять семьи.

Время укреплять семьи – этим я руководствовалась всю свою жизнь, забыв о том, что семья – это не только те, что рядом, но и те, кто помнит о тебе за тысячи километров.

Серая куртка, шляпа, потёртый портфель, курчавые седые волосы. Пальцы, сложенные в замок, крепко сомкнутые губы. И взгляд. Взгляд, который не встречается у нашего поколения. Слишком осознанный, слишком честный к себе и благосклонный к другим. Взгляд человека, прожившего за одну жизнь две, а то и три...

– Ескина, что написала за неделю?

Улыбаюсь. Всю неделю прогуливала школу в подъезде с Машкой. Читали Шопенгауэра. Ни черта не понятно. Какая поэзия, когда в мире столько неясного?!

Мы идём по улице. Мне пятнадцать, я влюблена вон в того лохматого мальчишку, читающего стихи. Хлопьями падает снег. Он летит-летит, околдовывает меня своим постоянством, уверенностью. Словно, он никогда не перестанет. Никогда не остановится, словно всё подвластно ему одному. И я непременно утону в нём, оставив своё горячее дыхание звёздам. Мерцающим вдалеке.

– Что он сказал?

– Читала стихи ГФ?

– Что говорит дедушка?

– Ничего. Как всегда, только улыбается. Только думает о чём-то своём.

Прошло пять лет.

Письма. Бумажные письма. Не подделанные-электронные. Живые. С почерком. Характером автора. С твёрдостью, настойчивостью.

– Ескина. Почему не пишешь?

– Ескина! Где твои новые стихи?

– Ескина, хватит заниматься детьми. Займись поэзией.

– Ескина

– Ескина...

– Алло, Дуся? Это Хомутов.

Как? Как я могла вас не узнать? Как могла не ответить на ваш звонок? Как могла промолчать? Спрятаться в свою конуру бездействия и бездарности.

– Дуся! Пиши! В тебе талант, Дуся. Дети вырастут. Не бросай стихи.

Милый мой. Как же мне хочется вас обнять. Вы ещё здесь. Всегда. Рядом.

Ноябрь. Серое промозглое утро. Туман.

– Что тебе снилось, милая? – Муж гладит меня по плечу, видит меня, терзаемую чем-то иным, новым.

– Мне снился Геннадий Фёдорович. Велел писать. Сказал, если брошу, то пропаду.

– Так пиши.

– А что? Что мне писать? Что я чувствую? Что я слышу? Все померкло. Юность оставила меня наедине с моей зрелостью, не попрощавшись.

– Пиши, Дуся.

Шторы переливаются от светло-розового до ярко-бордового. Почему в домах культуры в почёте розовый цвет? Я иду по лестнице, держусь за перила, ловлю голоса ребят в кабинете Хомутова. Я приближаюсь к чуду. С каждым шагом я всё ближе и ближе к нему. С каждым шагом я становлюсь лучше, чище, светлее, поэтичнее...

Где вы?

Вы здесь – в моём сердце. Навсегда.

Евдокия Аркадьевна Ескина родилась в 1992 году в Оренбурге, в семье художников. Писать начала с десяти лет. С 2006 года посещала занятия в литературном кружке «Расцветающий сад» под руководством Г. Ф. Хомутова. В 2007 году заняла третье место в литературном конкурсе им. Аксакова с рассказом «Ноги». В 2009 году заняла первое место в городской школьной конференции «Интеллектуалы XXI века» в номинации «Словесность» и первое место в конкурсе «Мой любимый город Оренбург». Лауреат Всероссийского литературного Пушкинского конкурса «Капитанская дочка» (2010), участница Шестого международного совещания юных литературных дарований в Литературном институте им. А. М. Горького (2009). Печаталась в газете «Вечерний Оренбург». В 2012 году закончила Московский библиотечный колледж. Посещала занятия в литературной мастерской «Кипарисовый ларец». Живёт в Москве.

«С СОРОК ПЕРВОГО ГОДА ПУСТЫ ЗАКРОМА...»

«С сорок первого года пусты закрома...» – строка из стихотворения оренбургского поэта Геннадия Хомутова. Это одно из его стихотворений о военном и послевоенном детстве. В этом цикле мы находим стихи о школьной столовой, где детей бесплатно кормят черным хлебом и похлебкой. О самодельных чернилах «из бузины и чёрной сажки, из бурой свёклы и из глины». О старых книгах, которые в сельской школе использовались вместо тетрадей, когда дети писали между строчек и на полях. О спичках, которых «не было в продаже, а значит, спичкам не было цены». Что объединяет все эти стихотворения? Конечно, они правдиво рисуют тыловой и послевоенный быт. Не раз приходилось слышать от людей, которые, как и автор, росли в военные и послевоенные годы: «Это как обо мне написано». Но главное во всех этих стихах – огромная благодарность людям, которые были рядом, которые помогли вырасти детям войны, добрая память обо всех – родителях, учителях, поварах школьной столовой, соседях.

Геннадий Фёдорович Хомутов родился 10 мая 1939 г. в селе Кувай Покровского района Оренбургской области. Его мама – Татьяна Ананьевна заведовала детским садом. Она увлекалась народной медициной, хорошо знала лечебные травы, за что её называли на селе колдуньей. Есть у поэта об этом стихотворение. Помню, прочитав его впервые, я сказала автору, что оно мне понравилось, а он ответил как-то сердито: «Нет! Плохо! Хорошую идею я не сумел хорошо воплотить!» Такая строгость ко всему, выходящему из-под пера – своего ли, чужого ли – всегда была ему свойственна. Однажды в его присутствии одна дама читала стихи, которые ей понравились. Стихи были очень плохие, Геннадий Фёдорович, слушая, мрачнел на глазах. Но, видимо, пожалел женщину, не стал громко возмущаться, а тихо сказал: «За такие стихи... наказывать надо».

Свыше полувека, с 1964 года Г.Ф. Хомутов руководил работой Оренбургского областного литературного объединения им. В.И. Даля, где занимался с юными литераторами, многие из которых впервые пришли к нему, будучи ещё младшими школьниками.

Строг он был и к ученикам. Приходилось мне слышать от сочувствующих, что даже слишком строг, что не надо бы с детьми разговаривать так резко. Однако мне всегда казалось, что человек, желающий чему-то научиться, не обижается на хорошего педагога, как бы требователен и строг тот ни был. А Хомутов, хотя и не имел педагогического образования, несомненно, был очень хорошим педагогом. Не раз приходилось наблюдать его общение с детьми. Буквально через пару минут разговора любой ребенок, независимо от возраста, воспитания, интересов, становился самым оживлённым собеседником Геннадия Фёдоровича – отвечал на вопросы, рассказывал о себе, сам о чём-то спрашивал. Говорят, дети чувствуют, кто их любит. Добавлю, никакого ребенка не оставит равнодушным человек, проявляющий к нему искренний интерес. А этот искренний интерес к людям был главной чертой Хомутова, и, по всей вероятности, эта черта перешла к нему по наследству, от мамы, от деда.

Дед Геннадия Фёдоровича, Ананий Павлович Кузнецов (1859-1938), уроженец села Подгородняя Покровка Павловской волости Оренбургской губернии, талантливый крестьянин-самородок, фольклорист, этнограф, журналист, краевед. Благодаря огромной тяге к знаниям, которую всеми силами поддерживала в нем мачеха, маленький Ананий Кузнецов получил начальное образование, которое затем расширял чтением.

«Букварь не пряник,
А почитай-ка,
Язык прикусишь...
Букварь не сайка,
А как раскусишь,
Слаще ореха!»

Так рекламировал герой стихотворения Некрасова, дядюшка Яков, книги, которыми торговал, буквари, один из которых подарил девочке-сиротке. Возможно, похожим образом рекламировал книгу и молодой Ананий Павлович, когда ходил книгоношей по селам Оренбургской губернии. И заодно наблюдал жизнь этих сёл. В результате этих наблюдений начинают появляться заметки в газетах «Оренбургский листок», «Оренбургские губернские ведомости» и других. Постепенно заметки превращаются в содержательные очерки, в которых мы находим массу статистических данных, записи народных стихов и песен, описания обрядов. В конце 1890-х

годов А.П. Кузнецов переехал в село Покровское Оренбургской губернии, где занялся огородничеством. Опыт этой деятельности он обобщил в книге «Бахчеводство», опубликованной в 1915 г. в Петербурге.

В 2007 году стараниями Г.Ф. Хомутова был издан сборник этнографических очерков А.П. Кузнецова. Это издание, в составлении которого Геннадия Фёдоровичу помогали оренбургские историки, литераторы, краеведы, представило собой настоящий памятник одному из дореволюционных исследователей Оренбургского края.

На презентации этой книги, в 2007 году, зашёл разговор о том, каким человеком представляется людям, причастным к её созданию, Ананий Павлович. Мне тогда подумалось, что тут не надо ничего себе представлять, достаточно посмотреть на его внука, который, скорее всего, похож на деда не только внешне, но и этим живым интересом к окружающему миру, к жизни, к людям. Добрым, искренним интересом, в ответ на который люди доверялись Кузнецову, раскрывались, не скупилась на рассказы. Так и в ответ на искренний интерес Хомутова к окружавшим его молодым людям, эти люди доверялись ему и заражались от него великой любовью к литературе.

Когда Геннадий Фёдорович слышал от родителей или учителей своих подопечных вопрос «Выйдет ли из ребенка литератор?», он отвечал, что такой цели не ставит. Вовсе не обязательно член литобъединения делается журналистом или, тем более, писателем. Главная цель – разбудить в человеке любовь к творчеству, которая в любой профессии не будет лишней. А что лучше хорошей литературы может этому способствовать? Поэтому надо воспитать в человеке любовь к книге, литературный вкус, умение грамотно и красиво выражать свою мысль, и пусть пробует писать, а сделает ли это профессией – видно будет.

За годы работы Г.Ф. Хомутов составил и выпустил более двадцати поэтических сборников. Авторы вошедших в них стихов, строго, придирчиво отобранных – это далеко не всегда люди, полностью посвятившие себя литературе. Среди них есть врачи, юристы, инженеры, учителя и рабочие. Однако Хомутов вырастил и целую плеяду замечательных литераторов. Среди его учеников старшего, послевоенного поколения, – Пётр Краснов, прозаик, широко известный не только на Урале, издавший за 40 с лишним лет

литературной деятельности более десяти книг прозы в стране и за рубежом; Владимир Одноралов, поэт, прозаик, публицист, детский писатель; Надежда Емельянова, поэт, тонкий лирик и блестящий журналист; Валерий Кузнецов, поэт, публицист, литературный краевед; поэты и редакторы Игорь Бехтерев, Наталья Кожевникова. Среди людей моложе, конца 50-х-начала 60-х годов рождения – активно работающие журналисты и писатели Александр Старых, Юрий Мещанинов; известный прозаик и драматург Фарид Нагимов (1970 г.р.), поэт, публицист, литературный критик Михаил Кильдяшов (1986 г.р.), поэт, председатель Оренбургской писательской организации Союза писателей России Иван Ерпылёв (1989 г.р.) и многие другие видные литераторы Оренбуржья.

Скромный автор этих строк, к сожалению, не был членом литобъединения. Встретиться с Геннадием Фёдоровичем мне довелось уже в весьма зрелом возрасте. Однако и я причисляю себя к его ученикам. Именно ему я, после долгих сомнений, решила показать свою первую краеведческую статью. Благодаря ему эта статья была опубликована и положила начало большой работе, которая делалась при постоянном внимании, даже, можно сказать, под контролем Хомутова. Никогда не забуду его голос в телефонной трубке: «Ну, как дела?» – «Да как... студенты ленятся... бюрократия замутила... начальство требует... устала...» – «Ясно. А когда будешь творчески работать?!» И как сразу стыдно становится за своё нытьё! Что значит – устала! Работать надо! Творчески работать!

Умел Геннадий Фёдорович вдохновить. В 1999 г. в Оренбургском книжном издательстве вышла в свет книга «Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский». Над ней работал целый коллектив, более десяти человек: литераторы, историки, краеведы, архивисты, библиотекари. Хомутов официально в этот коллектив не входил, но без него книга никогда бы не появилась. Проходило как-то в Оренбургском Доме Литераторов заседание, посвящённое 200-летию со дня рождения В.А. Перовского – яркой личности Пушкинского времени, человека, с именем которого связана целая эпоха в истории Оренбургского края. Приближался такой же юбилей Пушкина. Члены Оренбургского Пушкинского общества делились различными сведениями о Перовском, заседание проходило оживлённо, докладчиков слушали с неизменным интересом. И тут раздался голос Хомутова: «А почему до сих пор нет книги о таком

замечательном человеке?» И этот вопрос сразу вызвал живую реакцию: «А давайте сделаем книгу!»

Работа шла быстро, слаженно. И теперь, по прошествии стольких лет, её участники вспоминают с каким-то особым удовольствием, как легко и вдохновенно трудились, а Геннадий Фёдорович постоянно интересовался, как идут дела, в подробностях расспрашивал, кто нашёл ещё что-то интересное, сколько уже сделано, как преодолеваются технические трудности. И как радостно встретили книгу, с каким интересом читали её и он, и члены его семьи!

Он оставил нас 15 июля 2020 года. Последние несколько лет его жизни были омрачены разными печальными событиями и резко навалившимися болезнями. Но ничто не могло уничтожить этого живого интереса к творческой жизни коллег, учеников, единомышленников. Буквально за несколько дней до кончины он увлечённо говорил о планах своих учеников, о будущих изданиях, ждал выхода в Москве очередной поэтической антологии современных оренбургских авторов, подготовленной поэтом, публицистом и критиком, доцентом Литературного института им. А.М. Горького Геннадием Красниковым. Не дождался совсем немного...

Таким, вдохновенным и вдохновляющим останется он в нашей памяти.

Одно из лучших его стихотворений заканчивается строками:

«Когда в душе моей огонь иссякнет,

Пойду к народу и займу огня!»

В его душе огонь не иссяк никогда. Это мы занимали и будем занимать огня у него.

Инна Каримовна Зубова родилась в 1957 году в Ленинграде. Краевед, педагог, математик. Дочь Г.П. Матвиевской. Детские годы провела в Оренбурге. Окончила среднюю школу в Ташкенте, в 1981г. – математико-механический факультет ЛГУ, аспирантуру в Киеве. Кандидат физико-математических наук (1990). Работала в Ташкенте и Киеве. С 1986г. живёт в Оренбурге, преподаватель в Оренбургском государственном университете. С 1996г. занимается краеведением. Публиковалась в альманахе «Гостиный Двор», краеведческих сборниках. Лауреат премии «Оренбургская лира» (2002).

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Для меня Геннадий Фёдорович Хомутов – прежде всего литературная энциклопедия Оренбуржья и России. И этой энциклопедии не стало...

Когда я пришла работать в Оренбургскую областную научную библиотеку им. Н. К. Крупской, имя Геннадия Фёдоровича Хомутова было уже известно, он был известен как наставник начинающих литераторов, в меньшей мере как поэт. Его поэтические сборники «Мёд гостеприимства» и «Ранняя память» появятся позже, во второй половине 1980-х годов. Личное знакомство произошло в 1995 году. Связано это было с рождением литературно-краеведческого альманаха «Гостиный двор». Как и полагается крупнейшей библиотеке региона, ОУНБ им. Н. К. Крупской приняла деятельное участие в создании «Гостинного двора». Именно Геннадий Фёдорович познакомил нас с редактором новорождённого альманаха Игорем Александровичем Бехтеревым.

Тесное общение с Геннадием Фёдоровичем началось с 2013 года, когда в нашей библиотеке по инициативе директора Л.П. Сковородко был создан сектор литературного краеведения, который было поручено возглавить мне. В какой-то мере мы хотели возместить отсутствие в городе литературного музея. Не могу сказать, что Геннадий Фёдорович сразу же принял нашу идею, впрочем, как и другие писатели, понадобились ещё разъяснения Аллы Георгиевны Прокофьевой. Но после того, как он поверил в наше искреннее желание сохранять литературное наследие, не давать ему растекаться ручейками и уходить в небытие, он стал главным нашим помощником, дарителем, соратником. Мы стали получать из его «закромов» автографы, копии писем, фотографии, книги оренбургских авторов, изданные не в Оренбурге и потому отсутствующие в фонде нашей библиотеки. Но не менее важным были его воспоминания, это была бесценная информация, которую можно было получить только у него. Несомненно, эта информация была окрашена личным отношением к событиям или людям, но она была чаще всего эксклюзивной. Хочу подчеркнуть – что из оренбургских писателей он был самым

активным помощником при создании нового подразделения библиотеки. Он воспользовался своим авторитетом и влиянием в писательской среде, и мы получили рукописи, автографы и фотографии и от других оренбургских литераторов. Поколениям оренбургских читателей Геннадием Фёдоровичем подарены не только книги в большом количестве, но и важнейшая информация, которая вошла в наши электронные ресурсы и печатные издания, посвящённые литературе и литераторам.

Первое время Геннадия Фёдоровича раздражало моё незнание творчества молодых оренбургских литераторов, о которых он мог говорить часами, поскольку в литературе для них он играл роль папы. Пришлось срочно читать стихи и прозу молодых и в результате теперь я с удовольствием слежу за творчеством Михаила Кильдяшова, Влады Абаимовой, Полины Пороль и других. Я думаю, он очень любил Фарита Нагима. Фарит, ученик Геннадия Фёдоровича, на одном из мероприятий в нашей библиотеке сказал, что даже если далеко уезжаешь, всё равно остаёшься «под колпаком» у Хомутова, он продолжает следить за жизнью и творчеством своих подопечных, продолжает «наставлять их на путь истинный». Поэта Михаила Кильдяшова в разговоре со мной Геннадий Фёдорович называл «золотым мальчиком». Он был невероятно растроган поступком своего ученика юного Кирилла Зарубина, который, не смотря ни на какие предупреждения, запрещения, написал письмо в высокие инстанции в защиту своего учителя. Конечно, поступок высокого порядка! С неизменным уважением он говорил о писателях-фронтовиках: о Петре Кузьмиче Данилове и Александре Фёдоровиче Фурсове. Я помню, как мы от души смеялись, когда он вспомнил приключения замечательного поэта, участника Великой Отечественной войны Михаила Георгиевича Трутнева, фотографию которого мы долго совместно искали. Благодаря его памяти и подаренным книгам, мы узнавали о писателях наших земляках живших за пределами Оренбургской области, например: о Николае Ивановиче Сиянове, Сэме Хаимовиче Симкине (его именем названа одна из библиотек в Калининграде), Арсении Петровне Никитенко и других.

В настоящее время я знакома со многими оренбургскими писателями и расспрашивая их о том, с чего начиналось литературное творчество, практически ото всех слышу: «Вот, когда Геннадий Фёдорович сказал...», «Вот когда Геннадий Фёдорович отметил...» и т.д.

Получается, что наша оренбургская прекрасная литература во многом начиналась с поэта Геннадия Фёдоровича Хомутова.

Литературные мероприятия в нашей библиотеке он посещал, не могу сказать, что часто, но если приходил в библиотеку, то всегда с подарком – с новой книжкой кого-то из оренбургских писателей, или со старой книжкой, но с автографом, или с литературным журналом, в котором опубликовался кто-то из оренбуржцев. Иногда был ведущим мероприятий, организованных Оренбургским отделением Союза писателей России, посвящённых, как правило, молодым поэтам, и тогда чувствовалось, насколько он переполнен информацией и как много он может сказать, поэтому его выступления были, как правило, длительными по времени. Что было удивительно, его молодых соратников и учеников это не утомляло, слушали его всегда со вниманием. Было интересно наблюдать за Владимиром Флейшером на мероприятии, посвящённом его творчеству, когда выступал Геннадий Фёдорович. Он, Владимир Флейшер, старался выглядеть спокойным, но было видно, как он волнуется, волнуется сильно. Но литературный «старейшина», можно сказать, «погладил когтистой лапой»: и покритиковал, и похвалил.

Он хорошо знал пишущих библиотекарей, например, всегда расспрашивал о Татьяне Николаевне Савиновой и Татьяне Александровне Камсковой. Мои краеведческие статьи он тоже читал, если они ему встречались. На удивление был снисходителен, даже, можно сказать, мягок в оценках. Если в публикации что-то его заинтересовало, он это со мной обсуждал. Очень ему нравилась Надежда Ивановна Волобуева, заведующая редким фондом библиотеки, которая по его просьбе разыскивала работы его деда Анания Кузнецова. Он был дружен с Ингой Александровной Калашниковой.

Незадолго до своей кончины Геннадий Фёдорович подарил библиотеке большое количество книг оренбургских авторов с автографами, посвящёнными ему. Приведу текст нескольких автографов, в которых выражается благодарность поэту, где он признаётся учителем.

Сергей Бурдыгин: «Геннадию Фёдоровичу с благодарностью от ученика и автора». Александр Вырвич, будущий генерал-майор: «Геннадию Фёдоровичу от начинающего автора с благодарностью. 1996». Николай Волженцев: «Учителю и другу Геннадию Хомутову.

1993». Сергей Бычков, известный в России православный публицист: «Геннадию Хомутову – моему первому учителю от души. 1997». Владимир Демурин: «Геннадию Хомутову, другу и учителю на самую добрую память. 1997». Очень интересный автограф поэтессы Раисы Ключевой: «Всегубернскому литературному наставнику – Г. Ф. Хомутову. Мы убедились: свойство подвижника – уметь подвинуть других! 2002». Хочется привести загадочный текст автографа, написанного детским почерком на книге «Мозаика «Вдохновения», изданной к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина в 1999 г. в Нефтеюганске: «Уважаемому Г. Ф. Хомутову, тайному начинателю чужих дел. Город Нефтеюганск. 2000 г.» Это книга стихов, написанных детьми, подозреваю, что он был «тайным начинателем» издания этой книги.

Когда Геннадий Фёдорович дарил библиотеке книгу, он обязательно давал характеристику не только произведению, но и автору, отмечал наиболее яркие события в жизни и творчестве писателя. Он подарил библиотеке коллекцию фотографий членов литературной студии «Расцветающий сад», которую мы бережно храним.

После его ухода из жизни в библиотеке им. Н. К. Крупской была организована выставка «Памяти поэта Геннадия Фёдоровича Хомутова», с которой связаны трогательные моменты: к выставке подходили и долго стояли возле неё совсем молодые, красивые девушки. Я думаю, что таким образом они прощались с поэтом и наставником, поскольку из-за пандемии было невозможно проститься так, как положено, так как мы должны были проститься.

Нужно отметить, что наша библиотека зарекомендовала себя как ответственный, надёжный хранитель краеведческой информации, а это значит, что произведения Геннадия Фёдоровича Хомутова и его талантливых учеников, книги, подаренные поэтом, будут храниться вечно, и значит, он никогда не будет забыт.

Валентина Михайловна Капустина родилась в селе Новоуральск Кувандыкского района. Окончила библиотечный факультет Куйбышевского (Самарского) государственного института культуры. Заведует литературным музеем Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н.К. Крупской.

ГОРИТ ЕГО СВЕТ

Трудное это дело: написать на бумаге то, что почти невозможно передать словами – свои личные воспоминания об уникальном, одарённом литературном наставнике, учителе Геннадии Фёдоровиче Хомутове. Характер истинного труженика, недюжинные организаторские способности, отменное литературное чутьё, чувство ответственности за всю работу, что он десятилетиями выполнял, огромная любовь к русскому языку и молодым писателям давали Геннадию Фёдоровичу возможность всегда быть в курсе дела, которому служил всю жизнь. Можно только поражаться, как много он работал! Сколько всего успел сделать! Это огромный труд – подготовка публикаций в периодической печати, в сборниках, общение с начинающими писателями, переписка, литературные областные конгрессы для детей и молодёжи.

Несколько десятилетий Геннадий Фёдорович являлся читателем Центральной областной библиотеки для молодёжи. Мне повезло общаться с ним более сорока лет. Для чтения и работы он брал толстые литературные журналы, художественную, краеведческую литературу. Звонил всегда заранее: «А у меня шкурный вопрос...», всегда благодарил за подобранные издания, не забывал предупредить, если приходилось задерживать книги надолго. Библиотека работала как своеобразная творческая лаборатория по молодёжному чтению. Когда появлялась возможность, Хомутов любил дарить книги в фонд. Новые книги, особенно в девяностые годы, были подарком ценным. Кроме того, он баловал наших читателей общением с замечательными столичными авторами: Владимир Бахревский, Иван Уханов, Надежда Кондакова побывали в библиотеке не единожды.

Геннадий Фёдорович называл библиотекарей своими лучшими друзьями. Не забуду никогда, как после очередной презентации либо поэтического вечера мы засиживались допоздна за чашкой чая, слушали стихи, говорили о жизни, о том, что интересно молодым. А им интересно всё. Геннадий Фёдорович знал много. И память имел удивительную! Всегда всем было очень интересно, когда

он щедро делился своими литературными, да и жизненными, знаниями.

Он очень переживал за своих талантливых подопечных, если что-то у них не ладилось в жизни и творчестве. Запомнилось, как он был огорчён, когда один подающий надежды поэт забросил учёбу в институте и перестал заниматься в литературном объединении.

Школа Хомутова представляла собой систему воспитания в определённом духе: ценились талант, работоспособность, интеллект, нравственные качества. Геннадий Фёдорович свято верил, что хорошая литература может уберечь молодёжь от многих ошибок в жизни. На одно из мероприятий в вечернее время («Библионочь») пригласили «капитанских дочек» – победительниц одноимённого конкурса, учениц Геннадия Фёдоровича. Девчонки по очереди читали свои прелестные стихи. Народу молодого набежало много. Микрофон передавался из рук в руки, и вдруг им завладел незнакомец. Молодой человек начал читать свои стихи с ненормативной лексикой. Ведущая не успела отключить микрофон. Наши «капитанские дочки» не растерялись: они дружно встали и вышли из зала. Прививка Хомутова от пошлости сработала безукоризненно.

Встречи читателей библиотеки с лауреатами премии «Капитанская дочка» стали традиционными благодаря Г.Ф. Хомутову. С неизменным успехом выступал «литературный десант» талантливых писателей. Михаил Кильдяшов, Людмила Ковалева, Дарья Тишакова, Влада Абаимова, Ирина Куртмазова, Люция Махмутова, Варвара Заблицкая, Иван Ерпылёв, Андрей Проскуряков, Татьяна Немкова, Инна Игнаткова, Вера Октябрьская регулярно участвовали в разных мероприятиях библиотеки. И никогда не подвели «птенцы гнезда Хомутова».

От начинающих поэтов требовал обязательного знания своих произведений наизусть. Сам часто цитировал лучшие строки классиков и современников. Его трудоспособность удивляла: без выходных и праздничных дней занимался любимым делом, вёл переписку с коллегами, рассылал по всей России новые книги оренбургских авторов. Каждое воскресенье занимался с юными литераторами в городском центре детского творчества. Хомутов выпестовал не один десяток поэтов, обучал их слышать слово, любить богатый родной язык. С юными говорил не только о литературном творчестве, но и о жизни – готовил свою поэтическую гвардию к общению с людьми,

к работе на благо своей страны. Добросовестный и скрупулезный, он ненавидел ложь и лень, трудности преодолевал с юмором и напористостью. Ученики Геннадия Фёдоровича за надежность в дружбе и всегдашнее его стремление помочь между собой называли его Ген-Фед.

Свет, неизменно исходивший от этого человека, сохранился в моей душе, как – я уверена – и в сердцах многих людей, которым посчастливилось с ним встретиться, общаться, работать. Поражая своим интересом к жизни, душевной молодостью, человек, работающий как литературный институт, готовящий писателей, удивительно скромный и деликатный, Геннадий Фёдорович умел быть и жёстким, и суровым. Оправдывал формулу: чем талантливее писатель, тем он щедрее к начинающим авторам. Строгий, но вместе с тем добрый и весёлый, работал до самоотречения, не щадя себя. Таких людей единицы. Но именно на них держится жизнь! Главным в его насыщенной событиями жизни было огромное желание приумножить литературную славу Оренбуржья. Своеобразным памятником Г.Ф. Хомутову являются подготовленные им поэтические и прозаические сборники. Добрый след в литературе оставлен поэтом и наставником Геннадием Фёдоровичем Хомутовым. Честь ему и хвала!

Р.С.: Храню подаренную лично книгу Геннадия Фёдоровича «Голодное эхо» с надписью «Дорогой Надежде Михайловне Кашиной от старого товарища, клиента библиотеки Геннадия Хомутова. С уважением, 22 мая 2012 года».

Надежда Михайловна Кашина родилась в 1951 году в с. Шарлык Оренбургской области. Родилась в с. Шарлык Оренбургской области в многодетной дружной семье. Училась в Кувандыкской средней школе. В 1973 г. с отличием окончила библиотечный факультет Челябинского института культуры. По распределению работала в г. Кургане. Затем вернулась в г. Кувандык, где работала заведующей читальным залом районной детской библиотеки, инспектором отдела культуры, а затем и заведующей районным отделом культуры.

В 1977 г. переехала в Оренбург, заведовала отделом искусств Областной детской библиотеки. В 1980 – 2019 гг. – директор Оренбургской областной библиотеки для молодёжи.

Заслуженный работник культуры РФ (1995).

ЧЕМ ПОРАДУЕШЬ?

О литературной требовательности, наставнической строгости Геннадия Фёдоровича ходили легенды. Даже тот, кто впервые шёл на встречу с ним, как правило, знал об этой строгости и оттого трепетал. А если ты уже видел, как проходят обсуждения в литгруппе, то знал, что литературного битья хватит на всех: «дитя без слёз не вырастет» – часто повторял учитель. В юности у нас даже была своя статистика: Геннадий Фёдорович одобряет только одно стихотворение из четырех. «Одобрят» – это значит, что скоро ты увидишь стихотворение напечатанным в газете, побежишь в киоск, купишь не меньше десяти экземпляров, с восторгом раздашь родне, друзьям, соседям, а один экземпляр обязательно положишь в заветную папочку «личный архив». Это сейчас, избалованные столичными публикациями и авторскими книгами, мы не так рьяно и скрупулёзно собираем такой архив, а тогда, в школьные годы, каждая публикация – глобальное событие.

Критерий для подобной публикации у Геннадия Фёдоровича был простой: «главное, чтобы не опозорился автор, редакция и я как рекомендатель». Сегодня, когда перечитываешь эти литературные страницы, осознаешь не строгость, а милосердие учителя. Как многое он нам порой прощал, как часто он давал нам шапку на вырост. Она сползала на глаза, для некоторых превращалась в корону, но одарённых и трудолюбивых Геннадий Фёдорович всегда умел эмоционально выровнять, отрезвить: «не зазнавайтесь, вы пишете пока ещё чуть лучше, чем плохо».

Часто перечитываю теперь его разборы моих первых рукописей, его отзывы, которые он называл не рецензиями, а иронично «любобными письмами». А ведь действительно, сколько в них любви, тепла, трепетного отношения. Вот, например:

«Стихотворение Миши Кильдяшова представляет собой письмо-прощание, письмо-утешение. Такие вещи всегда отчаянно обидные, грустные, и получать их не дай Бог никому. Оно, может

быть, воспроизведено слишком документально. И потому, наверное, особенно жестко, жестоко даже...».

«Михаил Кильдяшов делает успехи. Его миниатюры лаконичны, лиричны, закруглены. Они хорошо передают состояние его души. Они немногословны, с мыслью, с интересным поворотом...».

«Очень хорошо, что автор знает свои прозаические произведения наизусть, это говорит о том, что он кропотливо подбирает каждое слово, взвешивает его помногу раз и потом готовые мини-рассказики в страничку, в полторы странички читает как стихи на память...».

Многие литературные наставники способны работать лишь с более или менее сложившимися авторами, хотят сразу встретить юных Пушкиных, Лермонтовых, Есениных, говорят, что писателя или поэта всегда видно сразу, а на иных и времени тратить не стоит. Да вот не всегда и не сразу. Бывало, пробивается росточек из-под каменной плиты, даёт о себе знать лишь строчкой или словом, а Геннадий Фёдорович подходит и с богатырской силой отбрасывает плиту, лелеет росточек. Не случайно говорил он: «рассаду из шланга не поливают».

Главный порок, от которого уберегал нас Геннадий Фёдорович, – это зависть. И уберегал собственной радостью за успехи каждого, как за свои. Это формировало в литгруппе своеобразную семейственность. Помню, записывал нас для областного радио Юрий Михайлович Орябинский. Я читаю новые зарисовки, дрожу перед микрофоном, а потом смотрю на Алексея Гнеушева и Сергея Курушкина, сидящих рядом, а они так ободряюще, так по-дружески улыбаются, что на душе сразу спокойнее. Такое отношение к брату по перу привил нам Геннадий Фёдорович.

У него не было любимчиков. Он никогда не выделял одних и не пренебрегал другими. Кто-то в нашем поколении в разные годы вырывался в лидеры: Ольга Мялова, Вера Октябрьская, Варвара Заблицкая, Влада Абаимова, Иван Ерпылёв. Но это было объективно, по факту: читали больше, писали больше, оттого и печатались чаще, и первые книги раньше других выпустили. Но за лидерами тянулись, учились друг у друга, да и Геннадий Фёдорович постоянно ободрял, обозначал перспективу: «Вот у тебя уже первая книга

сложилась, а ты идёшь к первой книге, а ты не ленись – напиши за лето новый цикл стихов».

Мог Геннадий Фёдорович и выгнать из литгруппы. Но только не за творческую слабость, а за безнравственность: за предательство, хамство, распущенность, если кто-то ударялся в чернуху, начал хаять друзей, русскую литературу или Родину. Некто написал рассказ о том, как ревнивый герой нанес возлюбленной двадцать ножевых ранений, причём со смакованием описывался каждый удар. В финале ревнивец опускал мизинец в лужу крови – «пробовал сладкий вкус мести». «Ты – садист! Чтобы я тебя больше не видел» – отреагировал Геннадий Фёдорович.

Он умел формировать литературный вкус. Много в этой системе координат было и традиционного, и парадоксального, разрушающего стереотипы. Остужал он наше увлечение эстетствующим, оторванным от жизни Серебряным веком, крикливыми шестидесятниками, местами скабрёжным Бродским, всё разжёвывающим Асадовым, рок-поэтами, которые без гитары не самодостаточны.

«Серебряный век? А как же Золотой век? Золото-то подороже. А как же XVIII?». «Не зачитывайся Рождественским – у него нечему научиться. Рождественского знать будешь, а Некрасова – нет». «Бродский, конечно, не зря Нобелевский лауреат. “Войну и мир” целыми главами наизусть знал. Но у него есть такие стихи, которые вы при матери прочитаете постыдитесь». «Из всего рока единственный достойный – Башлачёв. Ему надо было гитару из окна выкинуть, а не самому выбрасываться». «Гумилёв – талантливый, смелый человек, но слишком подражал Киплингу. Сын Гумилёва – больше отца». «Тарковский – подражатель всех поэтов». Так говорил Хомутов.

И при этом сколько сделал для нас открытий, сколько явил потрясающих нехрестоматийных имён в поэзии, прозе, критике, публицистике. А те, кто были из школьной программы, предстали перед нами не ходульными, скучными, а живыми, удивительными. Соколов-Микитов, Сергеев-Ценский, Юрий Казаков, Леонид Леонов с «Пирамидой» как читательским испытанием. Молодым прозаикам Геннадий Фёдорович предлагал выучить наизусть рассказ «Белый гусь» Евгения Носова, чтобы понять, что писательский язык

устроен иначе, чем обыденный, повседневный. Слуцкий, Рубцов, Передреев, Мартынов, Тряпкин, Примеров, Глазков, Ксения Некрасова, ранний Николай Тихонов с «Ордой» и «Брагой», Ярослав Смеляков, Юлия Друнина, Владимир Соколов, Татьяна Глушкова, Юрий Кузнецов, Станислав Куняев, Игорь Шкляревский, Геннадий Русаков, Светлана Сырнева, вытесненные сегодня с полок большинства книжных магазинов – пришли к нам от Геннадия Фёдоровича. Благодаря ему я впервые прочёл газеты «Завтра» и «Литературная Россия», в которых мне грешному позднее довелось печататься.

Те, кто прошёл с Геннадием Фёдоровичем длинный путь, знали его и в повседневной жизни, и в домашней обстановке. Он был хозяйственным человеком, хлебосольным, щедрым, уютным. Но при этом никогда не увязал в какой-то обывательщине, мещанстве. Ядром, вектор, реактором его жизни постоянно была литература.

Помню, в 16 лет мне сделали тяжёлую операцию – удлиннили на ногах сухожилия. Геннадий Фёдорович позвонил уже на следующий день. Справился о самочувствии и объявил:

– Нас с тобой через месяц в одной школе на выступление ждут. Так что поднимайся скорее.

– Да мне три месяца вообще на ногах стоять нельзя.

– «Если мы не дойдём до Великой стены, значит, мы недостаточно любим Китай» – процитировал учитель бравые строчки Мао Цзэдуна.

Удивительно, но, помня каждый день о предстоящем выступлении, через месяц я был с Геннадием Фёдоровичем в той самой школе.

Лет через пятнадцать история зеркально повторилась. Я пришёл к Геннадию Фёдоровичу в больничную палату. Он лежал после тяжёлого сердечного приступа. Учитель смотрел сквозь пространство, взгляд его был суров. Казалось, он негодовал не на людей и не на болезнь, а в целом на нынешнюю реальность за то, что в ней осталось так мало энергий для жизни. Разговаривал он неохотно, отвечал односложно. Но вот я сказал ему, что открыл новую юную поэтессу Дарью Ревкову. Геннадий Фёдорович слегка встрепенулся. Я прочёл одно стихотворения из подборки Дарьи – глаза учителя засветились. Второе стихотворение – учитель нетерпеливо

заворочался, приподнял подушки. Дослушивал подборку он уже сидя, на слух отмечал удачные строчки, радовался, что литгруппа приросла ещё одной талантливой девчонкой.

Геннадий Фёдорович умер не от старости, не от болезни, не от ковида. Ему не хватило этих самых литературных энергий. Он был бойцом, редко унывал, за каждым завершённым делом у него, как всегда, следовал десяток новых. Оперилось наше поколение, многие были приняты в Союз писателей России, вчерашние юноши стали молодыми мужиками, взяли на себя руководство писательской организацией. С нами было всё понятно. Но вот перспектива, горизонт, юная поросль литгруппы оказались в тумане.

Причин тому много. Сделало своё дурное дело ЕГЭ: дети разучились думать, не пристрастились писать. Школьные учителя, бывшие «поставщики кадров», либо ушли на пенсию, либо никак не могли вырваться из школьной рутины. Окончательно измельчали чиновники минкульта и минобраза – «похоронная команда культуры» – как называл их Геннадий Фёдорович. Молодому поколению стало тесно и душно в Оренбурге. Если школьники и приходили в лито, то через пару лет поступать в вузы они уезжали в Москву, Питер, в города-миллионники.

«Пересыхают ручейки, пересыхают» - с тоской произносил Геннадий Фёдорович. Я разубеждал его, ободрял, говорил, что это пройдёт, что надо переждать, хотя сам всё осознавал и осознаю с не меньшей болью.

Как-то раз я прочёл в кругу литературных друзей новые стихи. «А Геннадий Фёдорович их слышал?» - спросили меня. Нет, Геннадий Фёдорович их уже не слышал, не читал. Жизнь разделилась на до и после – подумалось мне. На годы с Геннадием Фёдоровичем и без него. А творчество - на известное учителю и неведомое ему.

Хотя теперь ему ведомо всё: и дела, и слова, и даже мысли наши. Смотрит со своей молодой фотографии – энергичный, неугомонный – подмигивает мне, произносит своё коронное: «Ну, чем порадуешь?»

Знаю, что Геннадий Фёдорович снится многим. Я расскажу несколько своих снов. Сны – это всегда очень личное и часто необъяснимое. Простите мне, может быть, излишнюю откровенность и мистичность, но думаю, эти сны тоже говорят многое о нашем учителе.

Геннадий Фёдорович весь в белом, в своей дачной шляпе, легкий, подвижный, солнечный. Задаю ему вопрос по поводу написания одной книги, который, действительно, очень мучил меня наяву:

– Браться – не браться? Начинать – не начинать?

– Берись! И держи меня в курсе!

Геннадий Фёдорович, никогда не водивший машину, сидит за рулём. Спрашиваю:

– Куда мы теперь?

– В Азербайджан.

Долго не мог понять, к чему это, пока не начал книгу о человеке, родившемся на территории нынешнего Азербайджана.

Идёт заседание литгруппы. Ведёт Геннадий Фёдорович. Говорю:

– Как же ты всех нас напугал. Вот ведь живой сидишь. А знаешь, что мы про тебя номер «Оренбургской зари» выпустили?

– Не только знаю – я его в руках держал.

Михаил Александрович Кильдяшов родился в 1986 году в Костроме. Русский поэт, публицист, литературный критик. Кандидат филологических наук. Секретарь Союза писателей России, член Общественной палаты Оренбургской области, председатель Оренбургского отделения Изборского клуба. Постоянный член Изборского клуба. В 2014 – 2018гг. был председателем Оренбургской писательской организации Союза писателей России. Член редколлегии журнала «Оренбургская заря». Автор книг «Ковчег», «Пассион», «Слово сохраняет всё», «Александр Проханов – ловец истории».

Публиковался в антологиях «Русская поэзия XXI века», «Ты припомни, Россия, как все это было», «Молитвы русских поэтов», «И мы сбережем тебя, русская речь, великое русское слово...», «Друзья, прекрасен наш союз!..», «Ветер полей золотых»; в журналах «Изборский клуб», «Москва», «Литературная учёба», «Покров», «Наследник», «Русское эхо», «Брега Тавриды», «Бийский вестник», «Оренбургская заря»; в

альманахах «День поэзии» (2017, 2018/2019), «Гостиный двор»; в газетах «Завтра», «Литературная газета», «Русский вестник», «Литературная Россия», «Слово», «День литературы», «Российский писатель», «Оренбуржье», «Вечерний Оренбург».

Лауреат Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка» (2006, 2019), Региональной литературной премии имени П.И. Рычкова (2008), IV Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» (2013), литературной премии «Справедливой России» (2020).

Дмитрий КОНОПЛИН

Я ДОЛЖЕН РАССКАЗАТЬ О ХОМУТОВЕ...

*...Нам, мужчинам, так и подобало.
Жили на земле –
Земли нам мало.
Нас повыше тянет, к облакам.*

Г. Хомутов

Оренбург – Сибай

До некой поры совокупность обстоятельств находилась в относительно устойчивом равновесии, что существенно притупляло бдительность. То ли следуя закону Мэрфи, по которому события, предоставленные сами себе, имеют свойство развиваться от плохого к худшему, то ли ещё по чьей воле лихой, но произошло то, что произошло: в апреле в Воронеже не стало моего друга с университетских времён – геофизика, поэта, одного из основателей факультета журналистики университета Виктора Гаага, а в середине июля в Оренбурге ушёл мой друг Геннадий Хомутов, с кем общался я без малого 61 год.

Теперь уж не помню, что я ответил на предложение написать несколько слов для предполагавшейся книжки о Хомутове, но отказаться посчитал невозможным.

Исходя из отпущенного мне для работы времени (три месяца) и того, что сделать предполагалось нечто вроде хроники, я, не имея для хроники ни дневников (кроме дневников геологических наблюдений), ни коллекции газетных вырезок, ни писем (лет пять-шесть тому назад по просьбе Геннадия Фёдоровича я вернул его послания мне, те, что ещё с армейских времён, а он вернул мне мои письма), я, повторюсь, решил набросать некий план.

План предполагал: время действия (1958 год, декабрь – наши дни, 2020 год, июль); место действия – Воронеж, Рязань, Оренбург, Козельск, Калинин-Тверь, Дорогобуж, Станислав (он же Ивано-Франковск – Галичина), Каменка-Бугская (на Западном Буге); действующие лица будут названы по ходу событий.

Как видим, схема не соответствует классицизму – ни единства времени, ни места действия, ни действующих лиц.

Приступим...

Я должен рассказать о Хомутове.
Вот и перо с бумагой наготове,
за малым дело – был бы сам готов.
Мы были в злом Козельске с Хомутовым,
служили: вот ведь жизнь – на всём готовом,
забот не знал ни я, ни Хомутов.

Я не литературовед и не намереваюсь писать критическую статью о его творчестве. О его, Хомутова, стихах, как и о нём самом, достаточно полно и весьма профессионально сказали своё слово Владимир Цыбин, Геннадий Красников, Иван Уханов, Владимир Одноров, Александр Старых, Пётр Краснов, Владислав Бахревский.

Тёплые и проникновенные слова о Хомутове сказала поэт, доктор филологических наук Виктория Тихомирова: «Я воспринимала русскую и советскую поэзию через посредничество Г. Хомутова, из его рук, им отобранную и интерпретированную, усваивая наше литературное богатство, благодаря его стиховедческим занятиям. Они... стали плацдармом, с которого началась моя научная карьера. Но самое главное, открыла радость принадлежности к лучшему из братств – почитателей и хранителей Слова».

К этим словам Виктории Тихомировой мне добавить нечего – только присоединиться. Однако, наиболее полно – по-моему – о сути своего творчества сказал сам Хомутов. Сказал кратко и ёмко, поэтому приведу стихотворение полностью:

Пускай другие вдохновенно лгут,
Самих себя обманывая ловко.
На глотке лжи затягиваю жгут.
Я не поэт, но я и не дешёвка,
Хотя и был поэтом пять минут.

Одна моя знакомая вдова
Была всегда печальной по несчастью,
Я ей сказал весёлые слова,

Как будто выдал документ с печатью –
На радость и веселие права.

Мои стихи забудутся, умрут,
Но я однажды сделал своё дело.
От слов моих вдова смеялась, пела.
Пускай немного, только пять минут.
Но те минуты – заявляю смело –
Во мне поэта навсегда спасут.

Весьма жёсткая самооценка. Но это и памятник...

Деяния классиков относительно своего времени, бесспорно, весомы. Особенно если воспеть Фелицу, как Державин. Геннадий Хомутов скромнее – вдове, «... всегда печальной по несчастью, //...сказал весёлые слова, // Как будто выдал документ с печатью – // На радость и веселие права...». А далее и происходит то волшебство преображения: «...От слов моих вдова смеялась, пела. // Пускай немного, только пять минут. // Но те минуты – заявляю смело – // Во мне поэта навсегда спасут...»

Думаю, «весёлые слова» – деяние не менее достойное, чем пушкинская «милость к падшим». Вполне сопоставимо.

Вот самое драматическое стихотворение Хомутова. Для меня оно самое значимое в его творчестве:

Пять тысяч строк за жизнь зарифмовал.
Пять тысяч строк я мучил, ревновал,
Но не достигла ни одна строка
Заветного печатного станка.

Я – блудный сын потомственных крестьян –
Не гнул горба на чернозёмной пашне.
Забыл я в городе свой день вчерашний,
В крестьянском доме – будто бы в гостях.

И вот я не крестьянин, не поэт.
И нет судьбы смешней и бесшабашней,
И нету оправданья перед пашней,
И от стихописанья пользы нет.

О, пашни! Надо мной вершите суд.
Летите в борозды, слова мои, скорее.
И ямбы грубые на пашне прорастут,
Заколятся дикие хорей.

И к августу, к той золотой страде,
Пять тысяч веников поднимутся над полем.

Они нужнее строк моей стране,
И в этом нет сомнения тем боле.

«Пять тысяч строк...» – исповедь и покаяние. Покаяние и перед крестьянством, и перед полем, над которым поднимутся «пять тысяч веников». Но вот ведь «...документ с печатью – // На радость и веселие права...». На мой взгляд, этот документ с печатью один веселей пяти тысяч веников. Тут, видимо, проявился тот самый когнитивный диссонанс.

И это не всё. Вот письмо Геннадия Фёдоровича (август 2010), когда полыхала (буквально) вся Россия, температура достигала 40-41 С. Я прислал ему стихотворение о жаре. В ответ получил стихотворение Константина Случевского о жаре и о хлебе – единой темой. Далее он пишет о себе: «...я работаю, веду три литгруппы, веду литстраницу «Мастерская» в газете «Вечерний Оренбург»... Постоянная суета, отсутствие одиночества. Всегда как бы в толпе...». И утешение – любимые строки от Твардовского: но «...я, помимо прочего, поэт, – какой хочу, такой и знаменитый...».

А вот из другого письма – на тему толпы и одиночества: «...провёл два конкурса: «Капитанская дочка» и «Рукописная книга» (1500 рукописей). Составил две книги по ним: «Здравствуй! Это – я!» (20 авт. листов и «Жила-была крыша»). Первая выходит в сентябре, вторая – в декабре», «...Ещё составил книгу женской лирики. 13 поэтесс, 240 стихотворений. Пять тысяч строк...»

При жизни у Геннадия Хомутова вышли четыре книжки:
Мёд гостеприимства. Москва, 1986, – 39 стихотворений;
Ранняя память. Челябинск, 1988, – 51 стихотворение;
Вот я в школу иду. Книжка для детей. Калуга, 1998, – 18 стихотворений;

Голодное эхо. Калуга, 2012, – 39 стихотворений.

Всего в книжках, альманахах и коллективных сборниках опубликовано 52 стихотворения; по книгоиздательским меркам 1084 строки. 3900 строк остались в резерве. Или просто отставлены.

Но вот у меня на книжной полке более двух десятков тоненьких (до 50 страниц) книжиц. Это молодые поэты, напечатавшие свои книжки в последние 10 лет, но это далеко не всё, что за последние 10 лет издано при споспешестве Хомутова. У Хомутова был редкий дар разглядеть в молодом человеке поэта и, главное, помочь этому дару раскрыться: «...Я даю дышать всем авторам, пусть высказываются, куют строки, получают синяки от читателей. На пользу, Дитя без слёз не вырастет».

Он был учителем от Бога –
поэт Геннадий Хомутов.

.....

И до сих пор спросить стесняюсь:
что он прочёл на юном лбу,
когда, азами занимаясь,
назначил мне мою судьбу.

...У этой ученицы судьба оказалась славной, но как он её напро-
рочил, ученица уже не узнает.

На моей книжной полке из того, что сделано Хомутовым или
при его активном участии, – альманахи и антологии:

Два века поэзии Оренбуржья. Калуга, 1994. 54 автора, 378 стр.

И с песней молодость вернётся. Калуга, 1999. 107 авторов, 636
стр.

Они прилетят. Калуга, 2002. 31 автор, 640 стр.

На розовом коне. Калуга, 2008. 7 авторов, 159 стр.

Внуки вещего Бояна (3 тома). Калуга, 2008. 166 авторов, 1195
стр.

Любви мимолётное чудо. Калуга, 2013. 14 авторов, 157 стр.

Друзья, прекрасен наш союз. Оренбург, 2014. 126 авторов, 577
стр.

Третье свидание. Оренбург, 2019. 11 авторов, 112 стр.

Ветер полей золотых. Москва, 2020. 13 авторов, 288 стр.

Антология «Ветер полей золотых» – давний проект Г.Н.Красникова. Активнейшее участие в сотворении её принял Геннадий Фёдорович. К сожалению, подержать её в руках, полистать Хомутову не довелось.

Та толика творений Г. Хомутова, что на моей книжной полке – это 529 авторов, 4142 страницы текстов. Я это мельком пролистал, просчитал. А Хомутову это надо было собрать, перечитать, отобрать («просеять»), составить какое-то гармоничное творение. У меня перед Геннадием Хомутовым свой долг – теперь уже неоплатный. За 10 лет (лето 2010 – лето 2020) на страницах «Вечернего Оренбурга» и «Оренбуржья» он дал 22 страницы моих стихотворений (299 стихотворений – 4384 строки).

Станислав

Наше общение началось в просторной уютной камере бывшей старинной австро-венгерской тюрьмы. Тюрьма была уникальной в своём роде. Находилась она в Станиславе – Галиция, Галичина; некогда Австро-Венгрия, позже – шляхетская Польша, по окончании Второй мировой войны стала частью Украинской ССР. Во время Второй мировой войны в этих краях (в Польше, Галиции) «новый порядок» помимо немцев, румын и итальянцев ретиво устанавливали эсесовцы 14-й добровольческой пехотной дивизии СС «Галичина».

А сейчас (декабрь 1959) мы с Геной и двумя десятками наших сослуживцев, прибывших из старинного русского «злого» города Козельска, слушали историю тюрьмы, что нам рассказывал командир расквартированного в тюрьме отдельного смешанного авиационного полка 57-й воздушной армии (ПриКВО).

– Впрочем, сейчас это уже не тюрьма, точнее – тюрьма-одиночка, ибо лишь в моём кабинете на окнах решётки.

Так закончил командир полка знакомство с нами.

Самолётов в Станиславе мы не увидели: недели полторы-две работали в автогараже полка в ролях подсобных рабочих. После этого нас, прибывших из Козельска, откомандировали во Львов, где на Пидзамче (Высокий Замок) находился небольшой перевалочный пункт для откомандированного люда.

Козельск

На Пидзамче мы пребывали недолго. В том же декабре 1959 года Хомутова и меня откомандировали в Каменку-Бугскую (36 километров к северу от Львова, до 1944 года – Каменка-Струмиловская) – городок на левом берегу Западного Буга, около 10 тысяч жителей. В 12 километрах на северо-северо-запад от города находится бомбардировочный полигон второй категории 57-й воздушной армии (в настоящее время хранилище тяжёлой боевой техники – танки, артиллерийские установки и т.п.).

Вернёмся ненадолго в прошлое.

Службу в Советской Армии и Хомутов, и я начали одновременно: в числе многих призывников из разных городов и весей были в «злой» город Козельск, где была расквартирована мотострелковая дивизия. В конце октября – начале ноября сюда из Рязани прибыл Геннадий Хомутов, из Воронежа – Дмитрий Коноплин.

В Козельске нам выпало служить в разных подразделениях. Я был зачислен в штат батареи инструментальной разведки. Гена Хомутов тоже был поставлен на вещевое и продовольственное довольствие (как и положено было по закону и уставам) в какое-то небедное подразделение, какое – сам он о том не вспоминал, видимо, ничего особенного – служба, как служба. То, что уже в Козельске началась наша совместная – Хомутов – Коноплин – служба, мы установили уже в Станиславе. Солдатский обиход лишь в начале службы имеет некоторые особенности: карантин, курс молодого бойца, куда входит изучение уставов и стрелкового оружия (автомат, карабин), и, по проведении зачётных стрельб, принятие присяги. Всё иное – изо дня в день то же самое: подъём, построение, проверка, туалет, физзарядка, свободное время (пришить свежий подворотничок, написать письмо...), завтрак, развод (расписание нарядов на службы и работы – караул, кухня, хозяйственные работы, строевая и боевая подготовка). Всё это у каждого солдата впитывается в кровь.

Именно на хозяйственных работах мы с Хомутовым могли и встречаться, может, и встречались, но так, мельком, без общения, не ведая друг о друге. Казармы и иные службы дивизии имели автономное от города Козельска отопление. Для того заготавливались дрова. Козельск расположен на реке Жиздра, по реке с недалёких

лесосек модем сплавлялись метровые чурки. Эти чурки багориками мы выуживали из речки, выкладывали в штабеля метровой высоты (для удобства обмера выполненной работы). Работа мокрая, тяжёлая и грязная. Но дрова шли на наш обогрев. В том числе и на заготовке этих дров. Этой «рыбалкой» – на неё ежедневно отправлялось несколько отделений (до взвода) – мы занимались до ледостава.

В декабре 1958 года я был откомандирован в город Калинин (ныне Тверь) в распоряжение 60-го гвардейского корпусного артиллерийского Кобринского ордена Кутузова полка для изучения станции СНАР-1 (станция наземной артиллерийской разведки).

Служба как служба – ни драматических событий, ни героизма. На зимних стрельбах в учебном центре МВО в Дорогобуже стрелял старый боевой офицер подполковник В. Он ли «накрутил» с координатами цели или операторы на ПУАО – неведомо. По счастью, стрельба велась одиночными выстрелами. Снаряд упал в 200 метрах от командного пункта. Стрельбы были свёрнуты.

Тот же Дорогобуж. Летние занятия и учения со стрельбами успешно завершены. В качестве прогулки весь дивизион шеренгой прочёсывает площадь обстрела. Трофеи – осколки снарядов и болванки – складываем в кучу, в распоряжение сапёров. К финишу летних учений наше отделение в полном составе отправляется на покосы – заготовить сено для крестьян, чьи копёшки были разметены во время учений. Ну, это отдых, молодецкие игры – награда за ретивую службу.

В октябре меня отзывают в Козельск – по решению Правительства начинается сокращение штатов армии. «Старики» едут по домам, а первогодки и те, кто по второму году – к новым местам.

Козельск – Станислав – Львов – Каменка-бугская. Так Хомутов и я оказались в одной команде – почти экипаж. Штурман и пилот, тут не было дележа – тут царило сходство в суждениях по многим статьям бытия.

У Геннадия Фёдоровича есть ранние (доармейские, рязанские, всего скорее) стихи: «Кочегарка» и «У нас в кочегарке четыре угла...». Вспомнить их тут как раз к месту.

Каменка-Бугская

Бомбардировочный полигон второй категории Каменка-Бугская расположен на правом берегу Западного Буга. На нём работали

подразделения Прикарпатского военного округа. В плане полигон представлял собой овальную площадку размером около 45 квадратных километров.

Полигонная команда, обслуживавшая полёты и бомбометания, на момент нашего прибытия декабрьским вечером 1959 года состояла из 34 солдат. (рядовые, сержанты, старшины). Начальник полигона капитан Улитин Н.В., новенький – лейтенант Старцев Володя, наш ровесник, начальник штаба – капитан, замполит-капитан, зам по хозяйству – капитан Савочкин (из Рязани), старшины Гудыма и Барков. Зав магазинчиком, она же – продавец – Вера. Просто Вера. База полигона: две казармы, караульное здание (в нём же гауптвахта и магазин, столовая, баня; резервация с домами и хозяйствами капитана Улитина и лейтенанта Старцева, там же гостевой домик; старинный костёл; пилорама, гаражи, конюшня с клетками для кроликов, свинарник, зарыбленный (сам по себе) пруд.

Техника: локатор стационарный (обслуживание полётов), радиостанция на автомобиле ЗиС, «студебеккеры», хоз. машины, станция СНАР-1.

Хозяйство капитальное, зажиточное, кулацкое. Нужды в харчах мы не испытывали, капитан Улитин – заядлый рыболов – круглый год поставлял к солдатскому столу свежую рыбу.

На полигон мы прибыли вечером: Хомутов (Рязань), Коноплин (Воронеж), Коля Прутских и Коля Березин (оба туляки), Шамсутдинов Дамир и Галиев Фоат – оба из Мензелинска.

После того, как мы представились командиру, он кратко поприветствовал нас:

– Товарищи солдаты! Теперь вас сорок человек. Восемнадцать национальностей. Огромная сила! Но я скажу вот что: нас мало, и все мы друг у друга на виду – не озоруйте. Я командир гуманный, наказывать буду строго!

Нашей задачей было обеспечение бомбометаний, т.е. подготовка наземных целей, содержание в рабочем положении уголковых отражателей, в рабочем состоянии – локатора, радиостанции. Особой заботой была взлётно-посадочная площадка. В паре сотен метров от базы имелась площадка, где накануне бомбометаний садился маленький самолёт из тех лётных подразделений, что проводили учения – руководитель полётов.

Вот эту полосу в канун прилёта руководителя полётов местные кабаны, водившиеся тут в изобилии, имели привычку перепахивать. И тогда вся полигонная команда спешно ровняла полосу, утрамбовывала, укатывала «студебеккером». Впрочем, перкалевый самолётник не требовал особого комфорта для взлёта и посадки.

Кстати, ни одна ночная засада с целью наказать татей успеха не имела.

На делянках километрах в двадцати от базы мы валили стволы нужного нам качества, грузили на «студебеккеры», доставляли на базу, на своей пилораме разделявали на доски, на полигоне в определённых точках монтировали цели, усащали их сотнями электролампочек (для подсветки при ночных полётах).

Помимо руководителей полётов работу экипажей отслеживали и полигонные топографы. Когда ночные полёты проходили с СА-Бадами, со своих наблюдательных пунктов они засекали координаты точек, где приземлялись САБы. Шёлковые парашюты мы реализовывали местным крестьянам, а деньги шли на культурные программы в увольнениях.

А что же Гена Хомутов?

А Гена Хомутов, как и все прочие, валил лес, пластал брёвна на доски, монтировал цели, утрамбовывал взлётную полосу, чистил пруд от травы, строил новую казарму и новую баню. Ну, и просвещал нас, дремучих. И когда он только успел всего начитаться?! Только от него я узнал таких прекрасных не пафосно-эстрадных поэтов, как Алексей Недогонов, Михаил Луконин, Семён Гудзенко, Дмитрий Блынский, Николай Анциферов, Николай Глазков, Виктор Гончаров, Михаил Львов, Дмитрий Кедрин...

Васе Богданову, мотористу радиостанции, «земляку» из Старой Рузы Гена подарил прекрасный двухтомник «Антология русской советской поэзии».

В Каменке было два книжных магазина. Во время увольнения в город мы с Геной первым делом посещали их.

Во время одного из футбольных матчей полигонной команды с командой города одним из трёх-четырёх зрителей матча оказался писатель Г.М. Тютюнник. Сидит на скамеечке этаким мужичок, держит книжицу в суперобложке Л. Фейхтвангер «Лженерон». Гена его разговорил, беседа наладилась, Григорий Михайлович дал

Хомутову адрес: Москва, Кузнецкий мост, 18, Центральная книжная лавка писателей. Оттуда нам тоже стали приходить книжки.

...19 июля 1961 года ввечеру в столовой был накрыт стол на 12 персон. Командир напутствовал уволенных в запас в связи с поступившими им приглашениями на вступительные экзамены в вузы. 20 июля утром будущие претенденты в студенты попрощались с остающимися. Гена оставался. А я пошёл маршрутом Каменка – Львов – Киев – Курск – Воронеж.

...А далее было то, что было потом. И всё было бы ничего, если бы не... Если бы не это самое «если бы не...».

...и вот, уже доживши до седин,
я предаюсь суждениям о крае,
о коем мы доподлинно лишь знаем:
оттуда не вернулся ни один
из всех ушедших. Адом или раем,
что воздух там – зефир иль серный дым,
звонят ли соловьи, исходят лаем
цепные псы, – со временем узнаем,
да только никому не продадим
тех знаний и задаром не подарим –
лишь самолично мчаться в эти дали,
привстав на стременах, давя педали
в той гонке, где не выдают медали –
увы! – ни старикам, ни молодым...

Дмитрий Алексеевич Коноплин родился в 1939 году в посёлке Воля Рождественско-Хавского района Воронежской области. Служил в Советской Армии. Окончил геологический факультет Воронежского государственного университета по специальности геологическая съёмка, поиски и разведка месторождений полезных ископаемых. Работал геологом в Воронежской геологоразведочной экспедиции, в Бурятии, на Кубе, на медно-колчеданных и золото-поли-металлических месторождениях Башкирии, в Оренбургской области. Автор книг «Ход времени», «Круги». Член Союза писателей России. Печатался в антологии поэзии Оренбуржья «Ветер полей золотых»

СУХОПУТНАЯ РУСАЛКА ГЕНФЕДА

*Я беру кривоногое лето коня,
Как горбушку беру, только кончится вдох.
Белый пруд твоих рук очень хочет меня,
Ну а вечер и Бог, ну а вечер и Бог?..*

Леонид Губанов, 1964

«Сухопутная русалка» называл он меня.

Звучит романтично. Но это прозвище Г.Ф. Хомутов мне присвоил после прочтения моего стихотворения, где есть такие строчки: «омутная я, чудоюдная», когда он смеялся до слез.

Хорошо помню, как состоялось наше знакомство.

Тогдашняя я – двадцативосьмилетняя, яркая, но переживающая тяжелый развод – под влиянием, должно быть, гормонального сбоя или нервного срыва, решила, что пора уже показать свои стихи кому-нибудь «понимающему в этом деле». Конечно, с расчётом на то, что этот «понимающий» откроет меня миру и стану я непременно второй Цветаевой.

Ну и потом, захотелось мне какого-то общения по интересам с живыми людьми, само собой, такими же талантливыми, как и я.

В своём таланте я, конечно, почти не сомневалась. Я видела себя врывающейся в какое-нибудь литературное сообщество глотком свежего воздуха – не иначе!

И вот, прочитав статью в интернете о том, что есть у нас в Оренбурге такой-то Г.Ф. Хомутов, который открывает новые имена в таком-то литературном объединении «Расцветающий сад», я решилась!

Прихватив с собой маму (ну потому, что страшно «врываться» без моральной поддержки) и толстенный переплёт своих сочинений, я таки ворвалась на занятие, проводимое Геннадием Фёдоровичем...

Смешно, что именно в тот день ворвалась совсем не по адресу, ведь «Расцветающий сад» – литгруппа, объединяющая юных литераторов-школьников, а тут такая Я – хоть и молодая, но уже давно

не юная: «Здрассьте! Я к вам со своим невозможным талантом». Эффектно, ничего не скажешь.

ГенФед сидел во главе стола, спиной к окну, весь в солнечном свете, в своей неизменной велюровой серой рубашке, взлохмаченный.

«Ты кто?» – спрашивает – «Новенькая? Какой класс?»

«Я не школьница. Я думала... Я прочитала...» – замямлила я

«Ну ты проходи, садись, раз пришла» – усмехается ГенФед.

Когда занятие закончилось, Г.Ф. Хомутов устроил мне настоящий допрос, выдав в конце что-то вроде: «Так ты стара уже для любовных стихов».

И сижу я, вся такая – не в своей тарелке; ёрзаю на стуле; хочется бежать; уже точно понимаю, что второй раз к этому дядьке не приду.

А он все смотрит на меня, усмехается: «Ну что за стихи?», «А ну – читай!».

Говорю нервно: «Нет, читать я совсем не готова. Давайте я вам оставлю – у меня тут тетрадка со стихами...»

«Тетрадка?» – смотрит на толстый синий переплет ГенФед – «Да это собрание сочинений!» – смеется – «Ну ты оставляй, читаю. И телефон свой».

Этот переплёт, к слову, я храню до сих пор. С его замечаниями на полях, написанными простым карандашом. Одно помню очень хорошо и дословно: «Ира, не давай пишу пародистам!».

А когда ГенФед позвонил и сказал, чтоб я явилась в следующую среду на собрание взрослой литгруппы в Дом литераторов, я забыла о том, что божилась больше не встречаться с ним и летела туда, буквально на крыльях, приняв его звонок за признание своего таланта...

В тот день Хомутов разнёс меня в пух и прах. А потом добавил в конце своей тирады: «Ну, есть над чем поработать».

Так все и началось.

О, как я любила эти среды! Бежала после работы в любую погоду с кипой распечатанных стихов, как на праздник!

Сколько всего интересного было в стенах Дома литераторов на ул. Правды...

Там у нас сложился самый зажигательный состав литгрупповцев: смелые талантливые парни, настоящие джентльмены, как и наш ГенФед, которые опекали и берегли нас – ярких, взбалмошных девчонок. Мы были такие разные, совершенно не похожие друг на

друга ни темпераментом, ни стилем письма. Но одинаково любимые нашим учителем.

Наши встречи были полны смеха; горячительных... т.е. горячих споров, остроумных разговоров. Той особой теплоты, которую дарил нам ГенФед, а мы в ответ дарили ему, я больше не встречала ни в одном из литобъединений.

Там я научилась думать о том, что пишу. Там я научилась писать. Там я была счастлива.

А потом я переехала в Новосибирск. Стала другой; далёкой; забывчивой.

Только Геннадий Фёдорович не забывал меня. До последнего...

И вот теперь-то я думаю, что это даже по-своему хорошо, что я уехала в другой город! Это даже замечательно! Потому что ГенФед – особый любитель «живого письма» – писал мне самые настоящие письма. И теперь, когда его больше нет, он всё же есть в этих листах бумаги, исписанных его рукой; есть в этих книгах, которые он подписывал и присылал мне. Мой учитель со мной.

Да, я скорблю, как ребенок, потерявший родителя; и испытываю чувство вины, как это принято – когда уже поздно: за то, что редко звонила сама; за то, что забыла, что он не вечный...

Но всё же я счастлива, что была его «сухопутной русалкой».

Ирина Александровна Куртмазова родилась в 1983 году в Актобинске (Актобе). Окончила Оренбургский государственный университет.

Поэт. Переводчик. Член Союза писателей России. Участница литературных форумов и форумов переводчиков с языков народов РФ.

Публикации в литературных журналах и газетах: «Вечерний Оренбург» «Литературная газета», «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Пролог», «Нана», «Вайнах», «Дарьял», «Образ», «После 12»; в сборниках «Здравствуй! Это – я!», «Любви мимолетное чудо», «Новые писатели», «Друзья, прекрасен наш союз!..»

Автор двух поэтических книг: «Тоскующая полынь», «Твоя пресамая». Живёт в г. Новосибирске.

ЗОЛОТОИСКАТЕЛЬ

Иногда в нашу жизнь приходят особенные люди, после встречи с которыми эта самая жизнь уже никогда не будет прежней. Они видят в нас что-то такое, чего не видят другие, и о чём мы сами порой не подозреваем даже, имеют смелость сказать об этом, а потом просто берут за руку и ведут за собой. Я много раз задавала себе вопрос: как у них это получается? Ответа так и не нашла. Видимо, в этом их миссия, это их предназначение – открывать, вдохновлять, помогать, указывать путь и поддерживать всеми силами много-много лет на этой новой для тебя дороге, подставляя своё плечо, не жалея времени и здоровья. Наверное, это истинное благословение – вот так служить людям.

Творческий путь – всегда испытание, преодоление и восхождение к высотам, о которых бывает и подумать страшно. Признаюсь, начиная некоторые свои произведения, я испытывала мучительный безысходный страх, что не справлюсь, преодолевая который, в итоге получала удовлетворение от проделанной долгой и многогранной работы. Хотелось и бросить, если не получалось, и где-то упростить многомерность задач и смыслов, потому что казалось, что не вытяну, не раскрою, не допишу... Однако, было ещё страшнее подумать, даже подумать о том, что после скажу своему Учителю, чем оправдаюсь в его глазах. Геннадий Фёдорович был самым благодарным учителем из всех, которые у меня были. Он радовался каждой моей новой вещи, любому тексту, публикации, выступлению – всё было для него чрезвычайно важно, а наши опусы – особенно.

Я никогда не забуду поездку с группой одарённых детей в Литературный институт имени А.М. Горького на семинар к профессору Александру Торопцеву. Геннадий Фёдорович много работал с ними до этого, литературное объединение «Расцветающий сад» – его детище, о котором нужно писать отдельно. И именно тогда я поняла, вернее, почувствовала, что эта огромная многотрудная черновая работа, которой изо дня в день мой Учитель занимался, – это не что иное, как подвижничество. Так самозабвенно отдаваться делу могут

только избранные, те, кто видит дальше, понимает больше, мыслит глубже, знает то, что тебе самому неизвестно.

Я видела глаза детей, в которых он зажёл искру творчества, и мне было радостно за них, ведь повстречать на своём пути такого человека – настоящее счастье. С момента встречи с ним жизнь обретает особый смысл, открывается иная реальность, ты становишься другим, начинаешь понимать, что есть такая тонкая и одновременно могучая субстанция как творчество. Говоря о том, насколько оно прекрасно, нельзя не упомянуть, что Геннадий Фёдорович часто повторял: «Читайте! Как можно больше! В этом скрыта великая животворящая сила искусства!», и давал длинные списки книг, которые каждый обязан был прочесть, чтобы сформировать художественный и эстетический вкус.

Однажды Геннадий Фёдорович позвонил мне, я тогда училась на Высших литературных курсах, и сказал, что мало пишу. Во мне поднялась волна негодования. Как?! Только что опубликована моя повесть в толстом литературном журнале, каждый день, выполняя творческие задания руководителя курса, я писала не менее трёх-пяти страниц текста, ещё мы вели дневники, куда записывали свои впечатления и наблюдения, мысли... Много нужно было читать по теории и истории литературы, критике, по другим дисциплинам. Не было и секунды свободного времени, читала и в метро, и в автобусах. Я всё это пересказала Геннадию Фёдоровичу, но он снова твердо сказал: «Пишешь мало, и количество страниц тут ни при чём. Да, конечно, каждый день выдавать шедевры невозможно, но и измерять творчество количеством не следует! Я уже не помню, когда читал что-то твоё так, чтобы потом не мог сомкнуть глаз ночью, будучи под впечатлением». И он перечислил несколько моих рассказов, которые когда-то лишили его сна. Я и сейчас помню этот разговор, словно он был вчера. А спустя пару недель мне примерно то же самое сказал Олег Олегович Павлов, руководитель семинара прозы. И тоже перечислил названия рассказов, которые запомнились. Его список совпадал со списком Геннадия Фёдоровича. Теперь оба ушли. Олег Павлов был почти вдвое моложе Геннадия Фёдоровича, и ушёл раньше, внезапно. Хомутов ушел иначе, но ни поверить в это, ни смириться не могу до сих пор. Слышу их голоса, мне кажется, что оба наблюдают за мной, ждут от меня новых текстов... Одного я знала пару лет, другого более десяти. Геннадий Фёдорович очень

хотел чтобы я стала профессионалом, именно он убедил меня поступить на ВЛК. И именно он учил «...мыть золото слов...». Павлов был немногословен, и учил тому же. По сути эту формулу оба этих человека вкладывали в моё сердце, каждый по-своему, и добивались этого от меня.

– Ты как золотоискатель, переминающийся тонны словесной руды и мыслей, в поисках крупниц истины, драгоценностей смыслов, – говорил на другом конце провода Геннадий Фёдорович. – И нельзя останавливаться. Я всегда буду в тебя верить. Я в тебе не ошибся».

Тяжело любить творческих людей. Геннадий Фёдорович это умел.

Наталья Анатольевна Лесцова родилась в 1971 году. По первому образованию врач. Кандидат медицинских наук. Доцент. Лауреат премии Губернатора Оренбургской области в сфере науки и техники (2006).

С 2012 года член Оренбургского областного литературного объединения им. В.И. Даля, с 2017 года член Союза писателей России.

Повесть «Седьмая рана» и повесть «Изба-читальня» опубликованы в журнале «Наш современник». Печатались в журналах «Литературная учеба», «Московский вестник», «Гостиный двор», «Оренбургская заря», в газетах «Литературная Россия», «Вечерний Оренбург», «Оренбургская неделя», «Оренбуржье», альманахе «Вертикаль» (Нижний Новгород, 2016), на электронном портале «Молодое Око», в антологии «Друзья, прекрасен наш союз!..», в электронном журнале «Литературен свят» (Болгария).

В 2016 году окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького, курс прозы Олега Павлова.

Принимала участие в форумах молодых писателей России в Оренбурге и Нижнем Новгороде.

Лауреат премии VI Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2015), дипломант Южно-Уральской литературной премии (2017). Лауреат премии журнала «Наш Современник» (2018). Лауреат премии им. П.И. Рычкова (Оренбург, 2019). Шорт-лист премии «Чистая книга» им. Фёдора Абрамова (2019).

СВЯТОЕ ДЕЛО

к юбилею литературного объединения им. В.И. Даля

Недавно прочла в газете сообщение, что Петру Попову присуждена областная Аксаковская премия – за книжку стихов. Посмертно. Подумала: еще один наш бывший литгрупповец получил признание, как истинный поэт. Жаль, что поздно, что не дожил до такого знаменательного события... Я его помню Петей Поповым – лохматым, черноволосым, очень серьезным десятиклассником, потом студентом нашего мединститута. Долгое время он ездил с бригадой «Скорой помощи», и до нас доходили очень теплые отзывы о его врачебной практике. Петр Попов одним из первых откликнулся на приглашение газеты «Комсомольское племя» стать членом литературной группы при редакции.

В пятидесятые годы львиная доля всей редакционной почты состояла из писем и стихов наших читателей. Это, видимо, и натолкнуло редактора Римму Александровну Забелину на мысль: создать при газете литературное объединение. Собственно, такая попытка уже предпринималась. В редакции собирались литераторы, но не регулярно, и вскоре все как бы само собой заглохло. И вот Римма Александровна вызвала меня к себе в кабинет и долго говорила о важности и огромном значении поручаемого дела, чтобы, значит, я прониклась ответственностью. Я прониклась. И мои малые дочери тоже усвоили, что литгруппа – святое дело, и даже их дни рождения переносятся, если совпадают с днем объявленных занятий.

А занятия у нас были интересные. Мы приглашали к себе известных поэтов А. Возняка, М. Трутнева, прозаиков Б. Бурлака, А. Горбачёва, А. Рыбина. Очень нравились ребятам лекции, точнее, беседы большого знатока русской словесности и великолепного рассказчика преподавателя пединститута Самуила Марковича Лубэ. Дело в том, что у многих наших ребят не было обширных знаний в литературе, да и жизненных наблюдений тоже. Конечно же, все они надеялись стать поэтами, а пока учились в школах и институтах, работали слесарями, кочегарами, электриками, вечерами же

приходили в редакцию послушать именитых литераторов, показать свои первые творения, просто пообщаться.

Большинство первых литгрупповцев очень дорожили этим общением. Володя Лукин часто приходил вместе со своей женой Ирой. Она не писала стихов, но на наших занятиях не отмалчивалась, высказывала дельные замечания.

Владислав Бахревский работал в Сакмаре, писал хорошие стихи, занятий не пропускал. Однажды зимой из-за сильной метели остановился весь транспорт, но занятия начали – с теми, кто все же пришел. И вдруг часа через два появляется заснеженный Владислав. Оказывается, добирался до города пешком. Не один год практические занятия вел поэт Михаил Трутнев и баснописец Евгений Фейнберг. Они были авторитетными учителями, требовательными товарищами. А ребята спорили, доказывали, отстаивали свои мнения, часто очень бурно и совершенно не замечая времени. Однажды выходим после такого шумного заседания, а парадная дверь на замке... Довольно часто приезжал из деревни в сопровождении Юрия Терехова, сотрудника районной газеты и поэта, Михаил Артищев. Он был старше наших юнцов, но вроде как и ровня. Всех буквально завораживал его облик (он попал под поезд и остался без обеих рук) и его мысли, и его басни. Артищев давно печатался, впоследствии вышла его повесть отдельной книжкой. А вот Ваня Лысцов не часто мог вырваться из солдатской казармы. Но если вырывался – приходил в редакцию. И всегда со стопкой книг. Худенький голубоглазый, в линялой гимнастерке с ефрейторскими лычками, он покориł всех и сразу своими душевными стихами, в которых уже тогда чувствовался «русский дух»...

Как я уже говорила, в редакцию присылалось множество стихов. Конечно, кто в юности не писал их! Но каждому автору, сочинившему стишок, полагалось ответить, проанализировать его произведение, что-то подсказать, посоветовать. Дело это не столь трудное, однако хлопотное. Вернешься из командировки, а тебе вручают полторы сотни писем со стихами. То ли статью писать, то ли на них отвечать... Идешь на поклон к коллегам: «Ответь на десяток...» Когда же литгрупповцы поднаторели в спорах, в оценках стихов – и своих и товарищей, – стали поручать им писать отзывы на присланные стихи. И даже доверяли отбирать кое-что для печати. Ведал этим староста литгруппы. Несколько лет подряд на эту должность

избирался поэт Виктор Логвинов – человек целеустремленный, из тех, что учатся на чужих ошибках. Но надо понимать, что газете тогда отводилась роль помощника партии и комсомола в решении важных задач. С этой точки зрения рассматривалось и литературное творчество. Молодежной газете в этом отношении было несколько легче, но все равно считалось, что стихи – десерт, без которого можно обойтись. Естественно, опубликоваться мог не каждый даже хороший поэт. И тем не менее раз в месяц регулярно выходила «Литературная страница», а в дни уборочной страды – и еженедельно. Чаше других литгрупповцев печатался Сэм Симкин и Николай Сиянов. Их стихи отличались свежестью образов, некоторой зрелостью, а главное, были без всякого примитива! Судьбы Николая и Эма очень схожи: закончили институт, жили в Калининграде, плавали по морям и океанам, издали по несколько своих сборников. Многим оренбуржцам знакомо имя Владимира Одноралова – прозаика, поэта, журналиста. Смею утверждать, что большая часть его творческой жизни связана с молодежной газетой. Он приходил на литгруппу школьником, студентом медучилища, солдатом, потом долгое время работал в штате «Комсомольского племени». Володя Беглов тоже долгое время не разрывал связь с редакцией. Помню его высоким мальчишкой, студентом, статным симпатичным офицером. Он – военный врач и поэт.

С Геней Хомутовым у нас поначалу отношения не заладились. Принес он своё стихотворение «Огонь», а я что-то не то сказала. Гена хлопнул дверью. Потом мы всё же нашли общий язык, стали друзьями. Одно время он даже работал в нашей газете, писал нестандартные по тем временам корреспонденции, но в журналистике не прижился, поехал учиться в Москву, в Литературный институт. И вот уже более тридцати лет – бессменный руководитель литературного объединения, которое тогда носило имя Мусы Джалиля, а теперь – В. И. Даля. Но каким был Гена тогда – сердечным, талантливым, влюблённым в людей и в поэзию, – таким и остался. В жизни у человека бывает много учителей, но все почему-то вспоминают первого. Поэтому, наверное, наши литгрупповцы никогда не забывают газету, где были опубликованы их «молодые» стихи. Иван Лысцов всегда привечал в Москве оренбуржцев, бывал здесь в командировках, причем не по нужде, а, так сказать, по велению сердца. У Владислава Бахревского, у которого в столичных издательствах вышло

несколько исторических романов, тоже не единожды приезжал в Оренбург, хотя у него здесь – никаких родственников. Виктор Логвинов в каждый свой приезд заходил в редакцию, приносил свои книги... А у меня на полке стоят толстые и тоненькие книжки, очень дорогие мне, где на каждой – автограф и слова признательности. Эта признательность – не столько мне, сколько газете, которая не дала увянуть многим нашим талантам или просто поддержала в ком-то тягу к поэзии.

Елена Матвеевна Лысова по инициативе главного редактора Риммы Александровны Забелиной создала литературную группу, ставшую с годами знаменитым литературным объединением сначала имени М. Джагилия, а затем – имени В. Даля.

ОН СТАЛ НАШИМ КОРНЕМ

Когда я из глубинки приехала в город учиться на специалиста, все дороги пишущих в Оренбурге и области вели к нему, Учителю. И это было истинное везение молодежи того времени. Мы не могли по неведению попасть в лапы графоманов, строящих из себя настоящих писателей, не способных научить ничему, кроме бездарного рифмоплетства, но способных загубить неокрепший талант. Как дело обстоит, увы, сейчас...

Я писала стихи в школе, это были слабо рифмованные строчки, смысл которых блуждал в одном стихотворении от точки А в точку Б, как степной ветер, гуляющий по моему селу детства, порой я сама удивлялась, что в результате моей «творческой» деятельности, ха-ха, получалось. И я понесла свое «достояние» в надежде быть напечатанной в областной газете в редакцию «Южного Урала». Это были рукописные тетрадные листы. И я даже попала к главному редактору, помню к красивой, ухоженной, взрослой женщине. Она корректно намекнула мне, что стихи мои скверные и отправила учиться поэтическому делу к нему, Геннадию Федоровичу Хомутову. Я, конечно, подрасстроилась, что мои строчки от души, даже местами рифмованные, не оценили. Но решила не сдаваться. И отправилась в Дом литераторов на улице Правды, 10. Этот адрес на много лет стал для меня родным приютом в «каменных джунглях» города. Увы, через 20 лет он стал чужим по вероломству людей современного эгоистичного времени... По средам примерно в 5 вечера там проходили занятия юных поэтов и прозаиков, каждый зачитывал своё, и все высказывали мнение. Руководил нами добрый дедушка ГенФед с хитринкой в дружески подмигивающих глазах, как будто видел тебя насквозь и знал, и понимал лучше, чем ты сам. В гостиной, где проходили занятия, был настоящий кованый старинный камин, было много цветов и картин, светло и тепло по-домашнему. Но свет и тепло исходили не от камина, который, конечно, никто не топил, и не от картин и цветов, а от невысокого, слегка сутулого, но быстрого в движениях пожилого мужчины, от его понимающих глаз, от его отеческой заботы. Он так вдумчиво,

сопереживательно интересовался тобой, что ты рассказывал ему о своих переживаниях больше, чем родным по крови людям. Это был настоящий друг, по-отечески любящий своих творческих птенчиков.

Потихоньку я училась стихотворчеству, примерно через год меня напечатали в областной газете. И теперь я знала, что искусство – это большой труд и старание, а не только легкие порывы души, благодаря моему ГенФеду.

До последних его дней мы с ним общались. Началась «красная» эпоха Коронавируса, литвстреч стало меньше. Все мы боялись за него, ствол нашей областной литорганизации, «дочки» СПР, от которого тянулись мы, ветви и молодые листочки... Он бережно держал и оберегал нас от внешних врагов, продвигал к публикациям. Несмотря на свою неоценимую значимость, он звонил нам сам. Сейчас это стыдно осознавать. Но тогда мы привыкли этому. Мы кружились в своих повседневных делах, как листья и мошки в водовороте реки жизни. Спускали время на эти заботы... Проходило 2 – 3 дня, и он звонил. Просто так, узнать, как дела, как дети, как родители, с которыми он встречался однажды и часто вспоминал, как добрых людей, помнил и поражался начитанности моего отца, узнать, не достает ли бывший муж, и, конечно, сколько строк я написала. И очень огорчался, если ни одной. «Это всё, что от тебя останется в этом мире, твое творчество, твои строки» – говорил он, сокрушаясь от моего долгого топтания на месте на этой стезе, огорчаясь, что мы не ценили своих способностей, откладывали творчество, как нечто наимажнейшее, по сути, на потом...

А сейчас его нет рядом. Он стал нашим корнем: его не видно, но его энергия, его слова питают нас и дают силы и желание писать по сей день...

И знаете, какое одно из самых страшных событий моей жизни? Он позвонил, я была занята, решила перезвонить позже, вспомнила поздно, а на следующий день он не взял трубку, и больше никогда не ответил... Событие, за которое я корю себя по сей день. Если б вы знали, как мне не хватает этих звонков и разговоров, что хочется волком выть в прямом смысле этого слова, и я вою, смотрю в небо и вою, и слезы градом... Вот и всё.

Люция Ришатовна Махмутова родилась в 1978 году в Беляевском районе Оренбургской области.

В 2000г. окончила филологический факультет ОГПУ. Работала воспитателем в детском саду, редактором в книжном издательстве «Оренбургская книга». В настоящее время работает страховым и кредитным специалистом в автосалоне. Начала печататься в 1998г. Печаталась в альманахе «Гостиный двор», газете «Вечерний Оренбург», сборниках «Оренбургская заря», «По тебе, Яик, слава добрая», «Внуки вещего Баяна», «Любви мимолетное чудо», «Здравствуй! Это – Я!», «Друзья, прекрасен наш союз!..». Лауреат литературного аксаковского конкурса за первую книгу молодого автора. Автор двух книг стихотворений: «До прилёта звезд», «Перекрёстки без светофоров». Несколько стихотворений Г.П. Шиндяев положил на музыку. Член Оренбургского литературного объединения им. Даля. Член Союза писателей России.

СТЕПНЫЕ РОДНИКИ

Вырос я в Форштадте, на городской окраине. Родители мои были люди читающие, и дома на книжных полках мирно соседствовали русские и советские классики, толстые литературные журналы «Новый мир», «Нева», «Москва», «Иностранная литература». В них я, старшеклассник, с интересом заглядывал, хотя, честно говоря, интересовала меня проза больше, чем поэзия.

Однако время на дворе стояло веселое. Еще не «подморозило» и «оттепель» 60-х чувствовалась на журнальных страницах. Пастернак соседствовал рядом с Солженицыным, ходили по рукам перепечатки Булгакова с его «Дьяволиадой», «Роковыми яйцами» и «Собачьим сердцем». Но, как в этом старом анекдоте, был я не писателем, а читателем и очень внимательным. Вот эта относительная свобода литературного выбора, наверное, и сформировала какие-то жизненные позиции. Был и старший товарищ, журналист, к тому времени уже послуживший на областном радио, а затем получивший приглашение в главную областную газету «Южный Урал». Яша Харасов, у которого публиковал свои первые спортивные заметки. Он поручился за меня перед редактором «Комсомольского племени», добрейшим Владимиром Васильевичем Кулагиным и в мае 1971 года меня взяли на полставки в областную молодежную газету.

Прямо скажу, умел я мало, но народ вокруг был молодой, зубастый, амбициозный и очень хотелось ему соответствовать. Поэтому учился быстро, хотя случалось в этом процессе всякое. В том числе достаточно серьезный конфликт с обкомом ВЛКСМ, в который оказался втянут по своей профессиональной неопытности. Но решено было голову мне не отрывать за фактическую ошибку, а дать возможность исправиться. На свое счастье я остался в «Комсомольском племени».

...В те годы при редакции существовало литературное объединение имени Мысы Джаляля. Татарского, русского поэта, расстрелянного в плену уже на излете войны. Вел он себя в неволе мужественно и писал стихи в берлинской тюрьме. Вот эти «Маобитские тетради» спустя два десятилетия были изданы, а поэт, политрук 2-й

ударной армии, брошенной своим командармом Власовым погибать в окружении, посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

Залилов (Джалиль) работал в комсомоле в Орске и Оренбурге и ещё до войны был достаточно известным поэтом, автором стихов и поэм. Поэтому его имя и стало носить литературное объединение.

Занятие литераторов проходили в помещении редакции, в здании, которое «Комсомольское племя» делило с банком. У нас завершался рабочий день, а в коридорах появлялись и по-хозяйски заглядывали в кабинет студенты и рабочие, служащие, все, кто писал стихи и прозу, и нес их на строгий суд руководителя Геннадия Федоровича Хомутова и своих товарищей.

Хотя в литобъединение ходил и наш коллега Владимир Одноралов, а позднее Татьяна Белозерова, Петр Герасименко, Дмитрий Урбанович, относились мы к членам литобъединения несколько свысока. Не знаю уж, откуда и когда это пошло, но что-то такое веяло в воздухе. Дескать, мы делом занимаемся, газету выпускаем, а молодая поэзия и проза – это так – баловство. Хотя литобъединение и редакция были сообщающимися сосудами.

Дим Даминов, перешедший в «Южный Урал» был поэтом, чьи стихи, например, читали по «Маяку». Татьяна Белозерова, затем перебравшаяся в Орск, стала позднее известной поэтессой.

Но была у молодых журналистов некая ревность, заставляющая пристально и пристрастно вчитываться в каждую строку, опубликованную в «Племени».

У Саши Филиппова, студента-медика, были такие строки:

Это топчут кони гуннов

Над Уралом ковыля.

Поскольку интернета тогда еще не было и проверить эту версию влет, про гуннов в наших степях, не получалось, то на летучки мы безапелляционно заявили:

- При чём тут гунны?

Позднее в соответствующих книгах нашли подтверждение: не только сарматы, но и будущие подданные царя Атиллы проходили здесь. А Александр Геннадьевич Филиппов стал врачом, служил по специальности в системе исполнения наказаний. Стал известным писателем и журналистом. Написал и издал немало книг. По одной из них в соседней Белоруссии сняли телефильм.

Кстати сказать, в штатном расписании тех лет в каждой редакции существовала должность: литраб – литературный работник. Она была первой ступенькой в карьерном восхождении. Так что нечего нам было задираться, коли были мы сами литературными рабами, скованными со своей газетой общей целью. Впрочем, рабство это было не столько тягостным, сколько радостным. Потому что не было прекраснее момента, чем в ночь дежурства «зачерпнуть» с лотка ротационной машины несколько экземпляров свежего номера, еще пачкающего руки и остро пахнущего типографской краской. Ведь он только утром появится в киосках и почтовых ящиках, а у тебя – вот он, на ладонях. Кто-то завтра прочтет его и порадует, кто-то – обидится. Но пока ты среди первых читателей.

А для поэтов в этом номере нет ничего. Поэзия – дело политическое. Знаю, проходил, уже став редактором. Да и старшие товарищи рассказывали, как того же Геннадия Федоровича вызывали куда надо и расспрашивали, что он имел в виду, когда сочинял строки:

Сегодня 14 октября,
Старики говорят Покров,
И мухи из белого серебра
Летят на красных коров.

Ключевые слова здесь «14 октября» – день, когда товарищи по партии отлучили от власти Никиту Сергеевича Хрущева. Какая крамола привиделась властям в этих строках, сказать за давностью лет уже невозможно, но редакторам приходилось иногда проявлять чудеса эквилибристики, чтобы и стихи напечатать, и в кресле усидеть.

С поэтов-то что возьмёшь, божьи люди, практически блаженные. Поэтому большинство газетных руководителей принимало само собой напрашивающееся решение: не печатать всё, что написано в рифму. От греха подальше.

Тем не менее, Владимир Васильевич Кулагин эту красную черту переступил, и раз в месяц в «Комсомольском племени» стал появляться целый литературный разворот «Степные родники». Публиковалась здесь проза и поэзия местного производства в течение десяти с лишним лет, до 1984 года, пока не был назначен на редакторский пост человек из газеты «Южный Урал», который достаточно быстро прикрыл литературный проект.

В постперестроечные годы литературные страницы, тут я, пожалуй, не ошибусь, в Оренбурге выходили только в «Вечернем Оренбурге». Редактором там долгое время был воспитанник литобъединения, а тогда, в далекие 70-е, студент филфака, ОГПУ, Александр Васильевич Старых.

Я уже писал о Геннадии Федоровиче Хомутове. То, что он признанный российский поэт – сомнений не вызывает, но он еще в свои молодые годы был хорошим журналистом. Позднее, в 70-80-е годы, как руководитель литобъединения, Геннадий Федорович Хомутов немало ездил по области: встречи в сельских клубах, на ударных стройках, в библиотеках. И иногда писал материалы из глубинки. Например, из Красногвардейского района, где тогда преподавал в школе и писал прекрасные стихи фронтовик Сулейман Муллабаев. Это была честная журналистика, без модных «завитушек», точная, качественная. Жаль, что в нашу профессию Хомутов возвращаться не спешил.

По-настоящему я понял, что за человек руководит литературным объединением во время одной из командировок. Почти всей редакцией мы отправились в Медногорск на встречи с читателями. Пообщались с комсомольским активом, побывали в цехах завода «Электромотор» и медно-серного комбината, выступили во Дворце культуры металлургов. А вечером объединились все на дружеском ужине в небольшом кафе. И вот когда «смешались речи в шум невинятный» Геннадий Федорович начал читать свои стихи, в том числе «Бабий барак». Горькие строки о послевоенной женской судьбе. Как-то незаметно среди слушателей оказались работницы общепита: повара, официантки, посудомойки. Женщины не очень молодые, пожившие и на многое насмотревшиеся. У многих глаза оказались на мокром месте. Видимо, крепко зацепило.

После войны это было давно,
В краю стариков и старух,
И там холостячки глушили вино,
Горланили песни до двух.

Это была искренняя реакция слушательниц, которым оказалась до боли понятна и близка каждая строка, каждое слово.

Сознаюсь, сегодня не слишком ориентируюсь в нынешних литературных произведениях и новых именах. «Много званных, да мало избранных».

... Большинство из нас склонны к компромиссу. Редакторская должность просто обязывает их искать. Так было всегда и почему-то, мне кажется, и дальше мало что изменится.

Сам я человек, в принципе, неконфликтный. Но, как говорилось в одном старом анекдоте, где этот магазин принцип. Однако, существуют определенные границы, за которые отступать нельзя. А предполье – это место для маневров, уступок, маленьких гешефтов.

Партийные власти, при всей своей строгой определенности, всё-таки за молодежной газетой следили скорее периферическим зрением. Далеко не все были склонны исключительно «хватать и не пущать». Существовали всякие варианты. Да и дураков, и злодеев в тогдашних коридорах власти были не больше, чем в нынешних. Но время от времени, словно спохватясь, а все ли охвачено партийным вниманием, вдруг начинали задавать традиционные вопросы: «А с кем вы, мастера культуры?», «Не слишком ли «отвинтились» без пригляда».

Однажды от одного местного писателя из Оренбурга куда-то наверх ушла анонимка, в которой сообщалось, что «Степные родники» отклонились от партийного курса. Чтобы прояснить ситуацию и, если понадобится, покарать виновных, приехал работник ЦК ВЛКСМ.

Проверка «фактов» была въедливой и кропотливой. А затем собрались на даче у замечательного человека и писателя, фронтовика, автора бестселлеров 50-60-х годов «Сельский врач» и «Сельская учительница», руководителя областной писательской организации Алексея Михайловича Горбачева. Были еще я, как редактор «Комсомольского племени», Геннадий Федорович Хомутов, составитель литстраниц и цековский инструктор. Подвели итоги ревизии в неформальной обстановке и услышали от московского гостя: везде бы так работали литературные объединения! В этот раз беда обошла нас стороной.

Вспоминаю, как к областной комсомольской конференции подготовили традиционный специальный выпуск о делах, достижениях, людях комсомола. И, одновременно, выпустили литературное приложение, полноценную газету, в которую вошли стихи и проза молодых оренбуржцев. Шла первая половина 80-х и это стало настоящим культурным событием для области.

Затем, однажды, в партийно-идеологическом руководстве области созрело решение укрепить руководство молодежной газеты. На этом закончилась история «Степных родников», тряхнуло и литобъединение, оставшееся без руководителя.

Время, конечно, все расставило по местам. Тот редактор, похоронивший литературное объединение при газете, вскоре сбежал на историческую родину. Партийный секретарь пал жертвой борьбы за трезвость. Каждому воздалось своё.

А литературное объединение, теперь оно носит имя Владимира Даля, существует. Молодежь пишет стихи, рассказы. Жизнь продолжается. Жаль не осталось в области газет, где существует регулярная литературная страница. Зато есть интернет. Но это, согласитесь, совершенно другая история.

Алексей Владимирович Михалин родился в 1950 году в Оренбурге.

Окончил физический факультет пединститута. В течение тринадцати лет работал в областной молодежной газете «Комсомольское племя», с 1979 по 1984 – редактором. В последующие годы заведовал отделом социальных проблем «Южного Урала», с 1990 – зам. председателя телерадиокомпании «Оренбург» по радиовещанию, ведущий радиожурналист области.

С 2000-х – работает в информационного агентства «ОренИнформ», редактирует журнала «Спорткурьер Оренбургской области».

БИОГРАФИЯ И СУДЬБА

В Литобъединение я пришел в сентябре 1987 года. Меня привёл Сергей Бурдыгин, ему в «Комсомольское племя» я предлагал «трагическое стихотворение о безответной любви». Он подвёл меня к двери 104-го кабинета, за которой слышались оживленные голоса, и что-то сказал. А когда я оглянулся, чтобы переспросить... его уже не было. Один я боялся и стеснялся войти. Всякий раз, когда я брался за ручку двери, сердце колотилось и задыхалось. Через полчаса дверь открылась, все вышли покурить. Я стоял и с восторгом и страхом думал, что впервые в жизни вижу живых писателей. Потом появился невысокий мужичок, простоватого деревенского вида, который лёгким шаром, энергично махающим руками, на быстро косящихся ногах прокатился к писателям и что-то сказал. Я вошёл вслед за всеми в этот кабинет и, немного осмотревшись, понял, что простоватый мужичок, оказывается, самый главный здесь. А через несколько месяцев, когда я принёс на обсуждение уже второй свой рассказ, я знал, что это Геннадий Федорович Хомутов, поэт, руководитель Литобъединения, безжалостный и ехидный критик по литературе и добрый путеводитель по жизни. В день обсуждения рассказа пришёл пораньше, в первой комнате был только Хомутов и ещё какой-то мужчина, которому он скрытно кивнул, показывая на меня глазами. Я прошёл во вторую комнату и сел на один из стульев у стены. Вошел тот мужчина, зачем-то переставил с места на место статуэтку на полке шкафа, поправил томик в тесной стенке из книг, и, поворачивая назад, окинул меня тяжеловесным, выпуклым взглядом. На самом деле это было крещение. Два человека, два писателя, два священнослужителя от литературы, Хомутов и тот, другой, это был Краснов, окунули меня в ароматную и живительную купель русской прозы. После доброжелательного обсуждения я катился домой в сияющем шаре, в ушах все еще звучали счастливые слова и радостные наставления Одноралова, Пьянкова и других, а перед взором открывался весь мой будущий путь с его счастливыми открытиями и горькими разочарованиями, а за обмороженными стеклами трамвая диковинными цветами распускались фонари.

Благодаря литературе я побывал в Нью-Йорке и Ватерфорде, Берлине и Гамбурге, Варшаве и Констанце, я открывал новых людей – литераторов, драматургов, актеров, я показывал и предлагал свои изделия, оценивал чужие, и всегда чувствовал за своей спиной хитрый, степной, мудрый прищур Хомутова, и слышал голос этого ювелира от литературы, оценщика и огранщика алмазов, от глаз которого не ускользнет ни малейший изъян, ни одна, едва наметившаяся трещинка. Остается лишь удивляться тому, откуда в человеке такой талант учителя, такое всеобъемлющее знание, понимание слабостей писательских и человеческих и предвидение... «Значит, всё гуляешь, по фестивалям мотаешься?» – вот были его иронично-укоряющие, предостерегающие слова... Это они стояли в темноте у гардероба издательства «Южный Урал» с Алексеем Саморядовым», ненадолго приехавшим из Москвы.

Потом он и мне собственноручно отбил на машинке биографию и заявление в Литературный институт. «Смотри, не спейся там», – сказал он со вздохом.

И всегда грела меня надежда, что в резко-континентальном Оренбурге, есть человек, которому не безразлична моя биография и моя судьба.

Фарит Сагитжанович Нагимов, (Фарид Нагим) родился в 1970 году в селе Бурланное Соль-Илецкого района.

Прежде чем профессионально войти в литературу, Нагимов прошел воинскую службу в подразделении МВД и поработал на Оренбургском аппаратном заводе. Своим литературным крещением Фарит Нагимов считает встречу осенью 1987 года с Геннадием Хомутовым, руководителем областного литературного объединения им. В.И. Даля, куда начинающий писатель принес свои первые произведения. Именно этот простоватый мужичок, член союза писателей России лично принял участие в судьбе юного Фарита, став, по сути, его первым учителем, человеком, направившим Нагимова поступать в литературный институт.

Как и многие молодые авторы, Фарит Нагимов начинал печататься в областных изданиях, принимал участие в местных областных конкурсах, став лауреатом Оренбургской областной Аксаковской премии. За этой литературной победой последовали и другие: лауреатство премии «Русский Декамерон», особое отличие повести «Теория падения» в Литературной премии имени Белкина, первое место за сценарий фильма «Матрёнушка» на конкурсе документальных фильмов, премия города Москвы «Акция».

ВОЗВРАЩЁННАЯ ПАМЯТЬ

Геннадий Фёдорович Хомутов или ГенФед, как звали его друзья, многим запомнится как человек замечательный во многих отношениях. Поэт, просветитель, знаток отечественной словесности, особенно поэзии, воспитатель литературной смены, инициатор многих дебютных публикаций своих подопечных – книг и коллективных сборников, а также составитель антологий лучших произведений оренбургских авторов всех возрастов...

Я познакомился с ним в конце уже далёкого 1978 года, когда оказался в Оренбурге в связи с печальными семейными обстоятельствами: в сентябре похоронил отца, а ранее, в феврале того же года – мать. Жившую с родителями 84-летнюю бабушку, к тому времени не выходившую из дома, предстояло перевезти в Москву, решая при этом и некоторые другие проблемы. Предвидя, что в Оренбурге, мне, возможно, придётся задержаться на неопределённое время, я уволился с прошлой работы в многотиражной газете. Расчёт оказался верным: домой удалось вернуться лишь весной следующего года.

...В 70-е годы в литературных журналах у меня периодически выходили рецензии на книги и фильмы. Весной того же 1978 году мне случайно попался только что вышедший дебютный сборник ещё никому неведомого оренбуржца Петра Краснова, чьи рассказы произвели на меня сильное впечатление. Оно было сформулировано в рецензии, напечатанной позже в журнале «Литературное обозрение». Впоследствии я не раз писал о прозе этого (и моего тоже) поколения статьи и рецензии, героями которых становились, в том числе, и оренбургские писатели.

А тогда, оказавшись в Оренбурге, я решил познакомиться с П. Красновым, что и случилось поздней осенью того же года. А он ввёл меня в компанию местных молодых литераторов, где быстро был найден общий язык с Владимиром Пшеничниковым, Алексеем Ивановым, Владимиром Однораловым... Может быть, потому что мы были ровесниками – каждому примерно по 30 лет. Сразу стали – и остались по сию пору – друг с другом на «ты», и по именам. В том

числе и с бесспорным лидером Геной Хомутовым, к тому времени более десяти лет возглавлявшим Оренбургское литобъединение (тогда) имени Мусы Джалиля, а по возрасту годившемуся нам в старшие братья. Впервые от него я тогда услышал (и запомнил) выражение: дескать, вы – молодые, только собираетесь на ярмарку, у вас всё впереди; а для меня скоро настанет пора ехать с ярмарки...

Наступление этой поры, слава Богу, растянулась на несколько десятилетий... За это время много чего произошло – хорошего и, как говорится, разного – и в Оренбургской писательской организации, и в областном ЛИТО, и в школьных творческих объединениях региона... К хорошему, несомненно, можно отнести приход в литературу нескольких поколений юных оренбургских авторов, со школьных лет связавших своё будущее со словесностью – на любительской или профессиональной основе. Один из тех, кто активно способствовал этому – Геннадий Хомутов. Позднее он вспоминал: «И всё это было в «лихие девяностые», когда стране, кажется, не было дела до профессионального литературного творчества, что уж говорить о литературной самодеятельности мальчиков и девочек, «на рифмах вдруг заговоривших». Юные авторы Оренбуржья заявили о себе во весь голос на всю область».

Эта цитата – из предисловия к сборнику «Сохрани счастливые мгновенья...» (Оренбург, 2015). В нём собраны работы юных участников областных конкурсов – литературного и художественного творчества «Рукописная книга» и «Мастера волшебной кисти», проведённых Оренбургским областным Дворцом детей и молодёжи имени В.П. Поляничко. Велика роль его сотрудников в организации, координации, помощи детским литературным объединениям, которых в области насчитывается 180. О «наиболее ярких детских объединениях гуманитарной направленности» и их наставниках рассказывается в разделе «К 20-летию литературной гостиной ООДТДМ им. В.П. Поляничко». По словам руководителя гостиной И.Н. Санниковой, их общая работа ведётся «в самых разнообразных направлениях: от простой внеклассной работы по предмету до настоящей исследовательской деятельности по историко-литературному, этнографическо-краеведческому, литературоведческому направлениям.

Эти объединения действуют, несмотря на острый дефицит времени, которое нивелируется подготовкой к ЕГЭ и большим объёмом

письменных педагогических отчётов. Действуют несмотря на резкое снижение интереса подрастающего поколения к литературному творчеству и «живой книге» вследствие негативного влияния Интернета и массовых низкопробных телепередач. Действуют несмотря на сокращение учебных часов, очень небольшую доплату за внеклассную работу и многие другие объективные причины.

Хочется поблагодарить всех и каждого, кто совершает ежедневный негромкий подвиг. Эти педагоги уже вписали свою страницу в общую летопись истории культуры Оренбуржья».

Кстати, автор двенадцати очерков о литобъединениях, а также их наставниках (т.е. четвёртой части от общего числа включённых в сборник) – Г.Ф. Хомутов. В них видны его доскональное знание всех тонкостей воспитания будущих талантов, ясное осознание значения миссии литературного наставника, искреннее уважение к соратникам по общему делу. Делу, которое продолжают они и после ухода Геннадия Фёдоровича. И них главная надежда...

Мне довелось рецензировать в «Литературной газете» сборники творчества школьников, составленных Г.Ф. Хомутовым, а к четвёртому выпуску работ участников и победителей конкурса «Капитанская дочка», вышедшему под названием «Здравствуй! Это – Я!» (Оренбург, 2017), мной написано предисловие. С тех пор прошло несколько лет, и с годами, мне кажется, становится очевиднее истинный масштаб и смысл сделанного оренбургскими подвижниками. Даже если взять одно направление – сохранение, восстановление исторической памяти об Отечественной войне и Победе, обеспечивающее надёжную, органичную связь поколений – живой источник нашей силы и уверенности в будущем...

* * *

Настоящие заметки я начал с печального сюжета – похорон родителей. Продолжу его – потом станет понятно почему. Осенью 1978 года – весной следующего, готовясь к переезду в Москву, мне пришлось заниматься разными хозяйственными делами, в том числе кладбищенскими (установка временного памятника, заказ в гравёрной мастерской металлической таблички с именами усопших, датами жизни)... А ещё писал о новых фильмах, художественных выставках и других событиях культурной жизни Оренбурга. Это входило в обязанности «корреспондента на гонораре» областной

газеты «Комсомольское племя» – так написано в трудовой книжке. Там есть и подпись главного редактора издания В.В. Кулагина. С ним (или с заведующей отделом культуры – милейшей Татьяной Текутьевой) договорились о приёме меня на временную работу мои новые знакомые. Скорее всего это был Хомутов, активно сотрудничавший с «Комсомольским племенем»...

Наконец, хлопоты, связанные с переездом, закончились, и мы с бабушкой благополучно прибыли в Москву. Здесь я сначала недолго поработал в издательстве «Молодая гвардия» в редакции «ЖЗЛ» (там я познакомился с замечательными людьми – ЗЛ – без кавычек); затем четыре года в журнале «Детская литература» (было такое довольно востребованное издание, которого многим сегодня не хватает); потом в журнале «Литературная учёба» (тоже ныне не существующем).

В «ЛУ» я почувствовал себя в полном смысле слова на своём месте: мои профессиональные интересы совпадали с основным направлением и задачами издания: открывать новые имена, поддерживать таланты из всех регионов страны. В том числе из Оренбуржья, имевшего к тому времени репутацию признанной кузницы талантливой литературной смены. Это подтверждалось такими публикациями в «ЛУ» как главы из исторического романа И. Пьянкова «На линии» – с разбором А. Иванова (№ 6, 1986) и специальный выпуск журнала (№ 3, 1987). Он включал: вступительную статью П. Краснова. Очерк В. Одноралова и его обсуждение членами литобъединения им. М. Джалиля. Прозу А. Аверьянова и В. Пшеничникова – с разбором Г. Саталкина. Стихи А. Юдиной, В. Петрова, Ю. Селиверстова, В. Ульянова, С. Бурдыгина, М. Жук – с разбором Г. Хомутова. (Как тут не вспомнить, что незадолго до его ухода пришла весть о смерти Алексея Иванова, а вскоре после – о кончине Георгия Саталкина...)

В эти и последующие годы я периодически приезжал в Оренбург – в 1982 году на Семинар молодых прозаиков Урала и Приуралья. Через четыре года – чтобы подготовить с Игорем Пьянковым публикацию его романа в «ЛУ». В мае 1997 года – на замечательные по уровню организации и составу участников (назову только В.Г. Распутина) Дни русской духовности и культуры в Оренбуржье «Сияние России». Во время каждого приезда мне удавалось

найти время, чтобы навестить могилы родителей, в чём «принимающая сторона» всегда шла навстречу.

Мои оренбургские вояжи продолжились и в новом веке. В 2007 году представлял «Литературную газету» на выездном секретариате СП РФ, посвящённому Году русского языка, а также на 80-летию Н.Ф. Корсунова, в то время руководившего писательской организацией. В 2008-м прибыл на полувековой юбилей Областного литобъединения (уже) имени В.И. Даля. Мои личные проблемы решались не раз испытанным способом: Дом литераторов предоставлял машину, а компанию мне составили Игорь Пьянков – в 2007 году, а в следующем – Вениамин Побежимов (нижайший всем поклон!).

Однако результат последних поездок был нулевым. Могилы родителей оба раза найти не удалось. Цветы пришлось оставлять прямо на декабрьском снегу. Сейчас кажется: причина в том, что поменялось место въезда на кладбище (возможно, в связи со строительством храма Александра Невского, который появится через несколько лет), поэтому привычные ориентиры были сбиты... Но это – предположения... Получить достоверную информацию было не у кого... Беспорядочные метания в разные стороны по безлюдному кладбищу кончались ничем. Да и время, как обычно, поджимало: пора было возвращаться в город и включаться в программу, ради которой я и оказался здесь...

Потом я не раз задумывался о том, как найти родительские могилы, возможно ли это в принципе? И не находил ответа. Наверное, плохо искал. Нагружать оренбургских знакомых своими проблемами не хотелось, тем более, что внятного плана действий не было.

Хомутов периодически звонил: рассказывал о литобъединении, о новых публикациях своих воспитанников, о жизни писательской организации, интересовался столичными новостями...

Но один его звонок меня буквально огорошил. Начав с места в карьер, он сообщил, что нашёл могилы моих родителей и готов позаботиться о приведении их в порядок. Это было совершенно неожиданно: мне казалось, что Гена не только не был в курсе моих кладбищенских проблем, но и не проявлял к ним ни малейшего интереса. Во всяком случае, речи об этом у нас никогда не заходило... И потом, когда подобные вопросы я пытался задавать ему или, что вполне естественно, как-то выражать переполнявшие меня чувства благодарности и восхищения, он незаметно, но настойчиво

переводил разговор в более актуальную, практическую плоскость: дескать, лирика – лирикой, но лучше обсудить, что надо делать сейчас?.. К решению этих проблем активно подключился мой сын Андрей, взявший на себя расходы по восстановлению надгробия...

Через некоторое время я получил фото Геннадия Фёдоровича с женой Верой Александровной, стоящих рядом с захоронением моих родителей после его восстановления. В правом нижнем углу фотографии – дата, автоматически выставленная аппаратом: 20.04.12.

Увидеть надгробие, что называется, воочию мне довелось 6 ноября 2013 года. Областное литобъединение имени В.И. Даля отмечало тогда своё 55-летие. Программа Форума молодых литераторов включала, кроме торжественных встреч, семинары начинающих прозаиков и поэтов. Разбирали и оценивали их тексты, кроме местных писателей, столичные авторы, так или иначе связанные с Оренбургом: прозаики Иван Уханов, Фарид Нагим и аз грешный. Но это было на следующий день, запомнившийся ещё и демонстрантами с красными знамёнами на улицах: народ отмечал 7 ноября, ещё не забыв, какой это день календаря.

А накануне Гена встретил меня в аэропорту и первым делом повёз на кладбище. По пути заехали за цветами, которые положили на родительские могилы. Которые я было потерял, а он мне вернул.

Александр Вениаминович Неверов родился в 1949 году в г. Магнитогорске. Окончил МГПИ (1971). Работал в издательстве «Молодая гвардия» (1979 – 80), в журналах «Литературная учёба» (1980–84), «Детская литература» (1984 – 87), в газете «Правда» (1987 – 89), главным редактором издательства «Детская литература» (1989 – 93), членом редколлегии, заведующим отделом критики и публицистики альманаха «Реалист» (1995), заместителем заведующего отделом культуры газеты «Труд». Сотрудник «Литературной газеты». Публиковался в журналах «Детская литература», «Литературное обозрение» (лауреат премии журнала), «Октябрь», «Наш современник», «Литературная учёба», «Лепта» в газетах «Советская Россия», «Правда», «Труд». Автор книг «Молодая проза: время, проблемы, герой» (1985), «Черты поколения» (1989), «Не только о литературе. 33 беседы» (2003).

Ольга НИКИТИНА (ЧЕРЁМУХИНА)

«МИНУВШЕЕ БЕРЁТ ЗА ОБРАЗЕЦ»

Хорошо помню наш поэтический десант, отправившийся в село Покровка для встречи с читателями: Геннадий Хомутов, в то время сотрудник газеты «Комсомольское племя», Юрий Орябинский, уже работавший на заводе, одиннадцатиклассник Валерий Дедушев и я, учившаяся в 10-м классе. В ненастную октябрьскую пору мы долго ехали на поезде, выступали в школе, а к вечеру на разбитой полуторке нас повезли в клуб села Платовка. Мои стихи уже печатались в газете – это Хомутов готовил еженедельные развороты авторов литобъединения со стихами и рассказами, что было большой редкостью для газет. Кроме того, он организовывал для литгруппы почти еженедельные встречи с читателями в школах, библиотеках, организациях. Поэтому я привыкла читать свои наивные вирши в любой обстановке, не боялась даже огромной для меня аудитории студентов политехнического института. Всюду нас принимали замечательно, поэзия в 60-х была очень востребована, а уж творчество знаменитых шестидесятников знали наизусть все мало-мальски образованные люди. На особенном подъеме проходили встречи, когда Геннадий Федорович после наших выступлений спрашивал аудиторию, а не почитать ли стихи других поэтов. И начинался марафон: каждый из нас мог прочесть любимые стихи от Пушкина, Лермонтова до Вознесенского, Ахмадулиной, Евтушенко, стихи мало публикуемых поэтов ... и публика просила еще и еще!

А в тот дождливый октябрьский вечер, мы ехали в темноте по раскисшей дороге в какое-то глухое село Платовка. Я понимала, как близки сельским жителям будут стихи Хомутова, ну и Юру с Валеркой нормально примут, а как меня-то с птичками-цветочками? Но зря я трусила. В холодном небольшом зале с низким потолком народу набилось от мала до велика. Геныч (так по-приятельски мы его звали между собой) сразу всех расположил к себе, а, соответственно, и к нам. Так что все прошло хорошо. Наш руководитель везде становился своим парнем, сразу входил в контакт с людьми, потому что и в поведении, и в стихах его была искренность, простота, понятность для любой аудитории, потому что не было

фальши, не было самовлюблённости, нередко встречающейся в поэтической среде.

В обратный путь нас отправили на той же полуторке. Мы с Геннадием сидели в кабине, где было тепло, а Юра с Валерой в кузове – на ветру. Урчал мотор, машина иногда юзила на скользкой дороге. Неожиданно водитель, тоже слушавший нас в клубе, такой неказистый деревенский мужичок в старом ватнике и кирзовых сапогах, с заскорузлыми руками на «баранке», вдруг стал нам читать стихи Пушкина: «Цветок увядший, бездыханный, в забытой книге вижу я...» Это было потрясюще! Я увидела, каким внутренним светом озарилось лицо Геныча. Так, с Пушкиным мы и доехали до маленькой станции, где остались ждать ночного поезда.

В литобъединение я пришла в 14 лет и быстро поняла, что моя школьная пятёрка по литературе ничего не стоит. Надо было изучать её заново по книгам, которые не давала школа, а советовал Хомутов. Открытиями становились стихи Баратынского и Тютчева, Ахматовой и Гумилева, Мандельштама и Хлебникова или поэтов-фронтовиков (иногда в самиздате), чьих имён мы совсем не знали. С его подсказки я ходила в книжный магазин на улице Советской и научилась заказывать книги, которых в свободной продаже практически нельзя было купить. С его подсказки одним из настольных изданий стал для меня вузовский учебник Томашевского «Введение в литературоведение» – настолько хотелось понимать литературную мастерскую. В общем, всегда с нетерпением ждала дни, когда в редакции собиралась литгруппа.

Уникальность и долгожительство оренбургского «прекрасного союза» связаны прежде всего с личностью его руководителя. С 1964 года Геннадий Федорович Хомутов всю свою творческую энергию и всю жизнь посвятил поддержке людей, у которых «в сердце поёт русское слово», от школьников до пенсионеров, не взирая на уровень одаренности и образованности. Самобытный поэт, высоко оценённый Борисом Слуцким, Анатолием Передреевым, Эрнстом Сафоновым, стихи которого включены в антологии российской поэзии и альманахи, он стал настоящим подвижником, наставником, просветителем, хранителем родной словесности. Он создал необычайно плодотворную атмосферу в литобъединении, с взыскательными и честными разборками проб пера, спорами, обсуждениями прочитанных книг, где происходило серьезное знакомство с литературным процессом, формировался художественный вкус,

прививалась культура. Здесь не было штамповки по подготовке «писатели», просто воспитывалась полноценная личность.

Замечательное Генычево время определило профессию, судьбу и жизнь многих литгрупповцев. Поступая на филологический факультет в Саратовский госуниверситет вместе с подругой Надеждой Кондаковой, ныне известным поэтом, мы уже на собеседовании обратили на себя внимание своими не поверхностными суждениями и литературными интересами. Нами, например, уже были прочитаны первые рассказы Солженицына в журнале «Новый мир». В наших документах были рекомендации Оренбургского отделения Союза писателей и областной комсомольской газеты, о чём позаботился, конечно же, наш наставник. Участие в литературных спорах, выступления на публике позволяли нам – молоденьким девчонкам – не теряться перед любой аудиторией, смело высказывать своё мнение. Эти качества проявились и потом – в моей журналистской работе, в общественной деятельности. Они особенно пригодилось, когда в бурные 90-е годы пришлось выступать на митингах, участвовать в депутатских дебатах, вести конференции, и даже секцию на Всероссийском съезде охраны природы.

Я уехала из Оренбурга в 18 лет и не очень часто бывала на родине, стихи писать перестала, понимая, что поэта из меня не выйдет. Но Хомутов до самого своего ухода, можно сказать, держал меня «на крючке», напоминая о нашем творческом братстве: изредка писал или звонил, присылал книги, приглашал на юбилеи литобъединения. Он не забывал никого! В последние два года его жизни мы активно переписывались, созванивались, разговаривая часами, обменивались книгами. Было очень приятно получить от него похвалу моей книге «Бомба» для потомков» (об экологических проблемах Волги, о последствиях создания водохранилищ). Он сказал: «Книга хорошая. Премию тебе не зря дали. Кто бы написал такую же об Урале!» От него часто приходили бандероли с книгами. На стеллаже теперь целая полка оренбуржцев, читаю с благодарностью и теплотой...

Ольга Владимировна Черёмухина родилась в 1948 году в Оренбурге. Окончила Саратовский госуниверситет. Работала в газетах, на телевидении Нижне-Волжской студии кинохроники, в Приволжском книжном издательстве, в комитете экологии. Автор публицистических книг, документальных фильмов о проблемах экологии и памятниках природы. Живёт в Саратове.

Виктория ПОПОВА (МАЛОЛЕТКИНА)

НИЧТО НЕ КОНЧАЕТСЯ

Литературное объединение имени Владимира Даля, руководителем которого был Геннадий Фёдорович Хомутов – это творческий мир молодых писателей. Он создал его сам, растил своих маленьких птенцов, развивал их талант, посвящал всё своё время этому делу. Он верил в каждого и знал, что придёт время и птенцы покажут результат его долгой, кропотливой работы. Люблю вспоминать о начале своего творчества, ведь именно в то время я познакомилась с Геннадием Фёдоровичем. Писать стихи я начала с 13 лет. Через два года, накопив свое собрание сочинений, у меня возникла мысль показать их. Может быть есть в Оренбурге организация, которая занимается с молодыми неопытными писателями? Нашла адрес областного дома литераторов имени С.Т. Аксакова и написала туда письмо, вложив некоторые свои стихи, особо не надеясь на ответ. Спустя некоторое время я получила ответное письмо, его написал Г.Ф. Хомутов:

28.10.1997г.

Виктория.
Твои
стихотворения я
прочитал. Это всё
написанное
литературное
ученичество. Надо
очень много
читать, читать
великих русских
поэтов и прозаиков.
Лучше учить
наизусть, чтобы в

голове была библиотека. Много банального, общеизвестного в твоих стихотворениях. Например. Ты пишешь: «Жизнь – это сложная штука». Это известно всем. Но когда ты сообщаешь читателю мало-мальски своё «Жизнь не даётся так гладко, в ней постоянно проблемы

и стресс» – это уже попытка сказать своё, из своего опыта и переживаний. Интересные строки о любви: «Она уходит вместе с жизнью, а может даже до неё (ты хотела сказать до смерти). Любовь короче нашей жизни, и никогда не верь в неё». Заявления максималистки, но строчка «любовь короче нашей жизни» во всяком случае интересно звучит. При городском детско-юношеском центре работает литературная группа по воскресеньям. Начало в 14:00. Адрес: переулок Хлебный (бывший дом пионеров). Приходи, я руководитель Геннадий Фёдорович Хомутов тебя приглашаю на занятия. Туда все школьники-сочинители приходят. Узнаешь много полезного для себя. Успехов. Г. Хомутов

№ 21
4 стихотворения

Литературный конкурс "Капитанская дочка"
1997-1998гг
28 октября 1997г.

Оренбург,
пос. Южный, ул. Зауральная, 4. кв. I.
Виктории Малолеткиной

Виктория!

Твои стихотворения я прочитал. Это все написанное литературное ученичество. Ты еще не умеешь писать складно, рифмовать, выдерживать необходимый размер. Надо очень много читать, читать великих русских поэтов и прозаиков. Лучшее учить наизусть. Чтоб в голове была библиотека. Много банального, общеизвестного в твоих стихотворениях. Например, ты пишешь: "жизнь – это сложная штука". Это известно всем. Но когда ты сообщаем читателю мало- мальски свое – "жизнь не дается так гладко – в ней постоянно проблемы и стресс" – это уже попытка сказать свое, из своего опыта и переживания. Интересны строки:

о любви:

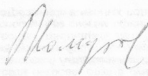
она уходит вместе с жизнью,
а может даже до нее
/ты хотела сказать до смерти /
Любовь короче нашей жизни,
И никогда не верь в нее.

Заявления максималистки, но строчка "любовь короче нашей жизни" во всяком случае интересно звучит.

При городском детско-юношеском центре работает литературная группа. По воскресеньям. Начало в 2 часа дня. Адрес: пер. Хлебный /бывший Дом пионера/. Приходи, я руководитель Геннадий Фёдорович Хомутов, тебя приглашаю на занятия. Туда все школьники-сочинители приходят. Узнаешь много полезного для себя.

Успехов!

Г. Хомутов

Так, в 1997 году я была приглашена в литературную группу при областном доме литераторов, руководителем которой и был ГенФед (так его называли ученики). Геннадий Фёдорович был человеком позитивным, добрым, любил с нами шутить. Если пропускала занятие, он говорил: «Малолетка, почему в прошлое воскресенье не была? Наверно, проспала. Или лентяйничает?» На занятиях мы читали свои новые произведения, слушали критику ГенФеда, учились на своих и чужих ошибках. Геннадий Фёдорович никогда никого не забывал, присылал свои критические заметки почтой, чтобы нам запомнились наши ошибки и можно было над ними поработать. Хорошо написанные стихотворения ГенФед печатал в газете «Вечерний Оренбург», альманахе «Гостиный Двор», в сборниках молодых писателей, составителем и редактором которых он являлся. Помню, как я ждала свою первую публикацию. Это были два стихотворения по четыре строчки:

Гори, гори любовь моя, гори.
Пусть твоё пламя видят все на свете.
Ты станешь светом утренней зари,
Чтоб он увидел и с улыбкой встретил.

Всё будет по-другому, как всегда.
По-прежнему ты только утро встретишь.
Другая будет над тобой звезда,
Которую ты тоже не заметишь.

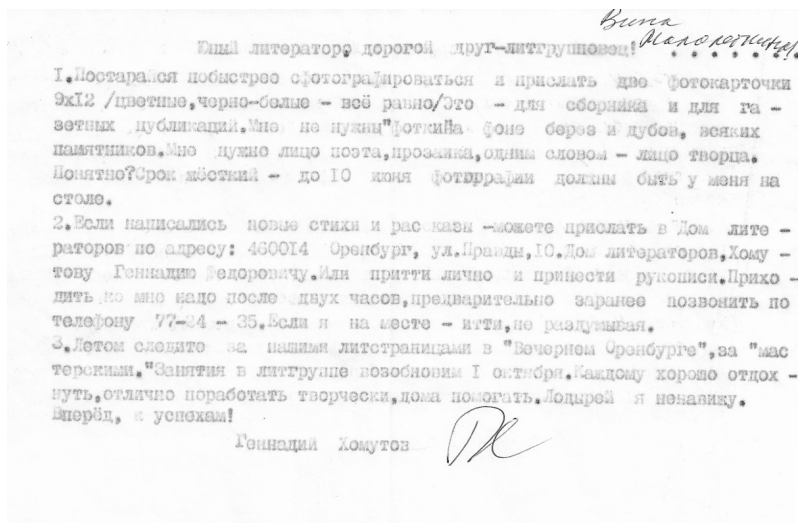
Геннадий Фёдорович был настолько профессионал своего дела, что из всех присланных ему стихов нравились именно те, которые были написаны от самого сердца, с переживаниями и болью автора. Я на это обратила внимание не сразу. Спустя некоторое время стала замечать, если я сочиню в стихах какой-нибудь сюжет, то стихотворение получалось какое-то корявое, неуклюжее, как говорил ГенФед. Если писала то, что пережила сама, стихи получались живыми, они пели, доносили до читателя переживания автора. Вот такие стихи, если даже в них было написано что-то

неточно или с нарушением размера стиха, ГенФед просил доработать, не бросать. Говорил, что может получиться хорошее стихотворение и тогда его можно будет напечатать. Сохранилось вот такое письмо от Геннадия Фёдоровича, написанное в 2000-ом году:

«Юный литератор, дорогой друг-литгрупповец – Вика Малолеткина. Постарайся побыстрее сфотографироваться и прислать две фотокарточки 9х12 (цветные, чёрно-белые – всё равно). Это для сборника и для газетной публикации. Мне не нужны фотки на фоне берез и дубов, всяких памятников. Мне нужно лицо поэта, прозаика, одним словом – лицо творца. Понятно? Срок жёсткий – до 10 июня фотографии должны быть у меня на столе. Если написались новые стихи и рассказы, можете прислать в Дом Литераторов по адресу: 460000, Оренбург, ул. Правды дом 10, Дом Литераторов, Хомутову Г.Ф. Или прийти лично и принести рукописи. Приходить ко мне надо после двух часов, предварительно заранее позвонить по телефону: 77-24-35. Если я на месте, идти не раздумывая. Летом следите за нашими литстраницами в «Вечернем Оренбурге», за «мастерскими». Занятия в литгруппе возобновим с 1 октября. Каждому хорошо отдохнуть, отлично поработать творчески, дома помогать. Лодырей я ненавижу. Вперёд к успехам!

Г. Хомутов

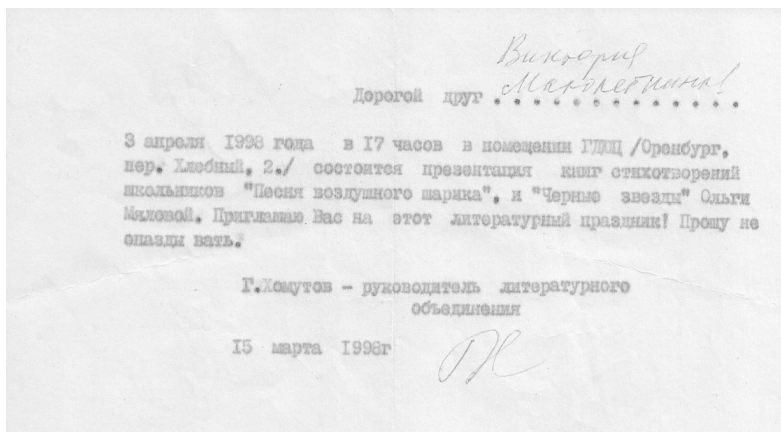

Первый раз на презентацию книги Геннадий Фёдорович пригласим меня в 1998 году. Сохранилось письмо:

«Дорогой друг Виктория Малолеткина!

3 апреля 1998 года в 17:00 в помещении ГДЮЦ (Оренбург, пер. Хлебный 2) состоится презентация книг стихотворений школьников «Песня воздушного шарика» и «Чёрные звёзды» Ольги Мяловой. Приглашаю Вас на этот литературный праздник! Прошу не опаздывать».

Г. Хомутов

Наша литературная группа всегда пополнялась новыми авторами. На занятия приходили школьники не только старших, но и начальных классов. Их приводили бабушки, дедушки, родители. Геннадий Фёдорович говорил: «Если в вашей среде есть сочиняющие, на ваш взгляд, способные, приглашайте их с собой на занятия в нашу талантливую лирическую бригаду. Приглашайте от моего имени».

Я благодарна своему наставнику, учителю, за то, что двадцать три года назад он пригласил меня в свой литературный мир, мир Геннадия Фёдоровича Хомутова. Прошло столько лет, а мне до сих пор хочется верить, что будет всё, как прежде: письма, посылки, звонки, встречи с ГенФедом. О том, что он болеет, я узнала из его письма, написанного в сентябре 2018 года:

«К сожалению писать я тебе не смогу, т.к. сильно болен. Масса болезней напала на меня: диабет, эмфизема лёгких, нарушение сердечного ритма. Жалко, что всё кончается. Тебе успехов, удачи и счастья.

Геннадий.

Вина, чтоб стихи полуглавы, надо
регулярно писать, уметь подгонять
себе стихотворный размер и ритм.
И стихи красивые надо заучивать
наизусть. Это - необходимая школа
литературной удачи. Просто так
также, - изливает душу листочку
бумаги и будет свист.

Скоро выйдет книга стихов
начинающих поэтов - молодых и старых -
«Третье свидание» и уже принято.
К сожалению писать я не смогу все
сразу. Т.к. Симона Болева. Моего
Болевого капахи не ~~еще~~ меня:
даблет, интрижка лёгкая, нарушенье
сердечного ритма. Мало, это
все короткометраж. Моего успеха,
удачи и счастья.

Геннадий

Я не могла спокойно читать эти строчки. Мой внутренний голос говорил: «Нет! Не может быть! Геннадий Фёдорович должен жить долго». С того момента я жила надеждой на то, что он поправится и проживёт хотя бы до ста лет. К сожалению, нас он покинул раньше,

но ничто не кончается. Его творчество и вклад в русскую литературу
будут жить вечно.

Ещё вчера была весна
И пели птицы за окном.
ГенФед, учитель мой, был жив.
Общались мы о том, о сём.
Я на занятия ходила
К нему по воскресеньям.
Читала перед всеми вслух
Свои стихотворения.
Потом он их критиковал.
Порой, хотелось плакать.
А вот хорошие стихи
Готов был напечатать.
Пришла последняя посылка
В июне от ГенФеда.
Осиротели за окном
Все твои птицы летом.

Виктория Васильевна Малолеткина родилась в 1982 году в г. Тбилиси Грузинской ССР. Окончила экономический факультет Оренбургского государственного аграрного университета. Публиковалась в газете «Вечерний Оренбург», альманахе «Гостиный двор», антологии «Внуки вешего Бояна».

Член Оренбургского областного литературного объединения им. В.И. Даля.

ГЕННАДИЙ ХОМУТОВ В ГОДЫ ОТТЕПЕЛИ

к 60-летию поэта-оренбуржца

На нашем курсе историко-филологического факультета самым эрудированным и умным студентом считался Валерий Раков. Коренной горожанин, он жил недалеко от памятника павшим борцам революции, воздвигнутого на братской могиле. А кроме Валерий отслужил три года на Черноморском флоте и значит имел хорошую школу жизни.

В его языке то и дело сыпались словечки, нелестно характеризующие наших оренбургских писателей: «бездарь», «серятина», «конъюнктурщик» и т.д. и т.п. Впоследствии Валерий Петрович стал кандидатом, а затем и доктором филологических наук.

В те годы на поэтическом олимпе Оренбурга царили Возняк, Трутнев, Кривцун, баснописец Файнберг. Неплохие стихи писали и в провинции: Блинов (Орск), Герасимов (Северный район), Еськов (Сорочинск), Мусорин (Бузулукский район).

Для нас, филологов и историков, высшим мерилom современной нам поэзии являлись московские поэты Евтушенко, Вознесенский, Рождественский. Откуда нам было знать тогда, что в конце 80-х годов они превратятся в русскоязычных и отрекутся по сути дела от России.

Особенно подогрел интерес к этой троице артист Андрей Гончаров, читавший для нас свою композицию «Любовь поэта» в Доме учителя осенью 1961 года. Вот поистине незабываемый 1961-й год! Андрей Гончаров начал выступление перед студентами не стихами. Он взволнованно поделился с нами своей радостью: «Ребята! Я прилетел в Оренбург одним рейсом с Юрием Алексеевичем Гагариным! Весь зал заликовал. По всей вероятности, Юрий Алексеевич прибыл в наш город к теще, да и отдохнуть от планетарного триумфа. Мои земляки-сакмарцы видели в ту теплую осень Гагарина на пасеке у старого казака Конидина Куракина.

До 1963 года поэта Геннадия Хомутова я не знал, да и не мог знать. В первые мои студенческие годы его в Оренбурге не было. Шёл я как-то по Ленинскому скверику. Меня остановил парень в

зелёном, цвета морской волны демисезонном пальто и с красным шарфом: «Читал моё стихотворение в «Комсомольском племени»? Я вспомнил, что мы встречались в редакции молодежной газеты и что фамилия парня Хомутов. «Да» – и процитировал концовку:

«Мы поднимаем стройку,

А стройка – нас!»

Это не лучшее стихотворение он больше нигде не печатал и не читал никогда... Оно было написано в духе комсомольской поэзии 30-х годов. Потом мы пошли по магазинам, не помню, за какой надобностью. Я прочитал ему несколько своих стихов, сделанных под символистов начала XX века. Геннадий иногда в шутку после этого называл меня «символистом».

Он жил в то время в Пугачах, снимал угол у одинокой старушки, работал в кочегарке и заочно учился в Литературном институте имени Горького в Москве. Про свою хозяйку рассказывал: «Бойтся зимой умереть – могилу тяжело копать». Его известность в Оренбурге быстро росла. Пригласили Геннадия в наш пединститут на поэтический вечер. Советскую литературу нам преподавала кандидат филологических наук Людмила Архиповна Образовская. Она и была главным организатором всех встреч с поэтами и писателями. Геннадий прочитал стихотворение «На сенокосе» и ещё о студентах, подрабатывающих «на башмаки» на железнодорожном товарном дворе. Мы все много раз видели бородавчатую картошку. Но сказать, что клубень подмаргивает глазком, смог только наделённый большим поэтическим воображением человек. Наш Валера Раков очень одобрительно отозвался о стихах Геннадия Хомутова: «Это почти на уровне Слуцкого».

Оренбург – город немалый, но с Геннадием мы встречались довольно-таки часто прямо на улицах без всякой на то договорённости, кроме того, он навещал меня в общежитии № 2 пединститута на Челябинской улице, а иногда и звонил. Какие-то флюиды нас влекли тогда друг к другу.

...Уже давно стемнело, я шел из библиотеки по улице Постникова и вдруг столкнулся с радостно-возбуждённым Геннадием с большой по формату книгой за бортом пальто: «Петруша! Я напечатался в московском альманахе «День поэзии»! Три стихотворения! Рядом с Назымом Хикметом! Обмоем, а?»

Поехали на троллейбусе в Красный городок. Ресторанчик там ещё не был закрыт, да и цены там были поменьше. За столиком Гена прочитал мне стихотворение «Огонь» – документально точное и в то же время высокого философского смысла:

А сколько спички стоили, кто скажет,
У нас в тылу, во времена войны?
Да их тогда и не было в продаже,
А значит – спичкам не было цены.

В те годы приходилось ходить иногда к соседям за жаром, чтобы растопить печку. Гена очень удачно обыграл этот факт:

Мне в жизни приходилось видеть всякое,
Но мысль одна таится у меня:
Когда огонь в душе моей иссякнет, –
Пойду к народу и займу огня.

Мы увлеклись разговорами о литературе. Геннадий читал то из Хлебникова, то из Цветаевой, то из современных тогда поэтов: Примерова, Рубцова, Слуцкого... Евтушенко с Вознесенским признавал, а Рождественского ругал. Время сжималось, и швейцар напомнил нам, что пора уходить: «В гостях хорошо, а дома – лучше». Геннадию очень понравилось, как народной поговоркой нас любезно попросили покинуть питейное заведение, так как оно уже закрывалось.

В первые годы жизни в Оренбурге ему часто приходилось менять углы проживания и работу. Наконец, он надолго устроился в областном Доме народного творчества методистом по поэзии. В лимонный тёплый сентябрь 1963 года в саду офицеров пединститут, а именно преподаватели историко-филологического факультета, организовали что-то вроде вечера советской поэзии, хотя это было во второй половине дня при ещё ярком осеннем солнце. Я громко и темпераментно продекламировал поэму «Скифы» А. Блока. Людвига Алексеевна Селивановская, наш преподаватель истории СССР, сказала мне потом, как я входил в образ скифа: угрожающе махал руками и угрюмо косил глазами. После всего ко мне подошел

Геннадий и предложил выпить в ДНТ, на Пролетарской, 24, где у него имелось полбутылки вина.

По дороге нам встретился Александр Александрович Возняк. Геннадий и его пригласил. «А ты не шутишь?» – удивился старый поэт. Потом сказал, очевидно, своему знакомому: «Мы лучше были, а они...» Не успел он закончить свою мысль, как из арочного прохода выскочила маленькая женщина в синем плаще и, злобно ругаясь, погнала от нас Сан Саныча. Было обидно: единственный в Оренбурге член Союза писателей СССР и такая жена... Я никогда не ожидал, что так можно грубо обойтись с известным поэтом.

А.А. Возняк начал свою поэтическую карьеру еще в 30-е годы и блестяще. В Самаре его 22-летним рабочим пареньком приняли в Союз писателей СССР. Но в 60-е годы слава Александра Возняка быстро потухла. Он выпустил последнюю книгу стихов в 1962 году. К сборнику «Сердце друга» любители поэзии отнеслись прохладно. Комсомольская закваска 30-х годов не позволила ему почувствовать новые запросы читающего народа времен «оттепели». Геннадий Хомутов сочинил двестише:

Он вертит строчки так и сяк,
Не веря, что Возняк исяк.

Жестковато сказано, но что поделаешь... Стихи у самого Геннадия были крепче (у него много внутренней рифмы), динамичней и философичней. Интонировка стихов Хомутова близка к народной разговорной речи.

...Стихотворение «Будильник» Геннадий прочитал мне на улице апрельским утром. Видимо, он только что написал его. Главное достоинство настоящей поэзии – это оживить все мертвое, одухотворить. Геннадий написал звучные стихи, в которых незамысловатый сюжет стремительно раскручивается, как стальная пружина звонка, и в то же время будильник превращается в обыкновенного деревенского петуха. Вот это и есть волшебство поэзии:

Буди меня, звени, пострел!
В тебе с недавних пор
Я гребень красный рассмотрел
И очертанье шпор.

Ты скоро крыльями взмахнёшь,
Я время берегу,
И звонко, звонко запоёшь:
«Вставай, ку-ка-ре-ку!»

Мы, студенты историко-филологического факультета начала 60-х годов, почти ничего не знали о писателях и поэтах первой волны русской эмиграции. В 1961 году на XXII съезде КПСС была принята программа построения коммунизма в СССР до 1980 года. Нас, гуманитариев, замучили семинарами, конференциями и другими мероприятиями по материалам этого съезда. И всё-таки мне удалось прочесть сборник Константина Бальмонта «Горящие здания», изданный еще до революции. Мой сокурсник Валерий Раков скептически относился к моему увлечению поэтами-эмигрантами. Напоминаю, что он стал потом доктором филологических наук. Он недооценивал Есенина, зато часто вспоминал Илью Эренбурга, хвалил «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, не замечая вульгаризмов в этой повести.

В гостях у молодых артистов драматического театра имени Горького Валерия Гурьева и Александра Алашеева (они жили в небольшой комнатке прямо в театре, окошко которой выглядывало на Дом политпросвещения обкома КПСС) Геннадий Хомутов сделал для меня открытие: «Петруша, а ведь у нас есть ещё одна литература. Придёт время: будут издавать Бальмонта, Северянина, Зайцева, Набокова. А сейчас читай Андрея Платонова – изумительный писатель. Петруша, самая лучшая профессия – читатель книг!»

На литературном небосклоне Оренбуржья, кроме Хомутова, в 60-х зажглись новые молодые звезды поэзии. Это – Валерий Кузнецов, Надежда Емельянова, Дим Даминов. Последний – мой однокурсник. Сначала он выглядел тихоней. На весенней сессии 1-ого курса получил «неуд» по истории СССР. Я видел, как он плакал навзрыд. И я понял, что он очень эмоционален и что неудача на экзаменах – случайность. На старших курсах Дим успешно учился, его стихи появились на страницах «Комсомольского племени».

Долог был путь этих поэтов к коллективному сборнику “К другу” (1972г.). Составитель Михаил Клипиницер – старейший литератор Оренбурга того времени. А до этого М.С. Клипиницер поспособствовал выпуску в Челябинске книги уже покойного А.А.

Возняка. Связь времен не нарушилась. Даже названия последнего сборника еще живого Возняка и первого коллективного сборника молодых поэтов Оренбуржья почти что совпадают. В них есть слово «друг».

Шестидесятые годы – это наша юность, наша молодость – возраст любви. И я, хорошо знавший Геннадия Хомутова в те годы, утверждаю, что его главной любовью тогда была поэзия. Владимир Одноралов в 1998 году в газете «Вечерний Оренбург» писал, что у Г.Ф. Хомутова стихов о любви как таковых нет. Весной 1964 года Гена заболел, и я навесил друга. Он проживал тогда, по-моему, на улице Буранной, снимал там комнату с женой Верой, студенткой медицинского института. На крылечке, в подступающем к нему еще нераспустившемся садике, я слушал его стихи, написанные для Веры про любовь...

В августе 1964 года для меня началась жизнь сельского учителя, встречались мы теперь редко, и Геннадий всегда спрашивал: «Ну что написал роман? Ты все прицеливаешься, а не стреляешь!» Только в 1986 году Геннадий Хомутов выпустил свой первый сборник стихов «Мёд гостеприимства» в Москве в издательстве «Наш современник». Он никогда не состоял в партии, не воспевал стройки коммунизма, не писал поэм, мобилизующих на битву за урожай. В аннотации Геннадия Хомутова называют молодым, потому, видимо, что всё там в этой книге им создано в молодости. Я один тому из свидетелей. Многое он мне, как говорится, читал даже не с листа, а по памяти. В последние времена Геннадий Хомутов известен как воспитатель поэтической молодежи Оренбуржья. Но это уже другой сказ.

Пётр Иванович Правдин родился 24 июня 1940г. Поэт. Окончил историко-филологический факультет ОГПИ. Печатался в альманахе «Гостинный Двор», в сборниках «И с песней молодость вернется», «Помнит мир спасенный», в антологиях «Утро Победы», «Внуки вещего Бояна», «Друзья, прекрасен наш союз!..». Умер 1 сентября 2011г. Посмертно вышла книга «Свеча Давида».

ОСТАВАЛСЯ МОЛОД ДУШОЙ

Работа руководителя лито многогранна. От знакомства с автором и прочтения его рукописи до публикации в СМИ порой проходит несколько лет, в которых – и участие молодого автора в обсуждениях и семинарах, и постоянная работа над словом. Ребята начинали этот путь подростками, а получали признание уже студентами. И всё это время они находились под постоянным пристальным взором Геннадия Фёдоровича Хомутова. Мы в оренбургском областном Доме литераторов всегда очень радовались за наших авторов, особенно когда шла подготовка и вручение Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка». Но и на этом работа не заканчивалась, так как потом готовилось издание сборника лучших работ участников.

Геннадий Фёдорович по удачной строчке или абзацу чувствовал творческий потенциал автора, был твёрд и настойчив в работе над ошибками. И спорил, и радовался порой до хрипоты, отстаивая истину.

Кустовые семинары регулярно проводились и в районах области, и в ОДЛ. Бывало, что за один день писатели посещали несколько районов: первая группа выходила в Переволоцке, вторая – в Тоцком, третья – в Бузулуке и четвёртая – в Курманаевке. Везде наших писателей уже ждали участники с готовыми рукописями. Затем газель так же собирала всех на обратном пути. И эта огромная работа – и с руководителями районных лито, и с авторами, и с профессиональными писателями напрямую была на Геннадии Фёдоровиче.

А с какой гордостью он развешивал на стенде Дома литераторов свежие публикации – как местной печати, так и других российских газет. А потом звонки, звонки... И поздравлял, и спрашивал: читали ли?

Все авторы всегда знали, что их ждут в ОДЛ в любое время. Порой было даже, что они приезжали на встречу с Хомутовым ещё до семи утра, с первым автобусом из своего района.

Знаменитый кожаный портфель Геннадия Фёдоровича был постоянно набит рукописями, книгами и публикациями.

Простые и заказные письма, бандероли, посылки – почти ежедневно он ходил на почту и самолично все отправлял.

В 1995 (или 1994) году пришёл первый контейнер книг наших писателей из Калуги, от издательства «Золотая аллея». Долго ждали, пока получали груз на ж/д вокзале, потом разгрузка в ОДЛ. И вот первые минуты... Авторы листают страницы... Более 15 человек... Тишина... И только шелест бумаги...

Геннадий Фёдорович всегда был востребован и на заседаниях краеведов, и на встречах со студентами, учителями и учениками всех возрастов. Он много и интересно рассказывал о своих подопечных, но когда нужно было дать интервью о себе, всегда был немногословен...

Часто во время обеда или отдыха с чаепитием работников ОДЛ Хомутов зачитывал у камина интересные отрывки рукописей авторов, или – полные юмора письма Петра Данилова, или вспоминал очередную из многочисленных историй своих встреч с известными писателями, когда они были ещё начинающими...

Когда Геннадий Фёдорович заходил в Дом литераторов, его эмоциональное приветствие от входной двери было слышно на оба этажа.

Осенью, после выходных, мы всегда видели на первом этаже гору – да, да, именно её! – гору кабачков и цукини. Это он со всеми делился своим урожаем... А зимой в холодильнике часто стояли его банки с томатным соком.

Был хозяйственным – и не только в домашних делах, но и в ОДЛ. Про свечи на столах и стихи читал, и предупреждал о пожарной безопасности.

Знал все проблемы сотрудников Дома литераторов, искренне сопереживал и оказывал посильную помощь.

Очень любил свою маму, часто цитировал её и гордился ею.

Всем своим ребятам Геннадий Фёдорович прививал девиз литературной премии «Капитанская дочка» – «Береги честь смолоду». Сам же всегда оставался молод душой.

Валентина Михайловна Равина на протяжении многих лет руководила Оренбургским областным Домом литераторов им. С.Т. Аксакова.

РУКОПИСНАЯ КНИГА

Шестнадцать лет я отработала учителем литературы в школе, двадцать пять – руководителем областной Литературной гостиной ООДТДМ им. В.П. Поляничко. И на протяжении всего этого времени со мной так или иначе было имя Геннадия Фёдоровича Хомутова.

О нём я слышала, ещё учась в школе. Потому что старшая сестра моей близкой подруги, Нина Насейкина, ходила в его литгруппу. Потом я сама, став учителем, водила своих кружковцев в областной Дом литераторов на творческие встречи с писателями, где всегда увлечённо и интересно выступал Геннадий Фёдорович.

На мой вопрос, какую должность занимает он в ДЛ, коллеги уважительно отвечали: «Да это же Геннадий Фёдорович! Я своих учеников давно к нему привожу». Чистая правда! Действительно, в нашей жизни есть люди, которые работают «Геннадиями Фёдоровичами» или «Иванами Ивановичами», независимо от должности, профессии и оклада. Такова сила их личности и предназначения, которому они преданно служат.

Хорошо помню нашу первую – сугубо деловую – встречу с ним. Я пригласила его стать членом жюри только что организованного областного конкурса «Рукописная книга». Он сказал тогда: «Я дам согласие только с тем условием, что вы наградите дипломами всех достойных его участников, независимо от их количества. И не станете делить детей на городских и областных. Все дети наши!» (Геннадий Фёдорович работал тогда в городском Центре детского творчества, я – в областном).

Он постучался в открытую дверь. Ведь это полностью входило и в мои планы: конкурс задумывался как серьёзный долгосрочный проект. По всем остальным организационным вопросам (обязательное рецензирование детских работ – в качестве заочной литературной учёбы, подробные информационные письма, где отмечены все руководители работ и видна вся картина деятельности детских литобъединений, приглашение победителей на семинары юных литераторов, проведение торжественных церемоний награждения и т.п.) наши взгляды также абсолютно совпали. То есть система работы

вокруг «Рукописной книги», благодаря Г.Ф. Хомутову, сложилась сразу же. И с течением времени только развивалась и обогащалась.

На первой же встрече участников конкурса с членами жюри я воочию увидела, насколько трепетно, внимательно, уважительно относится Геннадий Фёдорович к каждому из выступающих. Помню, десятиклассник из Матвеевского района читал свой небольшой бесхитростный рассказик о ласточке, которая свила гнездо под крышей их дома. Сильно волновался, запинался, краснел и бледнел. Но члены жюри подошли к нему в перерыве, все, по очереди, от души пожали ему руку, поблагодарили за рассказ. А Геннадий Фёдорович сказал: «Вот так и надо писать – правдиво! И только о том, что увидел и почувствовал сам!» Мальчишке дали первое место. Я так была благодарна всем членам жюри за понимание и такт!

Наш бессменный председатель жюри всегда очень нежно и трогательно заботился о каждом юном даровании: писал письма, отсылал посылки с книгами, хлопотал о публикациях в СМИ и сборниках, старался пристроить на какой-то конкурс или в творческую смену летнего лагеря, пригласить в поездку...

Помню, как мы с кружковцами подали шесть творческих работ на самый первый конкурс «Капитанская дочка». Двое из моих учеников получили денежные премии.

– Геннадий Фёдорович! Но остальные наши работы ведь были нисколько не хуже?

– Да. Равноценны. Но из трёх премий мы две – две! – отдали в одну школу, в один кружок! Где это видано?

Но сразу же, видя моё учительское огорчение, добавляет:

– Не расстраивайтесь, мы ваших талантливых детей обязательно отметим на других конкурсах!

Своё слово он сдержал. И даже с перевыполнением, потому что вскоре в областной газете появился целый разворот со стихами моего кружковца Дмитрия Егорова.

Поехали с победителями «Рукописной книги» в Аксаково. Всеми доступными средствами Геннадий Фёдорович поддержал нашу областную литературно-экологическую экспедицию «Аленький цветочек». Тут же продиктовал план исследовательских работ, касающийся именитых людей, достопримечательностей, флоры и фауны аксаковских мест, которого хватило на десятилетие. Интересовался каждой деталью, каждой подробностью нашей тамошней жизни. Детям и нам, педагогам, пришлось писать творческие отчёты для него.

Так родились ежегодные наши аксаковские сборники, последний из которых – «В краю Аленького цветочка» – был удостоен благодарственного письма от секретаря Правления Союза писателей России, члена общественного совета журнала «Наш современник», редакционного совета журнала «Роман-журнал XXI век», вице-президента Международного фонда славянской письменности и культуры Михаила Андреевича Чванова.

На всех наших творческих встречах, презентациях новых сборников, семинарах по литературной учёбе, «литературных чтениях», фестивалях и других многочисленных мероприятиях Геннадий Фёдорович умел превратить официальную обстановку в дружескую встречу единомышленников, торопился ввести и учеников, и учителей в курс литературных и культурных дел области (он никогда не делил тех, кто занимается творчеством, по возрастам). Будучи широко образованным человеком, имея замечательную память, легко называл имена, приводил факты, цитировал поэтические и прозаические строки, в том числе, из сочинений учащихся.

И в Доме литераторов в его присутствии так же всегда царило радостное оживление. Звонки, встречи, поздравления и обсуждение новых работ и публикаций, новые планы... – было «куда» и «для чего» прийти. Это была его атмосфера!

Официоза не мог переносить. Сколько раз ему предлагали отметить юбилей его творчества в областном драматическом театре! Наотрез отказывался. Но вот собрались его друзья, соратники, ученики, единомышленники, юные литераторы в небольшом конференц-зале областной библиотеки в честь 40-летия его любимого детища – областного литературного объединения им. В.И. Даля – и как же он сердечно рад был всех видеть! С большим достоинством слушал речи и поздравления, прекрасно понимая цену им сделанного.

Однажды прихожу в Дом литераторов (срочно нужна была его публикация, а он не отзывался на звонки).

Геннадий Фёдорович сидит непривычно грустный, сгорбленный. В пустом кабинете, перед пустой пепельницей. Поднимает на меня глаза:

- И вы меня убивать пришли?
- Геннадий Фёдорович, вы плохо выглядите. Болеете?
- И болею. И всё плохо и несправедливо.

– Через несправедливость каждый человек проходит. И чем человек больше, тем большая несправедливость ему уготована. Не огорчайтесь так сильно.

Он только тяжело вздохнул.

Но и новый виток его деятельности – уже без Дома литераторов, – несмотря ни на какие объективно-субъективные сложности, по-прежнему был ярким, важным, вдохновенным.

Он был неизменным составителем всех наших многочисленных сборников литературного творчества детей Оренбуржья, вдохновителем поездок в Литературный институт им. А.М. Горького, принимал участие в организации и проведении наших литературно-интеллектуальных игр, выступал в сельских школах, был активным членом жюри областного конкурса руководителей детских литературных объединений «Кастальский ключ», инициировал новые литературные конкурсы и выпуск нового литературно-публицистического журнала «Оренбургская заря». То есть добровольно принял на свои плечи весь пласт развития детско-юношеского творчества в Оренбуржье. Сколько юных литераторов и журналистов поступило в Литературный институт им. А.М. Горького благодаря его усилиям!

«Да у вас в области просто какая-то аномальная зона! Всё серьёзно! Такой мощной системной работы ни в одном регионе России больше нет!» – так охарактеризовал познакомившийся с юными литераторами и руководителями детских литобъединений Лев Васильевич Пирогов, главный редактор московского Издательского Дома «Литературная учёба».

Очень хочется надеяться, что дело, которому столь достойно всю свою жизнь служил Геннадий Фёдорович Хомутов, продолжится.

В 2020 году мы, несмотря на «удалёнку» и «дистанционку», сумели выпустить последний (из 70 подготовленных им) сборник – «Память сердца просит слова», посвящённый наиважнейшей исторической дате.

Следующий областной сборник детского литературного творчества будет посвящён уже светлой его памяти. И название его звучит как завещание. Но так им было задумано... – «Не изменяй себе, великая Россия!»

Ирина Николаевна Санникова с 1995 по 2020 год руководила литературной гостиной отдела «Истоки» Оренбургского областного дворца творчества детей и молодёжи имени В.П. Поляничко

ВОСПИТАНИЕ ПОЭЗИЕЙ

Говорят, что большое видится на расстоянии. В случае с Геннадием Фёдоровичем Хомутовым мне не нужно было «расстояние», чтобы понять: имею дело с «большим» человеком, может быть, даже великим. Эту значимость нельзя было измерить общепринятыми мерками: количеством наград, званий, премий. Но если говорить о цифрах, это могли быть: десятки профессиональных писателей, вышедших из литобъединения имени Даля, тысячи просто хороших людей, состоявшихся в других профессиях после своей пробы пера. А ещё это – миллионы (если не миллиарды!) телефонных звонков ученикам и коллегам. Иногда я не решаюсь кому-то позвонить из боязни показаться назойливой. Потом вспоминаю Геннадия Фёдоровича и думаю: «А что, если бы он боялся показаться назойливым? Тогда бы ведь ничего этого не было: ни ЛИТО, ни писателей, ни оренбургской литературы в целом, которая уже стала феноменом».

Не так давно появилось выражение «причинять добро». Мол, когда делаешь человеку что-то доброе, а он об этом не просил, получается нечто нехорошее. Геннадий Фёдорович часто помогал, когда его не просили: продвигал талантливых авторов в печати, в литинститут, помогал с трудоустройством, знакомил с нужными людьми. И зачастую потом страдал – от человеческой неблагодарности. Но он не переставал помогать людям. А всё потому, что он знал как для кого будет лучше. Думаю, его направлял его внутренний душевный свет. Свет его Предназначения.

Я всегда поражалась, как точно он мог определить авторскую индивидуальность, постепенно направить начинающего автора в то русло, где он наиболее преуспеет. Будем откровенны, школьники и студенты приходят в литгруппу с примерно одинаковыми стихами, поскольку людей юношеского возраста волнуют примерно одни и те же темы: поиск себя, любовь, красота природы... Уровень начитанности «новобранца» не всегда превышает объём школьной программы по литературе, то есть человек не всегда знает, как и о чём в принципе можно и нужно писать. Геннадий Фёдорович задавал

каждому новичку свои стандартные вопросы – своего рода анкетирование. Сначала человек с лёгкостью отвечает, как его зовут и где он живёт, а в финале начинает задумываться: когда надо ответить, кто твои любимые поэты (этот вопрос ключевой, потому что любимым авторам чаще всего подражают юные дарования). Когда же ГенФед говорил, к примеру: «Раз Гумилёв – твой любимый поэт, прочитай наизусть его стих», юное дарование часто начинало что-то мямлить, сбиваться... ГенФед резюмировал: «Ну вот! Говоришь – любимый поэт, а стихов его наизусть не знаешь!» И становилось известно. И вечером перед сном, с большой вероятностью, этот человек доставал томик Гумилёва и перечитывал его стихи. Так начиналось воспитание поэзией...

А продолжалось оно в знакомстве с другими поэтами и прозаиками: классиками и современниками, «первого» и «второго» ряда – теми, о ком не рассказывают в школах и вузах. Как они писали? О чём? Параллельно шло знакомство с творчеством таких, как ты, молодых авторов, ведь каждый приносил свои произведения на обсуждение. И тебе – уже на следующее занятие – хотелось принести не хуже, а лучше, сказать что-то новое, своими словами. А если отсутствуешь на занятиях, Геннадий Фёдорович звонил и спрашивал: «Ты читала новые стихи Заблицкой? Вчера вышли в «Вечёрке». Разве тебе не интересно?» И думаешь: «Конечно, интересно. Надо прочитать». Это замечательный материал для педагогов-исследователей: как через занятия в литобъединении формируется полноценная личность. Здесь оттачивались: умение слушать товарища, способность высказаться самому, адекватное восприятие критики, стремление к совершенству, привычка работать над собой и своими «детьми», уважение к руководителю – не навязанное, а искреннее. Недаром всё чаще и чаще мы называли его Учителем. Именно с большой буквы. Геннадий Фёдорович не был теоретиком. Его педагогические приёмы пришли к нему с опытом. Он действовал по зову души.

К слову о критике. Многие (в основном представители мужского пола) её не выдерживали, уходили из лито после того, как слышали нелестные отзывы об их работах. Думаю, эти люди больше потеряли, чем приобрели...

Следующий этап воспитания поэзией (да, чаще именно поэзией, чем прозой: по моим наблюдениям, в литгруппе всегда было

больше поэтов) – пробы себя в разных темах и жанрах. Пока не нащупаешь ту область литературы, где твоё слово будет звучать лучше всего, громче, убедительнее других, ново, запоминающееся. Возможно, даже дерзко. Хомутов всегда говорил: «Пробуйте себя во всём: написала стих – попробуй написать и очерк, и рассказ. И даже пьесу». И действительно: многие начинали с поэзии, а потом могли проявить себя как прозаики или публицисты. И наоборот.

Я пришла в литгруппу с корявыми стихами. Можно сказать, вымученными. В тринадцать лет я начала заниматься в школе журналистики при Городском Дворце Творчества детей и молодёжи, посещала все её отделения, кроме литгруппы: газетное дело, которое преподавал Александр Васильевич Старых, театральную рецензию – её вела Надежда Алексеевна Емельянова, о радиожурналистике рассказывал Владимир Иванович Одноралов. Плюс я делала первые телепередачи на студии «Винтовая лестница». На второй год занятий в этой школе я решила прийти в литгруппу – просто потому, что хотела добросовестно посещать все кружки. И я, как и многие наверно, думала, что меня там научат писать стихи: мол это так, а это – вот так. Вроде экспресс-курса. Я и не думала, что «система Хомутова» гораздо более глубокая, а обучение растянется на долгие годы.

Так вот, мои стихи были наивны и ужасны. Геннадий Фёдорович об этом – но в более мягких выражениях – написал в своей рецензии (я храню их все, напечатанные на машинке. Он их в шутку называл «любовные письма», «письма счастья»). Но – он отметил мою наблюдательность в стихотворении о центральном рынке и выделил одну сильную образную строчку: «столько народ лишь салют соберёт». Так начался мой путь писателя. С одной строчки... Далее были другие не очень удачные опыты в рифмованных и ритмически выстроенных стихах. Чтобы не выпасть из размера, мне приходилось каждый стих просчитывать по размеру, почти как в математике, каким-то образом вычеркивать или дописывать недостающие слоги, местоимения, междометия. Мне это казалось искусственным, странным занятием, не имеющим отношения к творчеству. Но однажды я попробовала написать стихотворение без рифмы и размера: сказать так, как хочу. И ГенФед похвалил. Сказал – пиши так дальше. И они пошли, мои верлибры, один за другим – из головы на бумагу. Мне их почти не приходится править. Самые удачные, по

моим наблюдениям, получают сразу «готовые», без необходимости править. И вот оно – творчество! Вот она – свобода! В последние месяцы жизни Геннадий Фёдорович, правда, высказывал мысль о том, что «зря он меня разбаловал», что я должна была всё-таки рифмовать, но это он говорил, скорее, потому что жалел меня, видя как сложен мой путь к читателю, сколько негативных отзывов я слышу от людей, не разбирающихся в литературе, сколько раз проходили мимо меня возможные публикации и премии, а каждое выступление я должна была предварять пояснением, что это такое я пишу. Тем не менее, его дело было сделано, мой творческий путь был найден. Примерно так же находил свой путь каждый литгрупповец, пожелавший остаться в литературе. ГенФед часто восхищался «Вы же все такие разные!», «Место под солнцем есть для всех» – говорил он о талантах.

Его высказывания – отдельная тема. Некоторые из них я записывала. Сначала ради смеха, а потом – осознав, что они будут полезны не только мне, но и другим. Сейчас понимаю, что надо было записывать чаще и больше...

Я счастлива, что однажды пришла в литгруппу и на протяжении семнадцати лет общалась с Геннадием Фёдоровичем. Счастлива, что вошла в круг его близких друзей: последние годы жизни он мне звонил достаточно часто, примерно через день. Конечно же, спрашивал, что я написала. Впрочем, уже можно было и не спрашивать: я и сама знала, что надо «доложить» о написанном, поскольку это его порадует. Мне казалось, это давало ему жизненные силы, ведь он жил литературой. Однажды признался мне «Я всегда хотел быть читателем», а его дочь Елена Геннадьевна рассказывала, что он почти всегда был с книгой либо рукописью в руках. Читать других и подсказывать им, как лучше – была его работа и призвание. Хомутов руководил литобъединением 56 лет и даже после увольнения из Дома литераторов продолжал дело всей жизни – формирование оренбургской литературы, а вместе с ней и всей современной российской. Последнее время он часто повторял «не переставай писать». Этим голосом теперь говорит моя совесть...

Состояние здоровья Геннадия Фёдоровича ухудшилось в 2018 году. Он тогда долго пробыл в реанимации, долго долечивался в стационарах. После выписки мы с Владой Абаимовой приехали его навестить. Геннадий Фёдорович был бледен и подавлен. О чём

говорить? Разговор о болезни усугубил бы его состояние. Я стала расспрашивать его о книгах, которые есть у него дома, а ещё – о том, какой коллективный сборник будем издавать следующим, у кого из литгрупповцев на подходе новые книги. И вдруг я увидела, как ГенФед загорается: «Мы издадим вот то-то и то-то. Книгу готовит тот-то и тот-то!» И уже он спешит к телефонной трубке, чтобы обзванивать авторов... Мне кажется, последние года полтора он так и прожил – благодаря литературному процессу и, конечно, благодаря усилиям Елены Геннадьевны.

Очень символичны при этом его домашний кабинет, откуда он всем звонил, его библиотека в несколько тысяч книг, да и в целом – его розовый дом, залитый солнцем, на окраине города, откуда виден лес и веет свежим воздухом. Его квартира, по-хорошему, могла бы стать музеем – если бы власти и меценаты больше ценили культуру: музей-квартира Г.Ф. Хомутова, поэта и просветителя. Я верю, что придёт время, когда к культуре повернутся лицом, вспомнят не только о её развлекательной и «музейной» функциях, но и воспитательной, и образовательной в широком смысле слова. Вот только восстанавливать всё потом будет сложнее...

Моё общение с Геннадием Фёдоровичем началось с поэзии, но распространилось даже на быт. Он очень любил садоводство. И однажды я ему рассказала, что моя сестрёнка посадила на даче тыкву, которая разрослась, буйно цвела, а плод дала всего один и очень маленький. «Да вы что! – воскликнул Хомутов. – Она же у вас ушла в цвет! Цветочки-то надо было прищипывать!» Мы об этом не знали. Чтобы не слишком расстраивались из-за нашей садовой неудачи, ГенФед решил угостить нас своими тыквами. Несколько вкусных тыкв разных сортов пришлось очень кстати, поскольку пошли на первый прикорм моему сыну.

Мне очень жаль, что последние дни жизни Геннадия Фёдоровича я не смогла с ним нормально общаться, потому что лежала в больнице с пневмонией (вероятно, тот самый «ковид»). В памяти всплывают лишь отрывки разговоров:

– ...Геннадий Фёдорович, если будет совсем плохо, я позвоню доктору Чернову. Может, он что подскажет, поможет...

Через три минуты Чернов уже сам звонил мне: то есть Учитель тут же с ним связался.

– Вот Вы всегда говорите, что я румяная и цветущая, а я не такая, я дохлая!

– А ты на себя наговаривай! Не надо так!

– ...Тебе теперь надо подышать крымским воздухом. Займи денег - и езжай!

– Ну-ну! В самую заразу...

– ...Ты вот пока там находишься, сиди и стихи пиши.

– Нет. Я напишу рассказ. Он будет называться «Капельница».

Потом он мне звонил шесть раз за вечер, а я не могла взять трубку – настолько сильной была слабость после множества капельниц с антибиотиками. Правда, я всё-таки собралась с силами и перезвонила: сказала, что у меня хороший рентгеновский снимок и что меня скоро должны выписать. Это был последний наш разговор.

Не так давно мне приснился сон. В Доме литераторов шло собрание литгруппы под руководством Геннадия Фёдоровича. Он готовил коллективный сборник из новых произведений участников лито. Совершенно обычный для нас рабочий процесс. И ГенФед как всегда – активный, полный энтузиазма. И я поняла, что он будет вечно живой! Поскольку жив в сердцах учеников. Поскольку не перестают они писать достойные литературные произведения.

Дарья Игоревна Тишакова родилась в 1989 году в Оренбурге. Публиковалась в газетах «Литературная Россия», «Моя семья», всероссийских альманахах «День поэзии» 2017, 2018/2019, региональных изданиях, журнале «Оренбургская заря». Автор сборников стихотворений: «Именем моим...» (2011), «Такое время» (2014), «Общество потребления» (2018). Лауреат Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка» во второй номинации, лауреат сайта «Российский писатель» (2020). Состоит в Оренбургском областном литературном объединении им. В.И. Даля. Работает журналистом ГТРК «Оренбург». Член редколлегии журнала «Оренбургская заря». Член Союза писателей России.

НА СТРАЖЕ РУССКОГО СЛОВА

«Самое главное я высказал, написал. И не желаю повторяться», – пояснял поэт Геннадий Хомутов, когда его упрекали в творческом застое.

Он, молодой поэт из Оренбурга, выступил с прекрасными стихами в центральной печати, часть которых была затем включена в престижный сборник «День поэзии», куда в те времена приглашались лишь именитые, высокочтимые литераторы страны. И вдруг решил «завязать!»... Знакомые недоумевали: поэт взял хороший разбег. Говоря языком авиаторов, набрал высоту и после нескольких удачных полетов решил... прервать их.

Его увещевали, даже осуждали: погляди, твои коллеги сверстники напряжённо работают, издали по две – три книжки, приняты в Союз писателей. А ты?! Не бережёшь, не развиваешь талант свой, живёшь, прохлаждаешься...

– Стараюсь в согласии с совестью жить, вяло оправдывался Хомутов. А названные поэты не пример для меня. Сделав открытия в своих книжках, они ничего не открыли в последующих. Разжижают себя...

– Но, согласишься, настоящий поэт – это непрерывный пожизненный труд. «Пишу, пока дышу», – сказал один классик. «Ни дня без строчки!» – заявил другой. А твое кредо?

Какое-то кредо Геннадий Хомутов, наверное, имел, но нигде не озвучивал его, не ощущая ни сегодняшней, ни завтрашней стабильности своей жизни, не имея ни выверенной профессии, ни твердого оклада, ни жилья... Отслужив в армии, работал консультантом в Доме народного творчества, сотрудничал в многотиражке «Факел», заочно учился в Литинституте имени М. Горького, по зимам, случалось, устраивался в городскую котельную кочегаром. Был завсегда-таем книжных магазинов, активничал на занятиях литературного объединения при областной газете «Комсомольское племя», а вскоре возглавил его.

Тут-то и сгодились ему литературная эрудиция, врожденный художественный вкус, поэтический опыт... И хотя практика

литературного творчества исключает такие понятия, как обучение, наставничество в их прямом толковании, в искусстве нужно до всего доходить самому, все же именно с помощью Г. Хомутова молодые авторы, посещая занятия, начали обретать поэтический угол зрения, учились отличать литературу от литературщины, овладевали богатством русского слова. К Хомутову они несли свои первые стихи, басни, рассказы и ликовали, если он, взыскательный мастер, одобрял, некоторые из них, предлагал к опубликованию на литературных страницах областных газет. Радость первых публикаций окрыляла. «Мы все начинали в студии Геннадия Хомутова. Она была для нас своеобразным университетом поэтического мастерства, где мы одновременно проходили и теорию, и практику – всю сложную технологию литературного творчества», – вспоминает известный прозаик Петр Краснов. Подобную признательность руководителю областного литобъединения имени Владимира Даля многоразов письменно и устно выражали те, чьи имена ныне у всей России на слуху. Среди них Геннадий Красников, Владислав Бахревский, Игорь Бехтерев, Надежда Емельянова, Павел Рыков, Надежда Кондакова, Валентина Ерофеева, Ольга Мялова, Николай Волженцев, Варвара Заблицкая...

Как-то на очередном занятии литобъединения побывал заезжий маститый поэт, после чего посоветовал Хомутову построже относиться к своим воспитанникам: поэзия-де – это не фитнес-клуб, не школа танцев, а всепоглощающий труд, творческое самосожжение. И нет поэзии детской, юношеской, пенсионерской и прочей льготной. Есть просто поэзия – сокровенная исповедь души, выраженная точными словами...

– Спасибо, – поблагодарил мэтра Г. Хомутов. – В принципе, мы так и делаем: графоману прямо, но деликатно говорим, что литературное ремесло не для него. И пусть не тешит себя упрямой надеждой, что стихи писать можно научиться, как езде на велосипеде. Но к тем, в ком есть хоть искорка дара, у нас особый пригляд и ласка. Робкие зеленые ростки мы не поливаем жесткой струей из брандспойта...

Маститый поэт в целом был прав, но требования предъявлял без учета произошедших в постсоветском обществе негативных перемен. Государство, например, перестали интересовать люди художественного труда, статус которых оно даже законом не

обозначило. Любовь к живому слову, к отечественному искусству, к Родине – развитие и упрочение в людях этих нравственных начал меньше всего стало озадачивать его и подручные средства массовой информации. СМИ призывали творческую молодежь работать на потребу дикого рынка с его мутными, заемными идеалами, нарастающей бездуховностью, цинизмом. Чистоган и коммерциализация в литературной среде, издательский хаос позволяли всякому объявлять себя писателем и при полном отсутствии таланта, но при наличии больших денег издавать свои книги любым тиражом и любого содержания (цензуры-то нет, а вкуса и совести у бездарей не имеется).

В стране – завалы книг криминальной и сексуальной литсивухи, воспроизводящих неистощимую судебную хронику, жуткие уголовные истории, кровавые разборки терминаторов, воров, садистов... В книжках этих и на экранах неослабно культивируется атмосфера бесовства, где преступление выдается за отважный поступок, вседозволенность – за свободу, ложь – за правду, где нет места тем, кто честным трудом и умом славит и кормит страну, укрепляя дух и стойкость общества...

Когда в портфеле Хомутова скапливалось несколько стихотворных подборок, он нес их в газету «Вечерний Оренбург» и публиковал со своими предисловиями.

Выпуски первых книжек членов литобъединения отмечались как грандиозные праздники и победы – ведь, заимев свою книгу, начинающие авторы приобретали как бы наглядные свидетельства своего таланта.

Одарённого человека важно не только поддержать словом и делом, его нужно прежде всего найти, выявить. Этот поиск Хомутовым ведётся путем проведения областных литературных конкурсов, по итогам которых издаются коллективные сборники. В Оренбуржье более десяти лет постоянно действуют литературные конкурсы имени С.Т. Аксакова и А.С. Пушкина, недавно учреждена региональная литературная премия имени П.И. Рычкова, большим стимулом для творчества писателей всех возрастов служит губернаторская премия «Оренбургская лира». Сотни школьников, студентов состязаются в ежегодно проводимых тематических литературных конкурсах, таких, как «Мой город любимый», «Рукописная

книга», «Солнечный зайчик». Призёры получают денежные премии и сувениры.

На творческих вечерах Геннадий Федорович представляет зрителям не себя, а своих подопечных, радуется их творческим успехам, несомненной верности их русской классике. Про свои стихи говорит мало, хотя издал три небольших сборника, получал премии... Но это так, для отчёта, как поясняет поэт, для подтверждения профессиональной пригодности своей руководить крупнейшим в России литературным объединением, которое он бессменно возглавляет вот уже 50 лет. То есть из мира поэзии Хомутов никогда не уходил, жил в ней скромно и строго, являясь её неподкупным адвокатом и стражем. Да, стихов у него не так много, зато их знают в Оренбуржье все, кого хоть в какой-то степени интересует настоящая литература.

Иван Сергеевич Уханов родился в 1938 году в селе Дордаково Арзамасского района Горьковской области. В 1966 году окончил филологический факультет Оренбургского педагогического института. Первый рассказ «Настоящий мужчина» опубликован в газете «Комсомольское племя». Работал техником-оператором на строительстве шоссейных дорог, специальным корреспондентом областной газеты «Южный Урал», заместителем главного редактора журнала «Молодая гвардия».

Избирался секретарем правления Союза писателей России, был членом Приемной коллегии Союза писателей России.

Награждён орденом Дружбы народов, дипломом 1-ой степени «Золотое перо Москвы» (2002г). Лауреат премий «За лучшую книгу молодого писателя» (1972), им. М. Джалиля (1974), Ленинского комсомола (1977), Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка» (1998), премии им. С. Есенина (2003), Международной литературной премии им. Андрея Платонова (1997), лауреат региональной литературной премии им. П.И. Рычкова. Умер в 2017 году.

ЧЕЛОВЕК С БЕСПОКОЙНОЙ ДУШОЙ

В начале этого тысячелетия наша семья оказалась в Оренбуржье, куда перевели мужа-пограничника. Поначалу Орск, встретивший нас кирпичными домами старого города, показался поселением дореволюционной эпохи, в котором время почти застыло. Гуляя по пыльным переулкам, прилегающим к улице Советская, я набрела на потрескавшееся от времени здание библиотеки имени Т. Шевченко. Остановилась, присмотрелась, вошла внутрь. Поразила сохранности изразцов старинной печки, книжному богатству, душевности обстановки. Пожалуй, нигде так не радуются неожиданным гостям, как в маленьких библиотеках. Помню, сразу бросился в глаза большой стенд, на котором были представлены книги литераторов разных поколений, творивших в Оренбуржье. Именно там я впервые увидела книги, где редактором или составителем значился ещё незнакомый мне тогда Г.Ф. Хомутов. Так состоялась наша первая заочная встреча с Геннадием Фёдоровичем. Позже его стихотворения о войне довелось слушать на конкурсе, посвящённом Дню Победы. В 2002 году мне в руки попал сборник «Они прилетят. Антология современной поэзии и прозы Оренбуржья», составителем которого также значился Г.Ф. Хомутов. В его собственной подборке поражают не столько образы, созданные автором, сколько та глубинная печаль, что чувствуется в каждом стихотворении. Особенно мне в душу запали эти горькие строки:

И вот я не крестьянин, не поэт.
И нет судьбы смешней и бесшабашней,
И нету оправданья перед пашней,
И от стихописанья пользы нет.

Через некоторое время мне по работе нужно было сдать в редакцию газеты «Орские известия» несколько статей. Там состоялось знакомство с орским литератором А. Ивановым, в то время возглавлявшим городское литературное объединение «Сонет». В разговоре

с ним об оренбургских писателях услышала несколько имён, среди которых он назвал и Хомутова, отрекомендовав человеком строгих правил, говорящим исключительно честно о творчестве того или иного автора, за что не все любители похвалы его жалуют. Как я теперь понимаю, пока Геннадий Фёдорович был, как говорится «на коне», с ним считались не только друзья, но и недруги. И часто творческие люди поступали по такому принципу: трусливые молчали, горделивые смирялись и затаивались до времени, бездарные подхалимничали, а способные чувствовать добро учились и благодарили.

Традиционно несколько раз в год орские авторы, независимо от заслуг и возраста, направляли свои работы «на литературный суд» Геннадию Фёдоровичу. По совету А. Иванова я тоже составила подборку стихотворений, в которой, помимо прочего, было девять венков сонетов. Взяла эту форму из чисто «спортивного интереса», поскольку оттачивать техническое мастерство на ней очень удобно. Написав изрядное количество венков сонетов, наивно считала, что достигла некоего поэтического среднегорья, мысленно хваля себя, любимую, за литературную прыть. Признаться, ждала похвалы и от других. И, действительно, в Орске меня хвалили и с большим удовольствием приняли в «Сонет», доверив быть редактором «Литературного Орска» и затем общего сборника стихов. Ох, и намучалась я с этим сборником! У каждого автора был свой собственный взгляд на количество произведений, которое должно быть размещено в книге. На свет вышли такие страсти, велись такие подковёрные игры, о которых я и не подозревала, наивно полагая, что литераторы – это люди, разговаривающие исключительно «высоким штилем». Впервые столкнувшись с «изнаночной стороной» творческого общения, переживала по поводу возникающих конфликтов, твёрдо решив для себя выйти из сообщества и больше ни в какие организации не вступать. Хотя к тому времени уже была членом Союза журналистов, но это меня ни к чему особенно не обязывало, а вот быть членом Союза писателей мне казалось непосильной ношей и ответственностью. Сегодня, зная, через какие редакторские перипетии пришлось пройти Геннадию Фёдоровичу, не могу не сказать вот о чём: не всякий человек умеет забыть о противоречиях внутри литературной организации. Порой они проявляют себя далеко не в литературной форме. Лишь единицы могут долгое время закрывать на это глаза и отдавать все силы продвижению других людей, не давая

негативу коснуться их даже краешком чёрной линии. Ох и тяжкая это доля – быть редактором чужих творений! Геннадию Фёдоровичу я посвящаю стихотворение, написанное как раз на эту тему:

Мы видим чужие просчёты,
Мы помним чужие грехи
И сводим с противником счёты,
А лучше б писали стихи.
Нам трудно бывает поверить,
Что искренность рядом живёт.
И вот открываются двери,
Чтоб двигалась серость вперёд.
Ей проще пробиться сквозь лаву
Вулкана интриг и страстей.
Но тот, кто из высшего сплава,
Со временем справится с ней.

Но поговорим и о светлой стороне. Примерно в 2002 году в Орск прибыла делегация литераторов из Оренбурга. В их числе был и Геннадий Фёдорович. Наше очное знакомство состоялось именно в той библиотеке, где меня приветливо встретили несколько лет назад. В просторном зале поблёскивала старинными изразцами печка, лилась тихая гитарная музыка, звучали приветствия в адрес гостей, проводящих в Орске литературный семинар. Одним из вопросов было обсуждение тех самых «творческих пакетов», что орские авторы посылали загодя на консультацию в Оренбургский Дом литераторов. Слово взял Г.Ф. Хомутов. Удивительно, но поначалу он говорил тихим и вкрадчивым голосом о каждом авторе очень добрые и индивидуальные слова. И когда у присутствующих притупилось чувство опасности, а очередной обсуждаемый автор, наверное, мысленно уже почивал на лаврах, тут-то Геннадий Фёдорович и выстреливал из своей критической пушки. Причём, это происходило всегда совершенно неожиданно, как будто перед нами мгновенно материализовывался другой человек. Менялся тон голоса, выражение лица, становящееся то гневным, то почти каменным, а глаза так и метали молнии в разные стороны. В зале в этот момент воцарялась «стеклянная» тишина. Это было похоже на то, как где-

то под куполом цирка по канату идёт жонглёр, неся на голове хрустальный бокал с вином. И пока он балансирует на тонкой линии, зрители смотрят, зачарованно затаив дыхание, не смея пошевелиться. Но вот жонглёр доходит до маленькой площадки, и теперь, перед его вторым заходом, зрители могут временно расслабиться и выдохнуть. Примерно такая обстановка была в библиотеке между обсуждениями произведений орчан. Пока очередь не дошла до меня, про себя отметила, как убелённые сединой мужчины и женщины сидят, понутив головы, не смея ничего возразить. Да и что тут скажешь, если критик приводит убийственные доказательства твоей литературной несостоятельности, так и сыпля цитатами из бездарных авторских строк! Кто-то мог бы и деликатно промолчать, дипломатично провести время семинара в гостях за хлебосольным столом, уехать восвояси, не испортив отношения с хозяевами. Но только не Хомутов! Правда была для него превыше личных отношений, он, как рыцарь слова без страха и упрёка шёл напролом, невзирая на лица. Разумеется, число недоброжелателей росло с каждой раскритикованной им строкой. И лишь те, кто не ставил собственное тщеславие и гордыню выше самосовершенствования, сумели не только сохранить тёплые отношения с мэтром, но и со временем получали от него бесценные советы и помощь в разных видах. А что касается того литературного семинара в Орске, то на нём творчество лишь нескольких человек получило положительную оценку от Геннадия Фёдоровича. Мне посчастливилось быть одной из них, хотя и на всю жизнь запомнится эпитет, которым он одарил мои сонеты, назвав их со смехом «погребальными венками». Впрочем, сразу же и оговорился, что не нашёл в них особых недостатков, просто не по его литературному вкусу такое количество сонетов от одного автора – это явный перебор. И, повернувшись всем корпусом ко мне, заявил громогласно и безапелляционно: «А вам надо больше работать над собой, нельзя жалеть себя, у вас есть перспектива стать хорошим автором». Этот девиз – не жалеть себя, такой простой и важный, начинаешь понимать только с годами. А Хомутов жил по нему и поступал по совести. За это его любила молодёжь. Ей он уделял много времени, которое мог бы, наверное, потратить на собственное творчество. Мне вспоминается, как в очередной приезд в Оренбургский Дом литераторов разговаривала с Геннадием Фёдоровичем о каких-то первых литературных набросках сына, относясь к ним с большой

прохладой, как к обычному детскому «рифмоплётству и графомании». Тогда Хомутов меня резко раскритиковал, даже пожурил за небрежное отношение к творчеству ребёнка. И стал внимательно следить за его литературным ростом, время от времени подбрасывая советы, настойчиво требуя им следовать, не забрасывать черновую работу, вычитывание страниц прозы, чтение соответствующей литературы. Приглашал в Оренбург на семинары молодых авторов. Просил присылать всё написанное ему лично, беспокоился, звонил, начиная разговор всегда одинаково: «Ну как вы там, ещё пишете? Надо работать над собой, надо писать, вы должны!» И как же он обрадовался, увидев среди победителей областного конкурса «Рукописная книга» имя моего сына. Сразу позвонил и попросил прислать ещё работы, а потом я с удивлением узнала, что сам Геннадий Фёдорович выдвинул их на соискание литературной премии «Капитанская дочка» в непрофессиональной номинации. И ещё больше он радовался, когда в 2012 году заветная статуэтка Маши Мироновой оказалась в руках моего сына Виктора. А сколько таких статуэток и иных наград получили другие его ученики за весь тот путь, что прошёл рядом с ними Геннадий Фёдорович Хомутов, человек большой души и пылкого сердца!

Мою первую книгу для детей тоже благословил Геннадий Фёдорович, ГенФед, как его называли многие между собой. Он всё время звал меня вступить в Союз писателей, но я не считала это для себя необходимым, вежливо отказывалась. Он сокрушался и ругал меня за это. И при каждой новой встрече терпеливо спрашивал: «Ну что, Ирина Владимировна, не созрели ещё для вступления в нашу организацию?» Я старалась перевести разговор на менее щекотливую тему и как-то раз начала рассказывать ему о своей жизни на Курилах. Геннадий Фёдорович очень внимательно слушал и даже когда в его кабинет в Доме литераторов вошли другие люди, жестом показал им присесть, призывая меня продолжить рассказ. Он умел так слушать, что человек рядом с ним ощущал себя лучшим в мире рассказчиком. В результате того разговора у Геннадия Фёдоровича родилась идея, которую он тут же мне изложил: а не написать ли серию рассказов о Курилах? Вежливо согласившись, мол, надо подумать, я тут же забыла о предложении. Но через неделю раздался

телефонный звонок, и голос Хомутова мне вкрадчиво посоветовал поскорее начать работу над рассказами. В следующий приезд в Оренбург мне опять было сказано: «Надо писать!» Я сопротивлялась, как могла: когда писать? Дом, дети, быт. Да и с прозой я дружу только по большим праздникам, когда нужно статью в газету тиснуть. Стихи – вот моя стихия, с прозой мороки много. Такие отговорки я заранее подготавливала для каждой нашей встречи. Но Хомутов был неумолим, на него не действовали эти «бытовые мелочи». В результате пришлось сесть и написать. Послала ему рукопись и забыла о ней. И вот раздался звонок из Оренбурга: «Это Хомутов. Ну что я вам скажу, рассказчик вы гораздо лучший, чем писатель. Ну что это за текст? Вы должны писать так, чтобы читатель вашими глазами увидел Курилы. Садитесь и пишите заново!» Тон его голоса подействовал молниеносно, мне стало стыдно. И работа над рассказами закипела. Так больше года мы работали над рукописью, в результате в 2020 году вышла книга «Чемодан, вокзал, Россия! И другие рассказы», которую я успела прислать Геннадию Фёдоровичу. Не знаю, прочёл ли он её в изданном варианте, хотя в последний наш разговор, кажется, в апреле обещал это сделать. Мы обсуждали мои литературные перспективы и будущий переезд в Санкт-Петербург. Геннадий Фёдорович сетовал на то, что здоровье уже не то, подводит, а так ещё хочется многое сделать. Как чувствовал, что это наш последний разговор, сказал, мол, вот вы теперь на новое место уедете, больше не свидимся. И, как всегда, бодрым голосом в конце: «Будьте здоровы! Писать не бросайте!» И сегодня мне так хотелось бы ему пообещать: «Не брошу, Геннадий Фёдорович! Даст Бог, ещё издам ту книгу, о которой мы с вами говорили. И обязательно посвящу её вам. С благодарностью и почтением».

Ирина Владимировна Шейбак родилась в 1967 году в Кишинёве. В 1989 году с отличием окончила Кишинёвский государственный университет. Член Союза журналистов России с 2004 года.

Являлась редактором издания «Литературный Орск», руководителем литературного объединения «Заря» (Орск).

Лауреат городской премии «Орчанка» в номинации «Женщина, прославившая город». Лауреат Региональной литературной премии имени П. И. Рычкова (г. Оренбург). Выпустила несколько сборников стихов и рассказов.

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО

Так получилось, что я узнал о смерти Геннадия Федоровича только вчера. Чуть больше месяца назад он мне звонил. Говорили о саженцах и абрикосах, вспоминали его соседа по даче... Царствие небесное Геннадию Федоровичу! Пусто и печально стало на земле с его уходом! Как в выжженном огнем лесу.

Сергей Петрович Абрамов, рук ДЛО «Орлан» Кинделинского школьного лесничества, Ташлинский район

Душат слёзы, путаются мысли, невозможно осознать, что с нами нет и никогда уже не будет Геннадия Фёдоровича. А вот только недели три назад мы с ним разговаривали по телефону, он прислал последний сборник для моих «карусельщиков», мы строили планы на участие в Корсуновском конкурсе. Геннадий Фёдорович, как всегда, интересовался не только творческими делами, но и бытовыми: спрашивал, ходят ли у нас по селу медведи, много ли ягод, большие ли были зимой сугробы. При жизни он был, как он сам любил говорить, сладёной, а сладкое ему близкие из-за состояния здоровья запрещали есть вволю, поэтому он любил чай с нашим мёдом. И когда мой сын написал рассказ «На пасеке», то Геннадий Фёдорович радовался ему и смеялся от души. Такой чуткий и справедливый был человек: в каждой ребячьей работе найдёт ту изюминку, которую следует развивать. И ребенок начинает писать еще и еще.

На этом его миссия не заканчивалась. Сколько ребят с его помощью бесплатно отдохнули в лагерях Оренбуржья, в «Солнечной стране», в «Артеке», в Анапе, в «Сириусе». Разве можно оценить то участие, которое он оказывал каждому ребёнку? Спасибо, огромное спасибо, миллион раз спасибо от меня лично, от моих детей: Антона, Коли, Веры и Фёдора.

Младший из сыновей, Фёдор, узнав это печальное известие, не смог сдержать своих чувств, рыдал в голос. Ну, как мы теперь без нашего наставника, без путеводной звезды? Говорят, что Бог не спросит на том свете, на какой машине ты ездил, в каком доме жил,

а спросит, сколько тебе раз сказали спасибо, думаю, что Геннадия Фёдоровичу на том свете уготовано место рядом со святыми. Когда человек живёт, не задумываешься о том, что его может не стать, и так много не успеваешь сказать при жизни, оставляя слова «на потом». Надеюсь, он услышит то, что мы не успели ему сказать. Поистине родной был для нас человек. Не могу поверить в случившееся. Слёзы душат.

Людмила Павловна Бархатова, руководитель ДЛО «Каруселька», Алмалинская СОШ, Тюльганский район, Оренбургская область

Мы знали этого замечательного человека много лет. Скольким из моих студийцев он сказал доброе слово? Не счесть. Геннадий Фёдорович всегда говорил честно, прямо, мог пожуричь, но никогда не обидел. Тонко, вдумчиво, мудро писал рецензии всем участникам различных конкурсов, среди которых – любимый – «Рукописная книга». Стать лауреатом этого конкурса, услышать самого Г.Ф. Хомутова на «Формуле творчества»! Дети этого ждали...

А самым трогательным стал телефонный звонок Г.Ф. как раз на уроке в 5 классе. Я включила громкую связь. И мои пятиклашки, замерев, слушали. Теперь знаю: это точно наказ Геннадия Фёдоровича: «Пишите, дети!.. Не бросайте этого занятия!..»

Мы отправили ему подарок к Новому году: поделки, пожелания. И вот чудо – он, несмотря ни на что, каждому ребёнку прислал книжечку с автографом... Мы чуть плакали от счастья. Спасибо, Геннадий Фёдорович, за встречу с Вами!

Геннадий Фёдорович остался в моей памяти светлым, добрым человеком, чьи достоинства не переоценить. ЛТС «Карусель» более 20 лет. На протяжении всей её истории поэт оказывал нам свою поддержку. Благодаря его словам, юные литераторы набирались смелости и мотивации писать.

Елена Владимировна Бойко, руководитель ДЛО «Карусель», Акбулакская СОШ № 1

Это действительно, так! Таких людей, как Геннадий Фёдорович Хомутов, больше нет! Мы с детьми начали делать исследовательскую работу о нём, договорились с ним о встрече, помешал коронавирус. Я уверена, что это была бы замечательная работа. Он бы многое рассказал: и о голодном детстве, и о тяжёлых послевоенных годах... Жаль – не успели... У меня остались подаренные им книги, которые мы читали дома вместе с моим мужем, Александром Павловичем Крекотиным, тоже учителем. Читали по очереди. Это очень сильные стихи. Столько в них боли, страданий, что слезы наворачивались на глаза. Очень больно, когда уходят такие люди, которые могли бы еще очень много сделать, многому научить. Это большая потеря для всех нас!

Крекотина Ольга Николаевна, руководитель ДЛО «Хранители», Пролетарская СОШ, Красногвардейский район

Геннадий Фёдорович Хомутов умел так сказать, с такой надеждой, так воодушевить на то, чтобы сделать все, как можно лучше! Он вёл не только учеников, но и их наставников! Он понимал сокровенную суть Слова, которая есть великая драгоценность русского народа, потому что русское слово идет от сердца! И когда среди искусственных речей мы слышали его слово, то у каждого из нас высвобождалась собственная творческая энергия, начинали складываться стихи и рассказы...

Он жил красиво. Любил людей. Творил вокруг себя какую-то особую атмосферу. Конечно, он по праву должен быть назван Почётным гражданином города. Ведь то, что им сделано в области развития детского и юношеского творчества, бесценно.

Людмила Федоровна Терехова, рук. ДЛО «Прикосновение» ООДТДМ им. В.П. Поляничко

Геннадий Федорович Хомутов в моей судьбе и в моем становлении как личности творческой сыграл большую роль. Именно Геннадий Федорович привлек меня к писательской деятельности. Сама

атмосфера конкурсов и литературных семинаров вселяло надежду и веру в себя. Так как я занималась в телестудии, то очень часто при написании текстов вспоминаю его уроки, храню его рецензии. О его творческом пути, уникальности его личности и просто добрейшем души человеке я совместно с местной детской телестудией создала фильм «Поэт глубинки». Безмерно благодарна этому большому светлому человеку. Навеки в памяти!

Мария Девятаева, выпускница Новосергиевского ДЛО «Мы вместе», студентка Казанского государственного института культуры.

Геннадия Федоровича Хомутова я узнала, когда училась ещё во 2 классе. Он написал рецензию к моим первым работам. В первой его рецензии есть такая фраза: «Есть в зарисовках наблюдательность, усиленный интерес к подробностям мира природы». Она заставила меня задуматься о том, что у меня что-то получается! И раз член Союза писателей России отметил какие-то задатки, то, скорее всего, они и вправду есть. Геннадий Федорович вселил веру в себя. Благодаря ему, мне хотелось писать ещё больше и лучше.

Когда я впервые лично встретила с Геннадием Федоровичем на литературной встрече, он показался мне очень строгим. Но вот стал говорить и захотелось его слушать и слушать. Он оказался таким мягким и добрым человеком! Так интересно рассказывал о литературных новостях, так умно подмечал детали в литературных зарисовках! Делал замечания так, что сразу становилось ясно, что и где именно не так. Я очень рада, что была знакома с таким человеком. Он помог мне и не только мне, но и многим другим начинающим писателям поверить в себя, найти свой стиль и быть индивидуальными.

Очень жаль, что общаться с ним приходилось нечасто, но и такие редкие моменты запомнились надолго.

Дарья Абрамова, выпускница ДЛО «Орлан» Кинделинской СОШ Ташлинского района

Моя встреча с поэтом состоялась, когда я учился в шестом классе. Незадолго до этого от гимназии послали мои работы на областной конкурс «Рукописная книга», так они попали к Геннадию Фёдоровичу, который почему-то их отметил как перспективные и рекомендовал к соисканию Всероссийской литературной премии «Капитанская дочка». Вот на вручении этой премии и произошла наша первая встреча. Позже нас, молодых авторов, собрали в областном Доме литераторов, где в то время наставничал Г. Ф. Хомутов. Помню, как к сидящим вокруг длинного стола ребятам вышел немолодой, но очень энергичный человек и оглядел всех испытующим взглядом. Мне показалось, что он видел нас насквозь. Это уже потом я узнал, как бывалые авторы между собой называли беседу один на один с ним «испытание Хомутовым». Геннадий Фёдорович, действительно, не терпел рифмоплётства ради поэзы, славы, почестей. Его критические замечания всегда были конструктивны, если уж он кого-то и разбивал в пух и прах, то потом, немного смягчив голос, всегда давал несколько ценных советов. Это можно было услышать и на семинарах начинающих литераторов, и на личных встречах, и просто в бытовом разговоре. Конечно, такая манера не всем нравилась, люди искусства очень самолюбивы и не всегда воспринимают критику в адрес собственного творчества за благо. Но те, кто выдерживал это испытание, непременно становились на литературное крыло и летели дальше по творческой траектории. Думаю, многим авторам будет не хватать такой трезвой и бескомпромиссной оценки. Вместе с Г.Ф. Хомутовым ушла целая эпоха. Но лично я всегда буду помнить Геннадия Фёдоровича как моего литературного крёстного отца.

Виктор Шейбак, студент Оренбургского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

Елена Поконова. Мой папа	4
Татьяна Белозёрова. Он ушёл	34
Николай Болтышев. «Я хочу видеть этого человека!..»	37
Жанна Данилова. «Нос не задирай!»	43
Татьяна Дулепова. Чем не школа?	47
Лина Ерофеева (Логиновская). Я буду помнить.....	49
Иван Ерпылёв. Уроки Геннадия Фёдоровича	51
Евдокия Ескина. «Время укреплять семьи»	56
Инна Зубова. «С сорок первого года пусты закрома...»	58
Валентина Капустина. «Литературная энциклопедия»	63
Надежда Кашина. Горит его свет	67
Михаил Кильдяшов. Чем порадуешь?	70
Дмитрий Коноплин. Я должен рассказать о Хомутове... ..	77
Ирина Куртмазова. Сухопутная русалка ГенФеда	88
Наталья Лесцова. Золотоискатель	91
Елена Лысова. Святое дело	94
Люция Махмутова. Он стал нашим корнем	98
Алексей Михалин. Степные родники	101
Фарид Нагим. Биография и судьба	107
Александр Неверов. Возвращённая память	109
Ольга Никитина (Черёмухина). «Минувшее берёт за образец» ..	115
Виктория Попова (Малолеткина). Ничто не кончается	126
Валентина Равина. Оставался молод душой	132
Ирина Санникова. Рукописная книга	134
Дарья Тишакова. Воспитание поэзией	138

Иван Уханов. На страже русского слова	144
Ирина Шейбак. Человек с беспокойной душой	148
ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО	154

*Неоценимую помощь в издании этой книги оказали
 Михаил Александрович Кильдяшов,
 Дарья Игоревна Тишакова и Виктория Васильевна Малолеткина*

ЖИТЕЙСКИЕ БЫЛИНЫ

Воспоминания
о Геннадии Хомутове

Оренбург, изд-во «Ямб», 2021.

Формат 60х84/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4
 Тираж 200 экз. Типография «Инэл Принт»
 г. Оренбург, ул. Володарского, 5, офис 2

ISBN 978-5-6046128-4-2

